

**Артем Шумилин
Серж Винтеркей**

**Ревизор:
Возвращение в СССР 19**

Ревизор: возвращение в СССР 19

Глава 1

Москва. Квартира Излевых.

— Что ж не позвонили-то сразу? — расстроился я, что так поздно узнаю о такой новости.

А сам подумал — блин, не проснулся, вот и несу всякую ерунду. Галия родила — и это главное!

— Так, жена ваша не позволила вас будить!

— Она в порядке? Кто родился? Дочь? Сын?

Мишка в одних трусах встал рядом и испуганно смотрел на меня.

— Павел Тарасович, два сына, — ответил Лещиновский. — У вас двойня.

— Ка-аак? А жена?

— Всё хо-ро-шо, — настойчиво проговорил доктор, почувствовав, что меня сейчас накроет. — И с детьми, и с матерью.

— Спасибо! Я вылетаю! — крикнул я и бросил трубку.

— Мишка у меня двойня! Два сына! Представляешь?! — бегал я по квартире, собираясь.

— Поздравляю! Надо же позвонить кому-то, сообщить, — подсказал он мне.

— Да-да, — схватил я записную книжку.

Позвонил отцу. Позвонил Сатчану, попросил передать Марату, а тот пусть своим сообщит. Потом позвонил Лёхе Сандалову, попросил Гаврилиной сказать, что я улетаю. Эль-Хажжам набрал. Все радовались, поздравляли меня. Объяснял им, что улетаю прямо сейчас в Клайпеду, очень тороплюсь. Эх! Не так, конечно, в дикой спешке, надо разговоры на такую тему разговаривать!

Мишке написал рабочий телефон мамы в Святославле, попросил позвонить ей после девяти утра, сообщить всё и попросить дать телеграмму бабушке. Ещё оставил рабочий телефон Петра Жарикова, тоже попросил ему сообщить, как рабочий день начнётся.

— Миш, ты всё равно, пока не учишься, подежурь у меня на телефоне, пока я не вернусь, ладно? А я твоим вопросом, как приеду, так сразу и займусь!

— Конечно, — пообещал он.

— Я на место прилечу, узнаю подробности и тебе позвоню, а

ты уже передашь всем, кто будет звонить.

— Всё сделаю, — пообещал друг.

Взял денег, два чемодана с детскими вещами, приготовленными заранее, и побежал на проспект Мира ловить такси до Шереметьево.

* * *

Москва. Квартира Эль Хажжей.

— Дина! — заорал Фирдаус положив трубку. Диана испугалась, муж звал её так только, когда сильно волновался.

— Галия родила!

— А-аа! — подпрыгнула Диана, захлопав в ладоши.

— Двойню, Дина! А у нас люлька одна!

— Как двойню? — ошарашено продолжала улыбаться Диана.

— Да, Дина, радуйся — у твоего брата два сына! — ответил ей муж и заказал разговор с Ливаном. — Аллах его благословил!

Диана с удивлением отметила, как он необычно остро реагирует. Словно у него самого два сына родилось! Хотя, наверное, каждый мужчина мечтает, чтобы у него два сына родилось... А по уму, и женщине мечтать стоит — один раз беременность, и минимальный план — два ребенка — для средней советской семьи уже выполнен! Хотела ли бы она сама так — а то!

* * *

Москва. Квартира Сатчанов.

— Римма! Галия двойню родила! — положив трубку, закричал Сатчан.

— А?! Как она, бедная? Какой вес у детей? Кто родился, мальчики, девочки?

— Мальчишки! — всё ещё не придя в себя, смотрел на неё ошарашено муж. — Два парня! Во дает тезка!

— А вес?

— Да откуда я знаю?

— Вот, мужчины. Ладно, я приду на работу, позвоню в Клайпеду.

— Я поеду Марата искать, это брат Галии, — начал

собираться Сатчан. — Павел просил передать ему, чтобы он дальше всем своим передал по цепочке.

— А, теперь же подарок, что мы приготовили, не годится, — спохватилась жена. — Детей же двое.

— И что будем делать?

— Коляску надо для двойни достать, — подсказала Римма. — Это страшный дефицит. Они сами не достанут, наверное.

— Я понял! — поцеловал жену Сатчан и умчался искать шурину Ивлева.

* * *

Двенадцати не было, а я уже рвался в больницу. Еле пережил перелёт, так время тянулось. Пока Лещиновский лично за мной не спустился, мужественный медперсонал грудью защищал покой советских мамочек и не пропускал меня, несмотря ни на какие удостоверения. Он велел мне оставить вещи и надеть халат.

Меня пустили к жене на пять минут. Её перевели в другую палату. Выглядела она, как мне показалось, болезненно, круги тёмные под глазами.

— Как ты? — бросился я к ней.

— Думала, хуже будет, — улыбнулась она. — Все стращали, что ребёнок крупный, а они маленькие оказались. Никак не ждала сразу двух!

— Умница моя, как все хорошо сложилось! — выдохнул я и обнял ее, а она уткнулась лицом мне в плечо.

Медсестра в сопровождении Лещиновского принесла детей. Дали подержать на одну руку одного, на вторую второго. И правда, маленькие! Красненькие. Не знал, на кого смотреть. Метался взглядом между ними.

— Они одинаковые будут? — спросил я Лещиновского.

— Анализы надо сделать, группы крови сравнить...

— Ладно, не надо, — испугался я, что у таких малышей кровь будут брать. — Потом сами поймём.

— Всё, папаша, подержали и хватит, — забрала у меня детей медсестра.

Следом за ней вышел и доктор, показав мне на часы.

— Дорогая, спасибо! — бросился я к жене. — Два сына сразу! Я поверить не мог, пока в руки их не взял. Ты уже

думала, как мы их назовём?

— Думала, если мальчик будет, то Руслан. А если девочка, то Рая. А теперь не знаю, — насупилась она, но тут же улыбнулась.

— Ладно, успеем ещё решить, — поцеловал её я и в этот момент заглянул доктор, опять показывая на часы. — Мне пора, дорогая. Над Москвой все еще смог, я не хотел бы вас туда везти сейчас. Поговорю с доктором, чтобы он подержал вас в больнице подольше. Чтобы тебе в себя прийти после родов. А то сразу два младенца — это очень тяжело.

Доктор Лещиновский с пониманием отнесся к моей просьбе, сказал, что беременность многоплодная, можно совершенно спокойно подержать роженицу дней десять. Хотел ему вручить коньяк, а он внизу в вещах. Доктор спускаться со мной не стал, догадавшись, зачем я зову его вниз. Побаивается брать у меня подарок, учитывая мое удостоверение... А без Лещиновского меня обратно не пустили. Облом.

Выйдя в холл на первом этаже, увидел Егорыча. Он растерянно оглядывался по сторонам. Увидев меня, не поверил своим глазам.

— Паша! А ты как здесь? — удивился он.

— Мне утром позвонили, я и прилетел сразу, — обнялись мы со старым.

— Ой, а мы с пани Ниной уж и не знали, что делать. Я сюда поехал, а она осталась на переговорном пункте тебе дозваниваться.

— Всё хорошо... — уговаривал я сам себя. — Я уже был у жены и пацанов в руках держал, — возбужденно стиснул я кулаки, чувствуя, что адреналина хватанул за это утро сполна. Всё тело дрожало мелкой дрожью и зуб на зуб не попадал.

Посадил Егорыча на скамейке во дворе больницы с вещами, а сам собрал передатку жене из полученного набора в столе заказов и туда же завернул коробку с коньяком, внутри, на обёрточной бумаге, написал записку, что коньяк в коробке Лещиновскому. Завязал и сверху написал номер палаты.

Сдал всё это, вернулся к Егорычу.

— Мне, теперь, вторую кровать искать надо, — сел я рядом с ним. — Билеты обратные возьму на двадцать пятое число. Возьму целиком купе. Все вместе же назад поедет? — Егорыч кивнул. — Дней десять доктор обещал их подержать в

больнице. Это хорошо, Москва по-прежнему вся в дыму, словно Наполеон ее по новой поджег.

— Поздравляю тебя, Паша! — опомнился Егорыч.

— Спасибо! Я посажу тебя в такси с вещами, ладно? А сам обратно полечу, — вытащил сто рублей и дал ему на расходы. Потом подумал и дал ещё сто. — Я же покупал одеяльца на одного ребёнка. А теперь всего надо по два. Буду вам с пани Ниной очень благодарен, если вы проверите, всего ли тут достаточно, чтобы жену с детьми из роддома забрать и до Москвы довести.

— Всё сделаем, Паш, лети.

— Чуть что, сразу звоните, я прилечу, — поднялся я, загрузился вещами и пошёл ловить такси.

Отправил его в Палангу, а сам взял такси в аэропорт. Летел, вообще, без вещей. С одним портмоне и документами.

И только, когда я взял билет назад и разглядел на нём дату, до меня дошло, что теперь эта дата навсегда будет для меня особой. Мои дети родились тринадцатого числа. Тринадцатого сентября семьдесят второго года...

Парни... Как раз к моменту распада СССР в армии будут. Куда еще их занесет, какие задачи будут ставить командиры. Там же сплошные будут межнациональные столкновения и конфликты, и все будет чрезвычайно жестко. Кое-где и солдат будут задевать. И армия в тот момент будет тоже разлагаться вместе со страной. Межнациональные конфликты в ней будут просто на пике. Значит, придется пристраивать обоих в университет, чтобы они в такую армию не попали... Хотя не факт — если после университета в армию пойдут, то в Чечне как раз могут оказаться. Хрен редьки не слаще. Значит, нужен университет с военной кафедрой...

В самолёте меня немного отпустило, я перестал делать расчёты про службу в армии своих только что родившихся сыновей, и накатила усталость. Страшно захотелось спать. Но полёт короткий. Выйдя на улицу в Шереметьево, сразу почувствовал, какой же у нас, в Москве, тяжёлый воздух. Улетал не так замечал, а подышал полдня чистым воздухом и сразу почувствовал разницу.

Рабочий день уже закончился, маме и бабушке на работу звонить поздно. Но надеюсь, Миша дозвонился и они уже в курсе.

Ещё подходя к дому, увидел свет на кухне и в большой комнате. И музыка орёт так, что с улицы слышно. Это кто же у меня так гуляет?

Проходя мимо почтового ящика, обратил внимание, что из него что-то торчит. Вытащил целую кипу поздравительных телеграмм и просматривал, поднимаясь по лестнице.

От Алироевых, от Жариковых, от Нигматулиных... Это кто такие? Набережные Челны? Ну, это Загита какая-то родня. Дальше... От Домрацких-Зацепиных... А это кто? У меня только бабушка осталась Домрацкая, мама с Инной на других фамилиях... Может, это Трофим Зацепин? Ладно, выясним. От Величко, это Никифоровна. А это кто такую длинную телеграмму прислал? Батюшки! Общество «Знание», уже и там узнали! Ну это, наверное, Эмма Эдуардовна Ионову доложила. А это что за поэма? От завода имени Лихачёва... Ну что сказать? Приятно!

Дверь в квартиру на распашку. Не успел я войти, как ко мне кинулся обниматься Марат, за ним Загит, потом ещё кто-то... Толпа народу в доме! Всё уже пьяные. Тут и соседи, и Сатчан, и Фирдаус и Брагины. Девчонки наши, Диана, Аиша, Римма Сатчан, Ксюша, Светка Герасимович, значит, и Лёха где-то тут... Куча незнакомых мне стульев и табуреток — откуда только взяли? У соседей?

Бедный Мишка стоит у телефона, приложив трубку к одному уху и затыкая себе другое, лицо морщит, пытается хоть что-то расслышать. Верный мой секретарь. Судя по пачке телеграмм у меня в руках, он от телефона сегодня не отходил.

Прошли в обнимку с Загитом в большую комнату, а там вся наша университетская гоп-компания, Сандалов, Булатов, Тания, Макаров с Машей Шадриной, и Гриша с Родькой. А рядом Альфредо, Мартин и друг Загита дядя Володя.

— Ну, молодец, мужик! — заорал Булатов, увидев меня. — Сразу два сына! Настоящий мужик!

— Поздравляем! Папаша! — налетел на меня Гриша.

— Народ, что вы пьёте? Чем закусываете?

— Я картошки нажарил, но они уже всё съели, — подошёл ко мне утомлённый, но улыбающийся Миша.

— Налейте многодетному отцу! — крикнул кто-то.

— Накаркаешь, — отмахнулся я, но стопку, что тут же оказалась у меня в руках, хлопнул с большим удовольствием.

Диана заботливо подала мне огурчик на вилке и веселье понеслось дальше. Приехал Пётр, привёз выпивки и жратвы, думал, что я тут весь в делах и некому мне праздник устроить. Прифигел, увидев у меня толпу народа, но быстро освоился и включился в процесс.

— Как вы тут оказались? — спросил я Загита.

— Марат примчался к нам в часть, поднял всех на уши. Нас с Володькой отпустили на три дня по такому случаю. Пашка! Видел Галию? Как моя девочка?

— Она в полном порядке, двоих мелких рожать — не так тяжело, как одного крупного.

— А я в общаге с утра собираюсь на занятия, а тут комендант залетает с глазами по пять копеек, тебя из райкома ищут! — прокричал мне в ухо Марат.

Это Сатчан всех взбаламутил, пока Марата нашёл. Зато, быстро все всё узнали.

В университете тоже все уже знают. Слухи по нашей деревне разносятся со скоростью света.

Хотел выставить свои запасы алкоголя, но мужики показали мне под столом на кухне целую батарею бутылок. С собой привезли, видимо, никто с пустыми руками не ехал. Чувствую, гулять мы будем долго.

Начали подходить соседи и выяснять, что у нас тут за безобразие происходит и как долго оно будет продолжаться. Решил взять пример с Данченко и приглашать всех желающих на праздник по случаю рождения моих близнецов. Это оказалось очень правильным решением. Соседи моментально светлели лицом, прекращали негодовать, и приходили со своим угощением, у кого что дома в этот момент оказалось. Ни в жизнь бы не подумал, что столько людей могут вполне комфортно для себя в двухкомнатной квартире уместиться — по крайней мере, недовольных теснотой лиц я не видел.

Короче, праздник мои гости устроили себе сами. Но было очень весело. Наша символическая трёхлитровая банка-копилка «на нужды ребёнка» очень быстро наполнилась. Кто-то поставил её прямо в коридоре.

Не заметил, когда появился отец. Увидел его, когда он уже с Загитом обнимался. Подошёл к нему, батя слёзы вытирает. Стареет. Сентиментальный стал. Обнялись с ним молча, а Загит нас сверху ещё обнял. Потом деды вместе пристроились на

подоконнике на кухне.

Сначала просил гостей не курить в квартире, потом рукой махнул. Придется потом много проветривать. Но сейчас время такое, курение многие и за вредную привычку вовсе не считают.

В какой-то момент гости чуть не переругались, выбирая имена моим сыновьям. Хорошо, зашли на шум вечеринки Данченки и что-то такое забойное спели на радостях, что все сразу вспомнили, что у нас праздник.

Надолго, правда, они не остались. Уходя, Яков подошёл и сказал, прощаясь, что подарок за ним.

Студенты наши засобирались, ещё десяти не было, чтобы наверняка в общагу успеть.

Гриша с Родькой уходя, показали мне коробку в спальне — сказали, что это от них подарок.

Брагины перед уходом показали мне на подоконнике в большой комнате кучу детских погремушек импортных. Из круиза привезли.

— Спасибо, ребят, от всей души, — реально был тронут я.

Марат весь вечер крутился возле Аиши, но уже гораздо осмотрительнее, не так самоуверенно, как в прошлый раз. Но Загит просёк и начал расспрашивать меня про неё. Пришлось сказать, всё, что знаю, пусть тоже подключается к решению этой проблемы.

Постепенно все разошлись — разъехались, всё-таки, будний день, всем завтра на работу.

Эль Хажжи, выбрав момент, подошли и извинялись долго, что без подарка.

— Отец передаст на днях вторую люльку, я встречу её в аэропорту и привезу тебе сразу обе, — с виноватым видом объяснял Фирдаус.

— Чтoб я без тебя делал, дружище! — обнял я его.

Люльки — это очень хорошо. Люльки — это здорово! Спокойно будут дети спать в люльках на одной нижней полке, Галия на второй. А мы с Егорычем на верхних. Если что, помогу старому забраться и спуститься.

Уходя, Сатчан отвёл меня в сторону и сказал, что у Миши проблемы в институте.

— Да, я в курсе, — кивнул я.

— Тёмная какая-то история, — сказал он. — Говорит,

отчислили за прогулы, но он не прогуливал. Я ему посоветовал написать заявление в ректорат, что ничего такого не было. Но, вообще, ерунда какая-то... Может, Мишка сам темнит что-то?

— Не думаю, — ответил я. — До меня вот только в самолете дошло, из-за чего это могло произойти. Скорее всего, КГБ им интересовалось, а эти дурни перестраховаться решили.

— Вот тебе и раз! А почему им КГБ заинтересовалось? — удивился Сатчан.

— Я его в Комитет по миру пристроить хотел, они в одном здании сидят с секретариатом Президиума Верховного Совета, проверки при трудоустройстве такие же... Кремль есть Кремль...

— Вот, блин, уроды! И из-за этого отчислили?

— Ну, а что ещё думать? Если задним числом отчислили за прогулы, которых не было? Перепугались, похоже, решили, что он влип во что-то, и их за собой потянет. Перестраховались.

— Это ж надо! Кому рассказать, не поверят... Тем более пусть идет в ректорат. Я ещё у себя посоветуюсь, — протянул он мне руку, прощаясь.

— Я тоже попробую кое-что сделать, — пожал я его протянутую руку.

Римма перед уходом весьма прозрачно намекнула, обнимая меня, чтоб двухспальную коляску я не искал.

— Вот за это огромное спасибо, друзья, — поблагодарил и проводил я их.

Загиту и Володе уступил свою спальню. Заодно посмотрел, что же в коробке Гончаровы подарили. Это оказался большой электрический нагреватель, стилизованный под камин. Промышленного изготовления, не самоделка какая. Эх, надо не забыть поблагодарить ещё раз.

Марата и Мишу разместил в большой комнате, а сам опять пошёл спать к Николаю на седьмой этаж. Подлил воды под пальмы и просто рухнул на диван... Ну и день! Ну и новости!

Глава 2

Москва. Квартира Излевых.

В четверг спустился к себе, когда ещё восьми утра не было, но у нас уже все встали. Марат собирался в училище на работу, а Миша планировал наезд на ректорат МИИТа. И только Загит с Володей сидели тихонько на кухне и о чём-то тихо переговаривались. Удивительно свежие, учитывая, что вчера себя в спиртном не ограничивали, праздновали с размахом... Настоящие зубры!

— Ну, зять, — улыбаясь, повернулся ко мне Загит, — задал ты мне задачку. Что ж мне внукам-то подарить?

— Я хочу вторую кроватку подарить, — встал дядя Володя.

— Только не спешите, — попросил я, — надо же вторую точно такую же. Давайте, я переговорю с соседкой сначала, это она нам первую кроватку доставала...

Затрезвонил телефон, межгород. Мама сама позвонила, расспросила, как слетал? Рассказал все. Не в первый раз, так что от зубов просто отлетало.

— Вы уже решили, как мальчишек назовёте? — поинтересовалась она.

— Ещё думаем.

— Назовите Андрей и Эдуард в честь дедов.

— Хорошо, мам, мы подумаем, — пообещал я. Каких дедов? Ну Андрей, ладно, реально, дед, мамин отец. А Эдуард — это мамин дед, а не мой.

— Ахмад предлагает Амир и Умар, у Галии же отец татарин, — продолжала фонтанировать предложениями мама.

— Спасибо, мы подумаем, — опять пообещал я и довольная мама попрощалась со мной, передав привет и поздравления от всего завода и, в частности, от бухгалтерии.

Не успел я допить свой утренний кофе, опять зазвонил межгород. На этот раз тётя Диля.

— Паша, ты нашу телеграмму получил? — первым делом спросила она.

А, так вот кто у нас Нигматулины...

— Да-да, спасибо большое за поздравление! — поспешил поблагодарить её я.

— Павел, ты знаешь, что первые сорок дней жизни младенцев нельзя никому показывать? — на полном серьёзе

строго спросила она.

— Что, даже медикам? — выглянул я из коридора в кухню и поманил Загита.

— Нет, ну, медикам, конечно, можно, — осеклась Дилара, но тут же нашлась, — но каждый раз, когда на детей будут смотреть посторонние, надо умывать им личико и приговаривать...

Подошёл Загит, вопросительно глядя на меня. Одними губами сказал ему: «Дилара». Он просиял, и я с чистой совестью перебил её.

— Ой, тут Загит поговорить хочет! — и отдал ему трубку.

Заговоры от сглаза — это не по моей части. Галия вернется домой, вот ей пусть тетя и рассказывает детали. Поверит, не поверит — лезть в это не буду. Разные ритуалы иногда помогают людям жить спокойнее, кто я такой, чтобы в это лезть? Не хочется уподобляться пионеру, убеждающему пожилую бабушку сжечь иконы.

Марат и Миша уехали. Мне тоже уже надо было бежать в институт. Оставил мужикам дежурные ключи и собрался было уже выходить, как вдруг опять зазвонил телефон, и опять межгород.

— Слушаю, — взял я трубку.

— Паша, здравствуй! — услышал я знакомый голос. Опаньки, тещенька любимая нарисовалась. Ну-ну? — Когда ты собираешься жену с детьми из роддома забирать?

— Ещё не брал билеты, — уклонился я от ответа.

— А когда ты их возьмёшь?

— А что?

— А ничего! Бросил Галию одну, неизвестно где, за тридевять земель!

— А что надо было сделать? — спокойно спросил я.

— Привезти её домой! — ответила Оксана таким тоном, как будто говорит с умалишённым.

— У нас пожары ещё не закончились, сплошной гарью дышим.

— Сюда домой! Причём здесь вы?

— Извините, но у Галии дом тут, — выглянул я опять на кухню и поманил Загита. Он подошёл, и я попрощался с тещей под предлогом того, что опаздываю на занятия, предложив переговорить с мужем.

Приехал в университет как обычно, вошёл в аудиторию и тут группа вся поднялась и давай скандировать «Поздравляем! Поздравляем!». А Ираклий с Сёмой Давыдовым вынесли мне по высокому стулу для кормления детей, которые ещё раскладываются в детский столик и стульчик.

— Это от нас всех, — заявил довольный Ираклий.

— Как я это домой потащу? — улыбаясь, спросил я.

— Я помогу! — крикнул Брагин.

— Своя ноша не тянет! — подсказал Булатов.

Ага, не тянет. А у меня планы на остаток дня сегодня были. В перерыве занёс стульчики к Эмме Эдуардовне и попросил оставить их до завтрашнего дня. Она охотно разрешила и, к моему удивлению, тормознула меня.

— Павел, не судите меня с Галией строго, — достала она из стола две пары очаровательных вязаных ботиночек на гномиков. — От всей души, — стесняясь проговорила она. — Сама вязала.

— Я понял... — бережно взял я в руки подарок. Вот это я понимаю, человек душу вложил! — Эмма Эдуардовна, спасибо вам огромное! Очень красивые.

Вышел от нее, удивленно покачивая головой. Помню, что такие подарки вошли в моду в двадцать первом веке. Ну а что, в магазинах все есть, неохота дарить то, что любой может купить и подарить. А тут — сделано своими руками, уникальный подарок. А в СССР, где много товаров — дефицит, не ожидал такой подарок получить от не так и хорошо знакомого человека...

Во время следующего перерыва позвонил Ионову в общество «Знание», поблагодарил за телеграмму и уточнил, куда мне сегодня ехать на лекцию?

— А я думал, тебе не до лекций сейчас и доцента из МГИМО вместо тебя на замену отправил, — удивлённо ответил он.

— Это потом будет не до лекций, когда детей домой привезу. А сейчас-то, как-раз, можно было бы ещё поработать.

— Да? Так что, в следующий четверг ставить тебя на лекцию?

— Конечно.

Он обрадовался, ещё раз поздравил меня, и мы попрощались.

За обедом опять сели все вместе. Компания наша

потихоньку разрасталась. Мартин привёл к нам сухощавую девушку в спортивном костюме, выше среднего роста, светлорусые волосы подстрижены выше плеч и убраны за уши. Чувствуется, девчонка с характером, боец.

— Знакомьтесь, это Илма, — представил он её нам. — Она тоже из ГДР.

При этом Мартин многозначительно взглянул на меня. Намекает, что прислушался к моему совету и обзаводится друзьями в землячестве? Молодец.

— С какого вы курса? — поинтересовался у нее.

— Географический факультет, первый курс, — ответила на вполне сносном русском Илма.

— Это правильно, что вы держитесь вместе, — заметил я, глядя на Мартина. — Как говорится у нас, не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Альфредо никак не отреагировал на появление новой девушки в компании. Очень странно. На него это никак не похоже.

После пар поехал в Комитет по миру. Появилась у меня одна идея, может и сработает.

* * *

Москва. Горный институт.

Тарас Семёнович начал проставляться на службе ещё с обеда, коллеги забежали, поздравляли и обещали вернуться по окончании занятий. После трёх часов весь факультет гулял уже по-настоящему. Подумать только, сразу двое внуков! Коллеги ахали и охали, пили за ножки, желали здоровья и терпения родителям.

В разгар праздника Тарас вспомнил ещё один важный момент и достал из портфеля газету «Труд».

— Товарищи, я что забыл-то! — воскликнул он. — Статью сына же напечатали!

Заинтригованное преподавательское сообщество потребовало подробностей, и Тарас чуть ли не целиком зачитал собравшимся статью сына.

— Я же видел эту статью, — воскликнул один из коллег Тараса, — и фамилию Ивлев видел. Но мне и в голову не пришло, что это твой сын может быть. Мало ли Ивлевых в

стране?

— Мой, мой, — счастливо купаясь в лучах славы, ответил Тарас с таким видом, будто это он сам ту статью написал.

— Далеко пойдёт, — согласно покивал коллега.

— Талантливый человек во всём талантлив, — заметила одна из их коллег и попросила у Тараса посмотреть газету.

* * *

В Комитете по миру застал только Марка.

— Зачастил ты к нам что-то, — с любопытством посмотрел он на меня.

— Марк Анатольевич, у нас ЧП, — нашёл я свободный стул и поставил его рядом со столом Марка. — Мишу Кузнецова КГБ проверяло...

— Ну, да. Но в чем проблема? Нам сообщили, что все твои ребята проверку успешно прошли.

— Так быстро? — удивился я.

— Долго ли умеючи, — небрежно махнул он рукой. — Так, а что у нас за ЧП?

— Руководство института, где Миша Кузнецов учится, испугалось проверки. Не знаю, что они подумали, но они отчислили парня задним числом за прогулы, которых не было.

— Как так!?

— Сам в шоке.

— Да не может такого быть, — с сомнением посмотрел на меня, подумав немного Марк. — Небось, прогуливал, а теперь сказки рассказывает.

— Вряд ли. Он только перевёлся к ним. Я сам этот перевод ему устраивал. Характеристику видел с предыдущего места учёбы. Отличник, спортсмен, комсорг группы... Мечтал в Москве учиться, очень настроен на успех. А тут, вдруг, перевёлся и меньше, чем за две недели в злого прогульщика превратился? Маловероятно.

— Ну, да... Тем более, он все проверки прошёл.

— Я ж говорю, приписали прогулы и задним числом отчислили. Повод был нужен, чтобы формально все пристойно выглядело. Марк Анатольевич, разве можно такое на тормозах спустить?

— Ну, если так, то это, вообще, ни в какие ворота не лезет!

— посмотрел на меня задумчиво Марк.

— Полностью с вами согласен, — кивнул я головой с серьёзным видом.

— Слушай, ты не говори здесь пока никому об этом. Пусть, он у нас оформится, удостоверение получит... А я ещё с Ильдаром посоветуюсь. Миша Кузнецов?

— Да. Спасибо, Марк Анатольевич.

— Не за что, пока.

Ну, теперь, остаётся только ждать, — вышел я на улицу и пошёл к метро. — Не знаю, захочет ли Миша возвращаться в МИИТ после всего этого, но восстановить его, по-любому, надо. А там уже, если захочет, переведётся куда-нибудь.

Я бы ещё и наказал этих упырей. Вот что им стоило вызвать Мишку и задать пару вопросов? Что им мешало его выслушать? Он бы всё им объяснил. Они бы потом ещё гордились, что у них такой человек учился и повесили бы его фотографию на почётный стенд «Эти люди закончили наш институт». Как же велика глупость человеческая!

Настроен я был по-боевому в отношении восстановления справедливости. Обдумал разные варианты, как действовать, но решил начать именно с Верховного Совета. В конце концов, из-за трудоустройства к ним с Мишкой эта неприятность и приключилась. И, насколько я уже успел узнать Марка Анатольевича, человек он добрый и сочувственный. Сейчас я ему объективно картину осветил, и его совесть заест, что из-за них парню жизнь испортили. А то что он сам не такой и боец, по нему видно, что он обожает компромиссы, не означает, что он Ильдара Ринатовича не напряжет для восстановления справедливости. Вот кто точно всегда готов ввязаться в хорошую драку!

Представил, как он позвонит в МИИТ и обрушится на ректора, и на душе стало приятно.

Но мои ожидания не означали, что я не имел запасного варианта, если мои расчеты не верны, и Марк с Ильдаром за Мишку не вступятся. У меня еще и КГБ с Сатчаном есть в запасе. Сатчан сам что-то говорил про то, что как-то готов помочь, но глупо обращаться за помощью к группировке накануне момента, когда они мне должны процент моего дохода определить. Лучший способ уронить свой авторитет и этот самый процент.

Ну а КГБ тоже идет запасным вариантом, потому как кому-кому, а этим точно не стоит быть должным. Они мастера должников использовать. Даже не со зла, просто их учат эксплуатировать человеческие чувства и слабости. Это уже профессиональное...

Но все же, если с ВС не сработает, обращусь сначала в КГБ, а не к Сатчану. Может, в каком-то отношении и пусть комитетчики считают, что я им должен за помощь Мишке. Значит, в их понимании, они меня контролируют, и будут в отношении меня спокойнее. А расплатиться попросят... Ну так не с пистолетом же меня отправят пулю в голову какому-нибудь американскому шпиону пускать. Для этого у них специально обученные профессионалы в избытке имеются. Их так много, что при Горбачеве и Ельцине они так развернутся в частном секторе, что много будет чего отжато руками этих профессионалов у доморощенных бандитов-качков. Ну а мне как отработать долг скажут... Попросят, может, больше лекций читать, или еще какую работу придумают дополнительно бумажную. Переживу...

Приехал домой, а у меня на кухне Загит с Володей Мишу успокаивают.

— Знаешь, как говорят в народе, — убеждал его тесть, — что ни делается — всё к лучшему! Вот, отчислили тебя из этого, как его?.. Института, а ты, возмёмшь, и к Пашке в МГУ перейдёшь! Вот, так! Утрёшь им всем нос.

— Ездил к ректору? — спросил я друга.

— Угу, — потерянно кивнул он. — Всё написал. Только, не знаю, будет ли это кто-то читать...

— Почему? — удивился я.

— Да там к самому ректору не попасть, оставил в канцелярии заявление... Кстати, Паша, я там твой адрес указал и телефон. Ничего?

— Всё правильно, — успокоил его я, — а что ты ещё мог указать? Из общаги же они тебя выселили.

— Твари! — зло процедил Володя. — Ничего, мужик, нас жизнь бьёт, а мы крепчаем!

Тут зазвонил телефон, я на автомате схватил трубку, только потом осознал, что это межгород, когда голос тещеньки услышал.

— Паша! Мальчиков надо назвать Стасик и Владик.

Станислав и Владислав. Ты понял?

— Обязательно, — ответил я. — Только, Загит Джиганович хочет, чтобы я в честь его отца одного сына назвал.

— Что? — привстал за столом Загит, удивлённо пялясь на меня.

— Что? — опешила Оксана на том конце провода.

— Оксана Евгеньевна, я постараюсь найти компромисс, который устроит нас всех. Позвать Загита Джигановича? — сунул я трубку подошедшему уже Загиту с немым вопросом на лице.

Беззвучно смеющийся Володя показал мне большой палец вверх.

— Чего она хотела? — спросил он.

— Сказала, как я должен сыновей своих назвать.

— Ха-ха, в своём репертуаре, — засмеялся в голос Сахаров.

Загит вернулся за стол быстро. Перед этим велел жене не тратить слишком много денег на межгород.

— Не обращай внимания, — подмигнул он мне. — Энергии много, а куда её девать, не знает.

— Пусть пойдёт к моим, картошку выкопает, — предложил Загиту Володя и они оба заржали.

Не успел я бутер себе сделать, как опять телефон зазвонил. На этот раз звонок из редакции газеты. Мне было велено явиться на оформление с фотографиями, мол, нужно сделать удостоверение. Всё записал, фотки где-то про запас были, завтра же и поеду.

Потом позвонила Вера из редакции.

— Напечатали твою заметку, — сходу затараторила она, — легко прошла.

— Да, я видел газету.

— Молодец. Гонорар можешь получить в кассе со второго по пятое октября.

— А сколько? — поинтересовался я.

— Вот это я тебе не скажу, не знаю. Позвони в бухгалтерию.

Она продиктовала номер, так же тараторя, едва успел за ней записать, попрощалась, и, не дожидаясь ответа, положила трубку. Женщина огонь, все время кипит и делом занята. Такие в любом отделе львиную часть всей работы делают, и толковые руководители очень стараются их не потерять. Потому как без них многие процессы могут рухнуть...

Попытался сразу набрать бухгалтерию, но не дозвонился, видимо, у них рабочий день уже закончился. Сделал себе пометку в ежедневнике, что надо дозвониться. Надо же выяснить, за какой суммой ехать придётся, а то если там начислили десять рублей минус подоходный, то видал я мотаться за ними. Буду ездить раз в три месяца, и получать ощутимую сумму. Моё время уже дороже стоит. Как с ЗИЛом и институтом стекла: по два раза в месяц, за авансом и получкой, не мотаюсь, один раз в месяц всего езжу. В бухгалтерии ворчат, конечно, но мне от этого ни холодно, ни жарко. Уволить меня не в их компетенции...

Что хорошо в СССР, что не нужно волноваться, где и сколько у меня денег лежит неполученных. Попробуй ты вот так в двадцать первом веке забудь, где в какой частной конторе тебе денег должны. Исчезнут с горизонта тихо и незаметно с твоими деньгами... Сейчас же, когда везде государственные предприятия, тебя обязательно найдут, чтобы тебе то, что причитается, вручить.

Ладно, надо делами заниматься. Выбрал двухтомник «Граф Монте-Кристо» в подарок и пошёл на шестой этаж к соседке, что на мебельной фабрике работает главбухом.

— Анна Аркадьевна, добрый вечер, — протянул я ей двухтомник Дюма.

— Так и знала! — всплеснула она руками. — Что ты за второй кроваткой придёшь, — улыбнулась она и взяла из моих рук книги. — Угадала?

— Конечно, угадали! — улыбнулся я.

— Ты когда хочешь?

— Да пока тесть тут с другом, они бы её сразу и собрали. Можно ваш телефон тестю дам? Если получится, то они завтра за ней и придут.

— Конечно, Паш. Если ещё что надо будет, — с удовольствием взвесила она в руках тяжеленный двухтомник, — ты знаешь, где меня найти.

— Спасибо, — улыбнулся я и оставил её, а то ей, явно, было не в терпёж. Обожаю таких людей, которые читать любят. С ними и поговорить интереснее, да и общий язык найти всегда легче. Да хоть бы о тех же книгах заговорив.

— Всё, мужики, договорился насчёт второй кроватки. Вот вам телефон. Звоните завтра. Если не хотите сами собирать,

там вам всё соберут, но машину придётся грузовую на доставку брать.

— Раз-бе-рём-ся! — взял у меня записку из рук Володя.

Чуть позднее заглянули Яков Данченко с Идой.

— Прими от нас этот скромный подарок! — напел он, протягивая мне две вытянутые небольшие картонные коробочки без опознавательных знаков.

— Каждому на зубик, — добавила улыбающаяся Ида, выглядывая у него из-за плеча.

— Спасибо большое, — сказал я, — не разделите с нами ужин?

Тут ещё Марат нарисовался, пешком по лестнице поднялся и остановился перед ними в нерешительности.

— Спасибо, но устали очень, тем более вчера уже отпраздновали. Вернулись, потому что были без подарка, — ответил Яков, развернулся и обняв жену за плечи, вызвал лифт.

— Спасибо! — ещё раз поблагодарил я и пропустил шурина в квартиру.

— Кстати, а Гриша с сыном в театр ходили? — поинтересовался Яков.

— Узнаю, — кивнул я, открылся лифт, и они уехали.

Миша, чтобы занять себя чем-то, опять картошки на всех нажарил и Марату положил большую тарелку.

— Что же это такое? — сел я за стол рядом и стал разворачивать подарок. — Она сказала, на зубик каждому... — это оказались две ложечки. — При чём здесь зубик? — обвёл я взглядом сидящих за столом.

— На зубик? — взял одну из ложек Володя. — Тогда они должны быть серебряные. Примета такая, как у младенца первый зубик прорежется, надо серебряной ложечкой по нему постучать, тогда остальные легко прорежутся.

— Вот, блин! — рассмеялся я. — А я уж подумал, коронки из этих ложек надо лить.

— А кто это был? — поинтересовался Загит, рассматривая вторую ложку.

— Соседи, — ответил я.

— Ничего себе, соседи тебе такие подарки делают, — заметил он.

— Это не мне, это детям, — улыбнулся я.

— Давай вернемся к утреннему разговору. Я хочу тоже что-

нибудь подарить, — бережно положил ложечку на стол Загит. — Но не хочется всякую ерунду дарить. Что вам конкретно надо?

— Да что нам надо? — растерялся я. — Так-то всё, вроде, есть...

— Стенки у них нет до сих пор, — подсказал Володя.

— Вот! Я вам стенку куплю, — решительно заявил Загит. — Вот, только, как командировка эта закончится и до денег доберусь...

Что-то мужик в разнос пошёл, — подумал я. — Марату две восемьсот за машину, нам рублей четыреста-пятьсот... Поймал потрясённый взгляд Марата, похоже, он о том же подумал.

В пятницу за обедом Витя Макаров обрадовал новостью, что Самедов назначил-таки Машу Шадрину старшей в «Комсомольском прожекторе». А подсевший к нам Мартин меня еще и удивил. Сегодня он был один, у Альфредо нет пар по пятницам. Так вот, Самедов и Мартина включил в команду Прожектора.

— Регинка тоже была на первом заседании, — доложил Мартин.

— А эта как туда попала? — удивился я. — Мы же не сказали Самедову её фамилию.

— Думаешь, на первом курсе экономического факультета много Регин? — взглянул на меня Булатов. — Запомнил, запросил списки и вычислил, какие проблемы.

— Так, Сёма, — забеспокоился я. — Мы же хотели тебя в Прожектор пристроить. Тебе же тоже комсомольская активность нужна для характеристики. Вить, попроси Машу, пусть предложит Самедову Сёмину кандидатуру.

— Ладно, — кивнул он.

— Кстати, мне вчера в Комитете по миру сказали, — обвёл я взглядом будущих миротворцев, — что вы все прошли проверки.

— Ура! — подскочил на месте Ираклий.

— И ты столько ждал, чтобы нам сказать? — удивился Булатов.

— Да что ты к нему прицепился? Два сына родились, жена с ними в другом городе. Он же, видишь, все время сидит, глаза в стену уставив. Хорошо хоть, что вообще вспомнил! — тут же бросился защищать меня Ираклий.

Глава 3

* * *

Москва. Советский комитет защиты мира.

— Ильдар Ринатович, — поднялся с места навстречу вернувшемуся начальнику Марк Анатольевич, — молодой да ранний наш приходил, Павел Ивлев. ЧП у нас.

— Что такое? — с беспокойством глянул на подчинённого Валиев.

— Одного из наших студентов из института отчислили из-за проверки КГБ. Михаила Кузнецова. Он только один из всех в МИИТе учится, остальные в МГУ.

— Не понял, — помотал головой Валиев, — как это отчислили из-за проверки КГБ?

— Им, видимо, не объяснили, по какому поводу, они и придумали себе чёрте что. Отчислили задним числом по надуманному предлогу.

— Какому ещё надуманному предлогу?

— За прогулы, которых не было.

— Ерунда какая-то, — прошёл к себе в кабинет Валиев.

— Я тоже, сначала, так подумал, — встал в дверях Марк Анатольевич. — Но потом сопоставил... Комитет же его кандидатуру одобрил? Парень сейчас к нам оформляется. Разве его пропустили бы, если бы на него приказ уже готовили на отчисление за прогулы?

— Конечно, нет, — усмехнулся Валиев.

— Вот. Получается, что задним числом приказ состряпали.

— Козлы! — забарабанил пальцами по столу Валиев.

— Может, позвонишь им, а, Ильдар Ринатович? Ну, согласишься, это ни в какие ворота!..

— Согласен, Марк Анатольевич, согласен, — кивнул Валиев и тот со спокойной душой вернулся на рабочее место.

Валиев взялся за телефон.

— Кого отчислили? Точное имя и фамилию напомните, Марк Анатольевич.

— Михаил Кузнецов.

— Угу.

Подняв список кандидатов на трудоустройство, он

посмотрел, какой телефон оставил ему Кузнецов. Ага, с пометкой — квартира Павла Ивлева.

— Павел? Здравствуйте, — произнёс он, услышав на том конце провода мужской голос. — Я по поводу Кузнецова Михаила.

— А это я Кузнецов, — услышал он в трубке взволнованный голос.

— Отлично! Это глава Советского комитета защиты мира Валиев Ильдар Ринатович. Ну, рассказывай, что у тебя в институте приключилось?

* * *

В перерыве между занятиями последней пары дозвонился в бухгалтерию редакции газеты «Труд». Мне начислили тридцать четыре рубля, на руки двадцать девять рублей шестьдесят восемь копеек. Ну, так Межуев и говорил. Есть смысл писать — два часа посидел, тридцатку заработал. Никаких дополнительных расходов на транспорт, работать могу в спецхране параллельно с выполнением поручения Межуева.

После пар напомнил Костяну Брагину о его обещании помочь мне дотащить подарки от группы до дома. Он рассмеялся и пошёл со мной к Эмме Эдуардовне. Донёс мне второй стул до подъезда, а дальше я сам.

Затащил их в квартиру с горем пополам. Миша тут же доложил, что Сатчан ждёт моего звонка, а Загит с Володей ещё с мебельной фабрики не вернулись.

Первым делом набрал Сатчана, думал, уже работа в объединённой группировке начинается, а он, всего лишь, поинтересовался, буду ли я сегодня на тренировке? Обещал быть. Не иначе, он коляску достал? Ура!

— А мне сегодня из Комитета по защите мира звонил начальник, — похвастался заметно повеселевший Миша. — Всё расспросил, про прогулы, каким числом приказ об отчислении... Как думаешь, поможет?

— Ильдар Ринатович?

— Ага, он.

— Раз звонил, это очень хорошо. Если не поможет, то, во всяком случае, попытается, — уверенно ответил я. — И в любом случае не переживай, у меня и запасные варианты есть на

примете. Восстановим справедливость.

* * *

Москва. Советский комитет защиты мира.

Переговорив по телефону с Кузнецовым, Валиев сделал для себя пометки и пошёл в кадры к Кисько посмотреть на дело Кузнецова. Он хотел убедиться в правдивости этой истории с отчислением задним числом за несуществующие прогулы, чтобы не попасть впросак...

В голову ему пришла идея воспользоваться этой ситуацией и опять пойти на приём к зампреду ВС Камолову. Валиеву очень хотелось примелькаться наверху, но, при этом, выглядеть солидно и серьёзно, а не как пустобрёх, который бегают со всякой ерундой к начальству. А тут — речь идет о репутации Верховного Совета, нарушенной этим отчислением его будущего сотрудника, и борьбе за правду против перестраховщиков, готовых вот так просто сломать жизнь образцовому советскому комсомольцу. Зампреду точно такая его направленность понравится...

Ну а сколько можно сидеть в Комитете по защите мира? Название у должности красивое, конечно, но знающие люди понимают, что аппаратного веса у такой позиции совсем немного. Вроде и в Кремле работаешь, а серьезно тебя настоящие акулы во власти не воспримут.

* * *

Потом позвонила мама и начала взхлеб поздравлять меня. Подумал, что у меня дежавю. Она же уже поздравляла. Мама рассказывала, как она мною гордится, а я всерьёз подумывал, что или мне тот раз приснился, или у меня уже конкретно крыша едет.

— Сынок, мы с Ахмадом купили этот номер, — продолжала она.

— Какой номер? — никак не мог понять я.

— «Труда»!

Блин! Она не про моих парней, она про газету!

— А как ты узнала? — обрадовался я, что ещё не схожу с ума.

— Тарас звонил, — хихикнула мама. — Пьяны-ый!.. Вот, говорит, гордись Апполинария, какой у нас сын.

— Ну надо же... — схватился я за голову. — Одна статья всего вышла...

— Ну и что?! — эмоционально возразила мне мама. — Все с чего-то начинают. А ты, вон, как красиво идешь! Молодец!

И тут же, испугавшись, что сглазит, поспешно сказала:

— Тьфу-тьфу-тьфу!

* * *

Подмосковье. Контора совхоза «Светлые горы».

— Эльвира Эдуардовна! — поднялся со стаканом в руке немолодой мужчина с обветренным лицом. — От лица всего нашего коллектива поздравляю тебя с рождением сразу двух правнуков.

— Спасибо, Вениамин Кириллович, — встала Эльвира с места и с благодарностью оглядела человек двадцать, собравшихся за импровизированным столом.

— Председатель, а подарок от совхоза будет? — напомнил ему кто-то.

— Конечно, будет, — важно ответил тот и протянул Эльвире бумажный свёрток. — Вот, от совхоза.

— А тост? — потребовали гости, уже уставшие держать свои стаканы.

— Чтобы правнуки выросли достойными членами нашего советского общества. Поздравляем! — проговорил председатель и вытянул свой стакан, предлагая Эльвире чокнуться.

— Поздравляем, поздравляем, — послышалось со всех сторон под звон стаканов. — За здоровье малышей. Чтоб только радовали родителей и прабабушку!

— Спасибо, спасибо, — только и успевала отвечать счастливая Эльвира.

* * *

Потом позвонил Фирдаус и спросил, когда я дома буду. Сказал, что поговорить надо. Пригласил его к десяти. Уже должен буду быть дома, — прикинул я, — особенно, если Сатчан меня с коляской подвезёт.

* * *

Москва. Кабинет заместителя председателя Верховного Совета.

— Игнатий Фёдорович, разрешите? — кратко и собранно обратился Валиев к Камолову.

— Проходи, Ильдар Ринатович. Что у тебя?

— Игнатий Фёдорович, у нас ЧП. Одного из моих новых бойцов из института отчислили. Испугались, что по его душу КГБ с проверкой заявился, и отчислили быстренько по сфабрикованному предлогу. Задним числом.

— То есть как? — удивился Камолов. — Взяли и отчислили? Это точно?

— Сам всё перепроверил. Приказ от восьмого числа, в КГБ наш запрос согласовали одиннадцатого. Значит, когда сотрудник из органов проводил проверку, о систематических прогулах уже должно было быть известно. А КГБ ставит положительную резолюцию на наш запрос. Как так? Значит, не было на момент проверки никаких прогулов?

— Значит, не было, — сурово сведя брови, подтвердил Камолов.

— А парня отчислили из института, из общежития выкинули на улицу, как щенка бродячего, — увидев нужную реакцию на лице начальника, подливал масла в огонь Валиев. — Даже слова сказать в своё оправдание не дали.

— Ну, пора встряхнуть кое-кого! — воскликнул раздражённый Камолов. — На государственном посту в социалистическом государстве... Пример студентам должны подавать, а ведут себя, как!..

Сделав своё дело, Валиев потихоньку оставил кабинет разбушевавшегося зампреда, схватившегося за телефон.

* * *

Москва. Кабинет второго секретаря Московского городского комитета КПСС.

Бортко и Захаров уже минут сорок не могли прийти к единому мнению по распределению долей между всеми участниками новой группировки.

Бортко настаивал на доле Ганина в половину процента. Захаров был против. Долю Ивлева Захаров также оценил в

половину процента. Но Бортко настаивал на двух.

— Нельзя совсем ничего не платить Ганину, — настаивал Бортко. — Иначе мы загоним его в угол. А что делает крыса, загнанная в угол?

— Что она делает? — недовольно спросил Захаров.

— Она нападает, — нравоучительным тоном ответил Бортко. — Не надо Ганина загонять в угол. Иначе он может распахнуться в какой-то момент, и наделать глупостей от обиды или зависти. Сам же потом пожалеет, да будет поздно, уже всех нас сдаст.

— Ладно, полпроцента. Хотя, я считаю, он мог бы и поработать, хотя бы полгода бесплатно. Это было бы справедливо.

— Ну, пусть, работает год за полпроцента.

— Ладно... Дальше. Ивлев. Полпроцента.

— Нет, нет, это очень важный элемент команды, светлая голова, свежие идеи. Два процента, не меньше. Нам надо его к себе обязательно привязать. Я бы и три дал.

— Ну, не смешите. Какие три процента? Ну, процент, от силы. Комсомолец, учится на втором курсе...

— Хорошо. Я соглашусь сейчас на полтора. Но вы сами увидите, что этого мало.

* * *

Вскоре вернулись Загит с Володей и затащили в квартиру уже собранную кроватку. Немного другого оттенка. Но это уже не так важно, главное, по модели и размерам точь-в-точь, как наша первая.

— У меня, прямо, камень с души свалился, — признался я. — Вас всё нет и нет. Думал уже, что без кровати вернётесь.

— А мы бы и вернулись, — усмехнулся Загит, — если бы твоя соседка раком там всех не поставила. На фабрике ни одной кроватки не нашли, даже в образцах. Она выясняла, куда их отгружали, где ещё остались, мы сегодня так накатались, пока нашли её...

— Е-ка-лэ-мэ-нэ! Так и знал, что что-то не так, — схватился я за голову.

— Ладно, главное, она здесь! — удовлетворённо шлёпнул ладонью мне по плечу Володя. — Ну, давай, папаша, — с

размашистым замахом протянул он мне руку.

— Как? Куда вы? — на автомате пожал я протянутую руку.

— Возвращаться в часть уже надо, — теперь уже мою руку пожал Загит, притянул к себе и обнял. — Я самый счастливый дед. У меня было две внучки, а теперь ещё два внука есть.

Проводил их, успев сунуть с собой заранее заготовленный комплект из наших дефицитных съестных припасов. Знал, что скоро будут уезжать, заранее собрал.

* * *

Москва. Кабинет заместителя председателя Верховного Совета.

Пока Камолов набрал министра высшего и среднего специального образования СССР по вертушке, он успел немного успокоиться.

— Валерий Николаевич, приветствую, Камолов, — начал зампред и по-военному кратко изложил ситуацию. А затем высказал и свое отношение к произошедшему:

— Что это, товарищи, у вас твориться? Что за дремучий феодализм? Захотели, отчислили комсомольца с прекрасной биографией, захотели, казнили, а? — начал по новой заводиться Камолов. — Это как понимать? Это что, по всей стране в университетах и институтах такое безобразие творится? Может, пора комиссию какую-то организовать для проверок по вашему министерству?

— Что вы, Игнатий Фёдорович, это вопиющий факт. Мы сами создадим комиссию и всё выясним, уверяю вас, виновные будут строго наказаны. Уверен, это какой-то один дурак у нас завёлся... К сожалению, дураки бывают и с учёной степенью, и со званием... Я разберусь в кратчайшие сроки.

— И сообщите мне лично.

— Обязательно.

* * *

г. Москва. Кабинет первого секретаря Пролетарского райкома КПСС.

— Михаил Жанович, разрешите, я первым выступлю? — попросил слово Сатчан.

— Ну, давай, — согласился Бортко.

— У меня сообщение немного не по теме нашего совещания, но... Короче, у Павла Ивлева двойня родилась.

— Во, даёт! — воскликнул Войнов. — Пацаны или девки?

— Два парня, — улыбнулся Сатчан.

— Ну, что сказать, мужик! — усмехнулся Бортко.

— Надо ж ему подарок какой-то сделать, — предложил Ригалёв.

— Я уже от себя коляску чешскую двуспальную купил, — гордо объявил Сатчан.

— Так, подождите, — взял слово Пахомов. — Помнится, он за двушку платил?

— Уже выплатил, — напомнил Сатчан. — И часть мы простили за успехи по нашему профилю.

— Я не об этом. У него же двойня родилась? Положена трёшка. На первоочередной основе. А уж в наших силах поспособствовать, чтобы это было действительно первоочередно...

— Правильно, Иван Николаевич, — оживился Бортко. — Павел, узнай, в исполкоме, где у них трёшки есть в новых домах, — обратился он к Сатчану. — Сразу несколько вариантов прикинь, чтобы было из чего выбрать.

— Хорошо, сделаю, — кивнул тот.

* * *

Москва. Кабинет министра высшего и среднего специального образования СССР.

Положив трубку вертушки спецсвязи, министр сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь справиться с яростью, охватившей его после разговора с зампредом ВС СССР.

Ну что за идиоты вокруг?! — думал он. — Как так можно подставляться?! Без малейшей попытки хоть что-то выяснить, перепугались и сфабриковали причину для отчисления, идиоты!

— Рената Игоревна, — нажал он кнопку на селекторе. — Ректора МИИТа ко мне. Срочно!

— Будете ждать его? — уточнила помощница. — Без двадцати шесть уже.

— Нет. Давай на завтра. Но чтоб с самого утра!

— Хорошо, Валерий Николаевич.

Потом позвонил председатель гаражного кооператива, напомнил, что завтра собрание в десять часов.

— Надеюсь, ты не передумал? — настороженно спросил он меня.

— Нет-нет, что вы! Жду с нетерпением, — заверил я его.

— Ну, и отлично. Тогда до завтра, — с явным облегчением в голосе попрощался он.

Миша, прямо, ожил после звонка Валиева. В нём зародилась надежда на восстановление справедливости и она росла с каждой минутой. Он, даже, отбросив хандру, собрался со мной на тренировку на завод.

— Что, отец с дядей Володи́й уехали? — спросил Марат перед началом тренировки.

— Да, проводили, — кивнул я.

Тут в раздевалку закатилась большая коляска. Запыхавшийся Сатчан вытащил из неё спортивную сумку и подкатил коляску ко мне.

— Поздравляю, — выдохнул он. — Не представляю, как Галия будет её по лестнице таскать.

— Так лифт же есть, — улыбнулся я, приобняв его в благодарность.

— Да? А вот, в лифт она и не входит, — серьёзно глядя на меня, посмотрел он.

— Как не входит? — растерялся я.

— Вот так. В наши обычные лифты она не проходит.

— Блин! Как же теперь? — лихорадочно соображал я. Или надо будет с художниками договариваться, оставлять у них коляску в квартире. Или бедные дети, пока сидеть не начнут, будут только на балконе гулять? — Ё-мое, вот, засада! Что ж делать-то теперь?

— Угораздило тебя сразу двоих родить, — смеясь одними глазами, проговорил Сатчан. — Вечно у тебя всё не как у людей!

Прекрасно поняв, что он смеётся и дразнит меня, я подскочил и бросился на него с криком:

— Что ты сказал?! Иди сюда!

Он побегал от меня немного по раздевалке с криками «Убивают!», потом спрятался за растерянным Маратом, и мы

рассмеялись. Марат, напряжённо стоявший, как истукан, сразу расслабился и улыбнулся.

— Да ну вас, — снисходительно проговорил он. — Как дети!

— Это ещё не всё, — уже серьёзно сказал Сатчан. — Я без машины, коляска не влезла. Домой сам её покатишь. От метро до дома недалеко. А тут в автобус вместе затолкаем. Мне мужики помогали её и занести, и вынести.

После разминки встали в пары. Сатчан опять многозначительно отозвал меня подальше от остальных.

— Слушай, вам с рождением близнецов положена теперь трёхкомнатная квартира.

— Серьёзно? — поразился я.

— А ты что, не знал?

— Нет, откуда...

— Искал сегодня трёшку, есть неплохой вариант в Сокольниках и Фрунзенском районе.

— Блин. А в моём доме нет свободной трёшки? — расстроился я. — У меня завтра собрание в гаражном кооперативе, я уже практически бокс там выкупил. И район хороший. Всё рядом, метро, школа, магазины, рынок... милиция. Нравится мне там! Так не хочется переезжать!

— Ну, блин. Не хочется ему переезжать. А если в твоём доме нет уже свободных квартир? Сколько уже времени прошло, как он построен? Очень сильно сомневаюсь, что столько времени трёшка бы висела никому без надобности!

— Получить где есть, а потом меняться с кем-то у нас? — скептически посмотрел я на него. — А вдруг, у нас никто не захочет в Сокольники ехать? Так я там и зависну?

— Что значит, никто не захочет? А если площадь побольше предложить? — задумчиво спросил он. — Да доплату хорошую?

— Мне сейчас только геморроя с обменом квартиры не хватало, — печально посмотрел я на него.

— Да, я понимаю. Ладно... Подумаю ещё.

— Спасибо, — улыбнулся я. — Но, правда, не потяну. Сейчас жена с двумя детьми вернётся, представляешь, что это будет?

Он закатил глаза и приставил палец к виску, как будто решил застрелиться.

— Да-да, — рассмеялся я.

После тренировки мы с Мишей покатали коляску к автобусной остановке. Сатчан руководил погрузкой, имея уже

опыт.

Кое-как довели коляску домой. А у подъезда уже Фирдаус дежурит. Он вышел из машины, заметив нас ещё издали, достал две компактные переноски для младенцев и, когда мы подошли, положил их нам в коляску.

— Ну, вот, теперь и я могу тебя поздравить! — с довольной улыбкой произнёс он.

— Спасибо! — обнял я его. Чувствую, мы будем в переносках детей гулять выносить. Первое время, так уж точно.

В лифт коляска, и правда, даже близко не вошла. Тащили её наверх вдвоём с Мишей. Фирдаус волок свои переноски.

— Я не понял, а как Галия будет с детьми гулять? — спросил он, когда мы вошли в квартиру.

— Буду думать, — развёл я руками. — Может, оккупирую пространство под лестницей на первом этаже. Решётку поставлю с замком. И будем там коляску оставлять.

— Не вариант, — замотал головой Миша. — Как она её на улицу вытащит? Там от лифта ещё пять ступеней. На руках? С двумя детьми?

— Ну да... Несерьёзно, — согласился я. — По-любому, помощники нужны.

Глава 4

* * *

Северная Италия. Аэропорт Больцано.

Тарек договорился с деловым партнёром своих знакомых, что тот окажет ему посильную помощь в Италии и поможет на первых порах обустроиться. Марио Гуфо, невысокий полный брюнет лет пятидесяти с остатками длинных вьющихся волос вокруг обширной лысины, встретил Тарека в аэропорту с сияющей улыбкой и приветствовал очень эмоционально.

Они сразу поехали в отель. До города было километров пять, так что они успели обсудить цель приезда Тарека. Марио задал несколько уточняющих вопросов и попросил немного времени, чтобы собрать информацию.

— Завтра мы поедem в город по делам, — заявил Марио. — А сегодня ближе к вечеру я заеду за вами в отель и устрою вам экскурсию по этому замечательному городу.

Тарек и сам с интересом разглядывал окружающий пейзаж. Его семье предстояло прожить здесь какое-то время, а может, они и вовсе переедут сюда навсегда.

Пока что то, что он видел, ему очень нравилось. Живописный город в долине, окруженный виноградниками и горами. Некоторые вершины вдали покрыты снегом. Тарек залюбовался местными пейзажами.

Сам город уютный, зелёный. Они проехали по историческому центру, и остановились возле трёхэтажного отеля под черепичной крышей. Многочисленные клумбы перед отелем поражали буйством красок.

Нуралайн здесь понравится, — подумал Тарек и пошёл в сопровождении Марио заселяться.

* * *

Москва. Квартира ректора Московского института инженеров транспорта.

Михаил Филиппович Федункив не на шутку разволновался из-за неожиданного вызова в министерство. Для вызова на ковёр к самому министру должно было произойти что-то из

ряда вон выходящее. Не иначе, кто-то очень важный нажаловался, — думал Федункив. — Хотя, детей всех нужных людей безропотно зачислили. С учёбой ни у кого из них проблем нет, преподаватели предупреждены, деканы по этому поводу бдят. Неужели кто-то всё же чем-то недоволен?

Ректор судорожно сжимал пальцы, вышагивая по кабинету взад-вперёд, и пытался вспомнить, где он мог кого обидеть или дорогу перейти? На работу просили из Министерства доцента Мурашова, племянника одного из заведующих два месяца назад устроить, так, устроил, уже две недели работает... А, может, они про молоденькую любовницу как-то узнали?! Так, она уже даже не студентка, а аспирантка. Да и кому какое дело в Министерстве? Или, всё же, есть кто-то рядом, сильно озабоченный его моральным обликом? Настучали? Кто-то из проректоров рвется занять его место? Но из-за любовницы сразу к министру... Чрезмерно. Такие дела иначе делаются. На партсобрании бы его пропесочили сначала, при поддержке кого-то сверху, кто приехал бы поприсутствовать, и вот с результатами партсобрания бы уже пошли наверх его смещать...

Ректор метался по кабинету, как тигр в клетке, прокручивая в голове различные варианты и сам же их отметал. Слишком долго он уже в системе, чтобы проколоться... Крупных оплошностей, достойных вызова к министру, он за собой припомнить не мог и продолжал мучиться неизвестностью.

* * *

Затащив коляску домой, положили в неё переноски и закатали в большую комнату.

— На пять самых последних ступенек пару швеллеров кину, — прикидывал я, ставя чайник на плиту. — И под лестницей место для коляски сделаю. А детей можно и на руках на лифте спустить. Но и о сидячей коляске уже надо думать, — взглянул я на Фирдауса, внимательно следившего за моей мыслью. Он кивнул с готовностью. — Спасибо, дружище. Не знаю, чтоб я без тебя делал.

Нарезали с Мишей по-быстрому бутербродов, и сели за стол.

Когда вышел провожать Фирдауса, Мишка в это время плескался в ванной, что-то напевая. Поверил в благополучный

исход истории с отчислением. Тем более, Сатчан ему сказал на тренировке, что разговаривал с руководством и его начальник обещал позвонить в МИИТ.

В субботу к десяти часам я уже был в актовом зале ближайшей к нашему гаражному кооперативу школе. Зал был полон народу, у нас и боксов-то столько нет. Это потому, что многие пришли семьями, муж с женой или отец и сын. У входа меня остановили и спросили номер бокса, вели учёт присутствующих на собрании, всё по-взрослому. Честно сказал, что ещё не член кооператива и меня не хотели пускать. Георгич со сцены в микрофон проорал, чтобы меня пропустили. Тогда уже посторонились. Ишь, как тут все сурово!

Вёл собрание он нервно, на любые выкрики отзывался, сбивался с начатой темы. Прошло уже минут двадцать, а мы только выбрали председательствующего и секретаря собрания. Криков с мест было много, а председательствовать никто не захотел. Георгич остался на сцене с микрофоном в руках и собрание приступило к обсуждению повестки дня...

* * *

Москва. Кабинет министра высшего и среднего специального образования СССР.

Ректор МИИТа Федункив к десяти часам был уже в министерстве и, нервно держась за портфель двумя руками, сидел в приёмной министра Рыкова.

— Приехал? — влетел как вихрь в приёмную министр. — Проходи в кабинет, Михаил Филиппович.

— Что случилось, Валерий Николаевич? — сел поближе к столу министра ректор. — Всю голову сломал...

— Что случилось? Что случилось... Мне вчера зампред Верховного Совета Камолов звонил, говорит, что работника Советского комитета по защите мира из твоего института по сфабрикованному основанию отчислили! Кузнецов Михаил Андреевич, — прочитал министр и положил перед ректором записку. — Говорит тебе что-то эта фамилия?

Ректор сидел, ни жив, ни мертв. Никак не мог вспомнить. Пока что-то не всплыло в памяти. КГБ нагрянуло, ЧП. Искало компромат на какого-то студента... Проректор отчитался, что все разрулил, студента выкинул. Вот тот студент, похоже, и

есть этот Кузнецов... Но сказать об этом не успел. Министр решил по его гримасам и молчанию, что ректор не в курсе вопроса.

— М-да... Похоже, что ты не совсем и ректор на самом деле... Кто-то у тебя такие вот дела проворачивает, а ты чем в это время занимаешься? Держи эту бумажку, хоть на лоб себе прилепи. Делай что хочешь, но вопрос реши незамедлительно! Чтоб Кузнецова этого восстановили и извинились. И наказали того дурня, кто такие махинации под твоим носом крутит. Хочешь, сам в отставку иди, хочешь, уволь виновного, мне всё равно. Мне нужен козел отпущения. Чтобы в понедельник я мог отчитаться, что меры приняты, виновные наказаны, а справедливость восторжествовала. Мне еще не хватало, чтобы профильная комиссия Верховного Совета по мне в ЦК вопрос подняла, о неполном соответствии, из-за того, что у тебя бардак. Всё понятно?

— Так точно, — ошарашенно ответил ректор. Он никак не мог решить, что лучше — сказать, что вспомнил, что это за студент и в чем причина отчисления, и тогда министр поймет, что глупость сделана с его благословения, или что министр будет, как и сейчас, думать, что он не полностью контролирует ситуацию в своем институте?

— Всё. Иди трудись. На совесть, а не так, чтобы мне такие вот вопросы прилетали потом, — сухо кивнул головой министр, не дав ему созреть что-то сказать по первому варианту.

Так, со студентом, вроде бы, все понятно, тот самый должен быть... — думал ректор, выйдя из кабинета министра. — Но как тот, под кого копало за провинности КГБ, вдруг превратился в добропорядочного сотрудника Советского комитета по защите мира? Да еще с такими связями, что за него сам запред Верховного Совета хлопочет? Что это за молодой человек с такими знакомствами пошел к ним учиться, если мог запросто пойти в МГИМО или МГУ? Что за мистика? Никогда на его памяти блатные с такого уровня связями не мечтали стать инженерами транспорта... К нему шли абитуриенты поскромнее...

Он лихорадочно стал рыться в карманах пиджака в поисках записки, врученной министром. Кузнецов Михаил Андреевич. Инженерно-экономический факультет. Второй курс. Нужно

больше информации...

— Разрешите от вас позвонить? — обратился он к помощнице министра и она тут же подставила ему один из аппаратов. — Василевский? — с первого раза дозвонился он своему проректору по учёбе. — Жду тебя в своём кабинете, принеси всю информацию по студенту Кузнецову Михаилу, — холодно проговорил он в трубку.

* * *

Часа через два дошёл, наконец, ход и до меня. Все уже устали, переругались и когда Георгич представил меня, и я поднялся с места, зал наполнился разочарованными возгласами.

— Да он молодой совсем! Он, что ли, будет исправно скидываться на нужды кооператива?

— У него деньги-то есть вообще? Студент, небось?

— На стипендию живёшь, парень?

Поняв, что моя кандидатура в кооперативе разгоряченным и уставшим от долгого собрания гражданам не зашла, и все может провалиться, решил взять, пока не поздно, дело в свои руки. Поднялся на сцену и попросил у Георгича микрофон.

— Приветствую всех, — начал я. — Меня зовут Павел Ивлев. Я действительно учусь в МГУ, но и работаю в нескольких местах. Так что, товарищи, уверяю вас, я абсолютно платёжеспособен.

— И где же ты работаешь? — крикнули откуда-то из первых рядов.

— От общества «Знание» лекции читаю по предприятиям и в Верховном Совете СССР готовлю аналитические записки...

Хотел добавить, что печатаюсь в газете, но не успел. Меня прервал дружный хохот зала.

— А Леониду Ильичу Брежневу не ты, случайно, речи пишешь? — крикнули из зала.

— Я не понял последнего вопроса, — строго посмотрел я в ту сторону. — Вы в чём-то сомневаетесь? Могу удостоверение показать.

— Покажи, мил человек, раз можешь!

Вытащил из внутреннего кармана пиджака стопку разных удостоверений, выбрал красное с гербом и протянул мужчине с первого ряда, с интересом наблюдавшим за мной. Тот принял

его, уже понимая, что я говорю серьёзно, аккуратно раскрыл, прочитал сам и стал показывать подскочившим соседям и вставшим со второго ряда. По залу прокатился удивлённый ропот. Кто-то с заднего ряда подбежал, не поленился, и тоже заглянул. Мне вернули удостоверение с большим уважением, спрятал его обратно в карман и вернул микрофон Георгичу, считая, что сделал все, что мог.

— А нам показать? — настороженно смотрели на меня Георгич, секретарь собрания и бухгалтерша.

Пришлось ещё раз достать стопку удостоверений, раз уж сказал «А», говори и «Б». Георгич прочитал внимательно удостоверение из Секретариата Президиума ВС и передал его посмотреть женщинам, они тут же вдвоём склонились над ним. А сам смотрел на меня, и я легко читал его мысли. Он недавно взял взятку от человека, работающего в Кремле, и ему эта мысль совсем не нравилась...

— А то что за удостоверения? — кивнул он на мой внутренний карман.

Да, точно, испугался. Боится, что там и корочка сотрудника ОБХСС найдется? Или лейтенанта КГБ?

— Да ладно вам, Виктор Георгиевич, мы же свои люди...

— Я должен знать, кто у меня в членах, — настойчиво проговорил он.

— Это студенческий, это удостоверение общества «Знание», это пропуск на ЗИЛ, это пропуск в НИИ Силикатов, а это пропуск в спецхран, — показывал я ему. Сидевшие на первом ряду поднялись и подошли к самой сцене, с любопытством наблюдая.

— Что за спецхран? — ещё больше насторожился председатель.

— Закрытый отдел Ленинской библиотеки, мне для работы надо.

— А на ЗИЛ пропуск у тебя откуда?

— В комитете комсомола там работаю, — рассмеялся я этому допросу с пристрастием.

— Ты про ЗИЛ не говорил, — строго посмотрел он на меня.

— Я и про гонорары за статьи в газете не успел сказать, — ответил я, собирая свои корочки. — Вот можете недавнюю газету «Труд» почитать, там вышла моя статья про автобаны в Германии.

Георгич откашлялся и взял микрофон.

— Кто за то, чтобы Ивлева Павла Тарасовича принять в члены нашего гаражного кооператива? — спросил он, пока я шёл на своё место в зале, сопровождаемый любопытными взглядами. Но главное, все сработало, меня зауважали. Никаких больше улыбок и шуток, веселых выкриков, куда все пропало! Руки в притихшем зале поднимались одна за другой. Народ с готовностью голосовал за меня.

— Кто против? — спросил председатель. А в ответ тишина. — Кто воздержался? — то же самое. — Поздравляю, — усмехнулся чему-то Георгич. — Ты принят единогласно.

— Спасибо за доверие! — громко крикнул я в зал, поднявшись со своего места. Георгич зачем-то зааплодировал, а за ним и всё собрание.

Фух! У меня теперь есть гараж! Правда, пришлось служебным положением, так или иначе, воспользоваться, специфическое место работы засветить. Но ясно уже стало, что иначе шиш мне, а не гараж. И, с другой стороны, он теперь целее будет. Если у кого и были мыслишки его обнести или навести кого, то теперь, думаю, будут держаться подальше.

Мой вопрос был последним и сразу после моего принятия к бухгалтерше выстроилась очередь сдавать взносы. Решил сразу расплатиться, а то потом где и когда я буду её искать. Специально взял с собой деньги. Приготовил, как и договаривались с Георгичем, тысячу восемьсот двенадцать рублей и встал в конец очереди.

Увидев деньги у меня в руках, мужик, стоявший передо мной, почему-то пропустил меня вперёд. Начал спорить с ним, что ничего страшного, постою, но кончилось тем, что я оказался первым возле бухгалтерши и у всех на глазах она пересчитала мои деньги, выписала приходник и заявила председателю, что он должен проводить её, с такими деньгами, до банка, что одна она не пойдёт.

И это правильно. Столько народу эти деньги видело...

Вернувшись домой, попросил Мишу помочь мне перевезти плитку в гараж. Использовать её ещё рано, дому ещё года нет, он не осел до конца. Опять же, клей хороший импортный капитан ещё не привёз, и затирку противоплесневую... Тем более нет смысла, если придется перебираться в другую квартиру... Короче, пусть лежит в гараже, пока.

Пообедали с Мишей жареной картошкой с молоком, и я пошёл за машиной.

Когда вернулся, мы начали таскать коробки вниз. Потом я часть загрузил в машину и отвёз в гараж. Когда вернулся, у подъезда уже стояла стопка из коробок, а охранял её Родька. А Гриша с Мишей таскали. Как только я подъехал, они вдвоём загрузили мне машину и я сделал ещё ходку.

Вернулся, а они уже забаррикадировали проход к подъезду коробками и начали дразнить меня, чего я так долго?

— Мужики, ну я же там один выгружаю, — начал объяснять я.

— Точно, — спохватился Гриша, — давай, я с тобой поеду.

Вдвоём у нас дело пошло гораздо быстрее, но всё равно, ходок семь мы сделали и реально упахались. Я ещё пытался плитку по цветам сортировать, чтобы не рыться потом в поисках нужной.

Вернувшись, позвал Гончаровых к нам. Посидели скромненько. Чаю попили с бутербродами и конфетами. Заодно узнал у них, сходили ли они в театр «Ромэн».

— Ходили, — улыбнулся Гриша. — Что скажешь, сын? Как тебе?

— О-оо! — восторженно округлил глаза Родька и сделал странный широкий жест руками.

— Всё понятно, — рассмеялся я. — Понравилось.

— Да-аа, — серьёзно ответил малый. — Цыгане классные.

— Так и передам Якову. А то он спрашивал, как вы сходили?

— Серьёзно? — напрягся Гриша. — Я тогда лучше сам зайду и поблагодарю.

— Я с тобой! — оживился Родька.

— Хорошо, хорошо. Сходим. Я думал, он так, передал и забыл... А он беспокоится... Неудобно получилось.

* * *

Москва. Сауна в спортивно-оздоровительном комплексе одного из промышленных предприятий Пролетарского района.

— Что вы тянете с началом работы? — спросил Бортко Ригалёв. — Проблемы какие-то с Захаровым?

— Нет, всё отлично. На вторник уже планируем первое общее собрание.

— Да? И где? — заинтересовался Войнов.

— Ну, не в горькоме же, — усмехнулся Бортко. — Я предложил ему здесь встретиться. В понедельник он либо скажет «да», либо своё место предложит.

— Хорошо, — довольно промурлыкал Войнов.

— Ну что, ты обрадовал вчера Ивлева? — спросил Бортко Сатчана.

— Обрадовал... Но он не хочет из своего дома уезжать, а там уже трёшек нет. Только одна квартирка однокомнатная в райкомовском фонде осталась, для себя держат... А он там и гараж уже нашел недалеко от дома...

— Вот, странный, — пожал плечами Войнов. — Была бы квартира побольше, а обменять на нужный район всегда можно.

— Я предложил ему вчера, а он говорит, не потяну сейчас ещё и обменом заниматься. Тем более, если никто не захочет переезжать, так и зависну я, говорит, в этих Сокольниках.

— А ты ему только один вариант предложил? — удивился Ригалёв.

— Нет, нашлась ещё квартирка возле Ходынки, но он её, даже, рассматривать не стал, хотя там метро «Аэропорт» не так далеко...

— Не, ну, с Ходынкой всё понятно, — согласно кивнул Бортко. — Кому понравится рядом с аэродромом жить? А что за квартира в его доме в резерве, ты говорил?

— Однушка и в другом подъезде, — развёл руками Сатчан.

— Слушайте, а не обязательно же на одной лестничной клетке квартиры должны быть, — заметил Войнов. — Ты предложи ему.

— Да ну, ерунда какая-то, — отмахнулся Пахомов. — В соседний подъезд не набегаешься, особенно зимой. Это им, всё равно, придётся в двушке жить, а однушкой они не смогут пользоваться.

— Я поэтажку ещё не видел, — заметил Сатчан. — Знаю, что подъезд соседний и этаж третий, как у Ивлева.

— Да? Это уже интереснее, — заметил Пахомов. — Надо посмотреть, есть ли там смежная стена. Тогда только дверь останется прорубить и всё. Правда, одна комната двушки и комната однушки станут проходные... У меня у знакомого так вышло, очень доволен. Две кухни, две ванн, две комнаты, два туалета. А, и два балкона! И он вторую кухню под кабинет

переделал, так что четырехкомнатная получилась.

— Как вариант... — задумчиво проговорил Бортко. — Но если все же к трешке возвращаться... Две трёшки на выбор у нас есть... А если самим поискать в его доме желающих на обмен?

— Тогда это надо делать быстро, мы не можем долго их бронировать, — напомнил Сатчан.

— Пошли помощницу опросить по трешкам, — подсказал Войнов. — Завтра воскресенье, жильцы, в основном, дома будут. Мало ли кто в Сокольниках или на Ходынке родственников имеет, тех же бабушек-дедушек, и заинтересуется... А в понедельник дашь ей отгул.

* * *

Проводив Гончаровых, поехал на вокзал в круглосуточную кассу. Прикинув ещё раз даты, взял купе на двадцать третье число. Это будет суббота, в воскресенье к вечеру будем уже дома. Холода в этом году точно будут рано, торфяники подморозит и пожары прекратятся. Авось как раз к этому времени все и срастется... Подумав, что надо предупредить Егорыча о переносе даты, дал телеграмму на адрес пани Нины, что взял билеты на двадцать третье.

Не забыть ещё в больницу позвонить, чтобы они к двадцать второму числу мне жену с детьми к выписке подготовили. Хотя... Зачем мне тащить их в Палангу? А потом обратно в Клайпеду на поезд? Из больницы надо сразу на вокзал. Значит, и выписываться будем двадцать третьего.

* * *

Москва. Квартира Шадриных.

— Бабуль, а что мне Галие подарить на рождение близнецов? — спросила Маша Викторию Францевну.

— Ой, деточка, даже не знаю, чем ей, бедной, помочь. Двойняшки — это очень тяжело, как погодки, только ещё хуже. И родители у них обоих далеко, помочь некому...

— Ты так говоришь, как будто хоронишь её, — ошарашено взглянула Маша на бабушку.

— Детка, ты не представляешь, каково это — одной с

младенцем. А тут их двое!

— Так надо помочь как-то... Что ей подарить?

— Манежик надо обязательно. Посадит малышей играть, сама хоть что-то сделает в это время.

— Манеж? Точно! — обрадовалась Маша.

* * *

Глава 5

Москва. Квартира Излевых.

В воскресенье заказал разговор с Клайпедой. Лещиновского на работе не было, но мы уже лично познакомились с ехидной мадам, и она теперь вполне миролюбиво со мной поговорила. А может, своё дело сделали гостинцы, что я оставил в последний свой приезд.

Сообщил ей, что взял билеты на двадцать третье число, поезд в восьмом часу вечера, попросил часов в шесть-полседьмого отдать мне жену и детей. Боялся, что она скажет, что в субботу нет выписки, но она возражать не стала. Только записала себе прямо во время разговора, повторяя время вслух. Попросил её также зайти к Галие и передать, что я заберу её в следующую субботу вечером.

* * *

Городская больница Клайпеды.

Галия уже устала лежать целыми днями. Детей приносили на кормление по часам. А в перерыве между кормлениями она ходила мимо детской и подслушивала, не её ли малые плачут. Но медсёстры были хорошие, дети ухоженные. Сколько она не просила разрешить ей поухаживать за малышами, от её помощи все отказывались и смеясь, советовали отсыпаться, пока есть возможность.

Когда малышей принесли на очередное кормление, счастливая и гордая Галия обрадовалась возможности поддержать их на руках и полюбоваться на них.

Когда один уже накормленный лежал рядом на подушке, заглянула Юрата Матисовна.

— Опять твой звонил. Билеты обратные взял на субботу. Скоро домой поедете, — смотрела она на Галию с материнской сострадательной улыбкой. — Ох и хлебнёшь ты с двумя, девонька.

— Ничего, справимся, — не отрывая взгляда от младенца у груди, ответила Галия. — Как муж говорит, где наша не пропадала?!

К обеду примчался Фирдаус, предварительно позвонив. Мы с Мишей, как раз, обедать сели, ну, и его, разумеется, за стол усадили. Поболтали о том, о сём. Фирдаус поделился, что Диана ещё с утра к подруге уехала в общагу, той парень предложение сделал, вот, девчонки на ухах уже вторую неделю.

— А чего они на ухах-то? Ну, подумаешь, предложение сделал. Вот, если бы заявление подали, — удивлённо заметил я, прекрасно поняв, о ком идёт речь.

— Так и подали вчера, — небрежно ответил Фирдаус, не обратив внимание на мою искреннюю заинтересованность. — Мне надо будет в общагу за Дианой попозже заехать. Она позвонит сюда.

Я кивнул. Так, так. Значит, Сандалов подал заявление вчера. И молчит! Никак, взрослеть начал, не спешит уже с другом тут же всем поделиться. Или ему Светки, теперь, для этих целей хватает? В общем-то, это очень неплохо. Нянькой для него быть все время то еще удовольствие, пора парню взрослеть... У меня теперь в приоритете два мелких пацана, с которыми надо нянчиться.

Перекусили, и Фирдаус взглядом показал на Мишку, когда тот отвернулся. Все понятно, надо конфиденциально переговорить.

Сказал Мишке, что мы пойдем родственные вопросы обсуждать, и он совсем не обиделся, что с собой его не зовем. Его, вообще, в данный момент совсем другой вопрос волновал, понятное дело. Ушли в спальню, закрыли дверь.

— Отец звонил, — проговорил Фирдаус, многозначительно взглянув на меня. — Уже рассматривает варианты. Спрашивает, что лучше, старое производство взять или присматривать помещения под новое? Есть и такие, и такие варианты.

— А что за старое производство? — заинтересовался я.

— Да там небольшая фабрика, на ладан дышит, — стал объяснять Фирдаус. — Ещё с прошлого века малыми партиями выпускали дамские сумочки, кошельки. Сошли с дистанции, не выдержав конкуренции, пару лет назад. Отец говорит, что часть оборудования можно использовать для обшивки чемоданов как кожей, так и разными тканями. А, и для подкладок внутренних

тоже оборудование есть. Нужны будут станки для изготовления каркаса, ручек, колесиков и креплений.

— Вот, эту фабрику вполне можно брать, если цена устроит. Но только вместе с брендом! Не ради оборудования, главным образом, а ради названия. Если они с прошлого века существуют, представь, каким будет слоган компании: «Сделано в Италии. Создаём совершенство с 1896 года»! Звучит?

— Звучит, — улыбнувшись, согласился Фирдаус, взглянув на меня уважительно.

— Если там помещения позволят модернизацию производства осуществить, очень хорошо. А не позволят, тоже ничего страшного! Тогда их нужно аккуратно отреставрировать и использовать как офис, магазин, склад, но обязательно чтобы внешне старина осталась, вроде, старинная компания, понимаешь? А где-то рядом можно современный производственный корпус построить. А старое помещение оформить как музей своего бренда. Старинное бюро, какой-то станок столетней давности, телефонный аппарат древний, печатная машинка прошлого века... Чтобы заказчики приезжали в офис и у них глаза разбегались. Можно, даже, подкупить старинных канцелярских вещей где-то на барахолках. Кафе можно сделать в ретро-стиле рядом с магазином. Помещений же много будет, если производство в другое место перенести.

— Я понял, — усмехнулся Фирдаус.

— Сам придумал и сам позавидовал... — хмыкнул я. — Вокруг этого места можно будет целую экосистему создать. И сумочки женские, кстати, со временем надо выпускать. Как и кошельки. Чемодан, а к нему есть сумка и кошелёк в комплект. Или покупаешь комплект, чемодан плюс сумка, кошелёк в подарок.

— Ну, тебя понесло! — забарабанил по тумбочке Фирдаус. — Дай бумагу с ручкой. Надо срочно записать, пока не забыл.

Он просидел у меня ещё часа полтора, конспектируя мои воспоминания о маркетинговых уловках двадцать первого века.

Потом позвонила Диана и он поехал за ней.

Москва. У общежития Московского института инженеров транспорта.

Возбуждённые девчонки, Диана, Света Герасимович и четыре её соседки по комнате вышли на улицу и ждали мужа Дианы. Соседки дружно пошли провожать подругу Светы, чтобы поглазеть на её мужа-иностранца, а, заодно, и проветриться после бутылки обалденного вина.

Хоть и выпили одну-единственную бутылку на шестерых, но этого хватило, чтобы девчонки расслабились и дурачились по полной программе. Соседки были очарованы Дианой, её внешностью и рассказами про Ливан и Францию. А какие угощения она привезла, помимо бутылки французского игристого вина!.. Какие конфеты! Какой сыр ломтиками! Какой балык! И, даже, хлеб был необычный.

Девочки из общежития МИИТа не могли поверить, что сама Диана ещё год назад точно так же, как и они, делила комнату с двумя соседками в общежитии Горного института. Но она рассказывала о жизни в общежитии в таких деталях, что не было никаких причин сомневаться в правдивости её слов. Да и не хотели девчонки сомневаться. Жизнь Дианы показала им всем, что и они сами так могут. В этой жизни нет ничего невозможного. Вон, и их соседка Света собирается замуж за москвича, который работает в Кремле.

Диана ещё издали увидела машину мужа и стала прощаться с подругой, ещё раз, поспешно проговаривая, кто чем будет заниматься в ближайшее время в свете предстоящей свадьбы.

Фирдаус уже вышел из машины, подошёл к пассажирской двери и ждал, пока жена освободится, чтобы посадить ее на сиденье. Девчонки из комнаты Светы тут же обступили его и, не в силах оторвать восторженных взглядов от человека, которого после рассказов Дианы считали уже не меньше, чем за арабского принца, защебетали, кто во что горазд. А тот, неожиданно для себя оказавшись в таком цветнике, вежливо улыбался и отвечал им на все их вопросы. Одна из соседок, самая бойкая, с пышной шевелюрой цвета коньяка, уже даже и повисла на согнутой руке Фирдауса, прижимаясь к нему грудью.

Когда Диана повернулась в сторону мужа, попрощавшись с подругой, перед её глазами предстала страшная картина: её муж в окружении четверых восторженных девушек, вполне себе

хорошеньких, счастливо улыбается и уже чуть ли не обнимается с одной из них.

Дикий страх и отчаяние поднялись к самому горлу и вырвались наружу нечленораздельным криком, когда Диана ринулась на них.

Отбросив на ступеньки общежития стоявшую на пути девушку, Диана схватила рыжую нахалку за волосы и, осыпая её проклятиями, повалила на землю.

Наблюдавший за ними в окно вахтёр, бодрый ещё старичок, прошедший всю войну и сразу почему-то решивший, что появление «расфуфыренной» Дианы в вверенном ему заведении не к добру, закричал на весь вестибюль «Звоните в милицию! Наших девочек бьют!» и бросился на помощь своим студенткам.

Начался форменный переполох. Кто-то звонил в милицию. Кто-то звонил коменданту. Кто-то побежал за стареньким вахтёром на улицу спасать девчонок.

Их быстро разняли. Фирдаус обнимал обеими руками, точнее, держал жену. Та девочка, что упала на ступеньки, просто ударилась и расцарапала ладони. А вот рыжей досталось сильнее. Диана выдрала ей клочок волос, и надорвала мочку уха, видимо, зацепившись чем-то за серьгу в пылу борьбы. Мочка кровила и придавала пострадавшей зловещий вид.

Милиция приехала очень быстро. Молоденький лейтенант быстро оценив, что Фирдаус иностранец, и не желая создавать себе лишних проблем, вежливо предложил ему сопроводить жену до ближайшего отделения милиции, рассудив, что, пусть, лучше начальство само с ними разбирается.

Так бы они и уехали, Фирдаус уже прикидывал, сколько дать летёхе, чтобы замять эту историю, но тут появился комендант общежития и настоял на сопровождении пострадавших до отделения милиции, хотя до этого речь о том, что они куда-то поедут, не шла вообще.

Чувствуя, что дело пахнет керосином, Фирдаус быстренько выяснил, в какое отделение их повезут и попросил Свету позвонить Павлу Ивлеву.

Старенький вахтёр удовлетворённо смотрел вслед удаляющимся милицейскому УАЗику и Волге.

— Вот, так! А то будут, понимаешь, всякие заезжие задаваки девчонок наших обижать!

Занимался уборкой в большой комнате, пылесосил и мыл полы после коробок с плиткой, как вдруг зазвонил телефон. Звонила Света Герасимович и срывающимся голосом сообщила, что Диану и Фирдауса в милицию забрали. Из её сбивчивого рассказа понял, что Дианка приревновала какую-то ее подругу к Фирдаусу и устроила ей дебош с дракой. Их сейчас всех увезли в восемнадцатое отделение милиции.

— Спасибо, Свет, огромное! — поспешно свернул я разговор.

И что делать? Бежать опять своим удостоверением махать? Это тебе не дорогу перейти, пока найду адрес, пока доеду, их уже допросить, осудить и посадить успеют. Придётся Васе звонить.

— Василий! Ты дома! — обрадовался я после целых пяти гудков. — Не разбудил?

— Нет. Что ты кричишь? Что-то случилось? — сразу догадался он.

— Сестру с мужем в восемнадцатое отделение забрали.

— За что?

— Да она побила девчонку какую-то, к мужу приревновала.

— Блин...

— Скажи мне, хоть, адрес, куда ехать.

— Восемнадцатое? Подожди, сейчас справочник возьму... Последний переулок, дом двадцать шесть. Сейчас я им позвоню. Как фамилия сестры?

— Эль Хажж.

— А-аа, это... Я всё понял. При таком муже надо, сразу, берданку с собой носить, — заржал Вася.

— Не смешно! — проворчал я в ответ и попрощался.

Да что же они все... Как дети малые. Сам длинную жизнь прожил, а с милицией почти дела и не имел. А тут что творят... смога, надышались, что ли, по самые уши и мозг начал отказывать. Что Кукояка этот — надо же догадаться с двумя тысячами в ресторан пойти, да еще на входе толстую пачку денег показать швейцару. Мартин с этим туповатым пацаном, бросающимся под машины... хотя ладно, Мартин, вообще-то, молодец, проявил гражданскую позицию. Теперь вот Дианка жару дает... Прямо хоть, если такая тенденция складывается, заучивай наизусть адреса московских отделений милиции.

Чтобы если звонок, сразу — какое, говоришь, отделение? А, это в двадцати минутах от меня. Ждите!

Наскоро собрался, взял денег и побежал ловить такси. Адрес ещё такой... Последний переулок. Ну хоть не крайний...

Когда я приехал и выяснил у дежурного, где Эль Хажжи, показав ему своё удостоверение референта быстрым движением, Вася уже успел позвонить и дежурный спокойно отправил меня на второй этаж.

Протиснувшись в набитый людьми кабинет, несколько секунд стоял, тихонько изучал обстановку. В кабинете было шумно, двое сотрудников милиции у окна. Эль Хажжи, две девушки и мужчина, настойчиво чего-то добивающийся от капитана, сидящего с грустным лицом за столом.

Девчонки между собой лаялись не по-детски. Двое сотрудников милиции сразу обратили на меня внимание, но я, уже наловчившись, быстро махнул удостоверением и стал аккуратно продвигаться к капитану за столом. Когда он вопросительно поднял на меня глаза, опять достал удостоверение и показал молниеносным движением. Он хмыкнул и сделал приглашающий жест, мол, пожалуйста, разруливай.

— Добрый вечер, — перехватил я инициативу у замолчавших на мгновение девчонок. — Что случилось?

— Эта хулиганка устроила драку, — заявил мужчина, показав на Диану. Та открыла было рот, но я жестом показал, чтобы она, пока, помолчала.

— Простите, как вас зовут?

— Николай Николаевич. Я комендант студенческого общежития.

— Очень приятно. Павел Тарасович. Кто-то пострадал в результате драки?

— Да, — показала мне несколько ссадин на ладони одна из студенток.

— А мне ухо порвала, вот, — показала мне запачканную кровью шею и футболку вторая. — А ещё, она мне клок волос выдрала.

— Большой? — спросил я сочувственно. — Можно взглянуть?

В волосах ничего не было видно. Где там что вырвано? Ни черта не разберёшь. Специально тщательно искал травму на

глазах у коменданта, чтобы он убедился в моей беспристрастности. Не нашел, к счастью.

А вот ухо — это серьёзно. Не сообразив сразу, откуда шла кровь, я только с близкого расстояния разглядел, что это из-под серьги накапало.

— Товарищи, нет ли у вас здесь аптечки? — обратился я к милиционерам.

— Зачем?

— Хочу обработать повреждение.

— Ну, пожалуйста, — хитро посмотрел на меня капитан и кивнул одному из сотрудников.

Мне выдали картонную коробку с содержимым, похожим на автомобильную аптечку. Оторвав кусок ваты, смочил его перекисью водорода и попросил вторую студентку снять серьгу. Собственноручно смыл ей кровь с мочки уха, а потом с шеи. Жестом пригласил коменданта, грудью вставшего на защиту студенток, посмотреть: прокол под серьгу был несомненно надорван, но на доли миллиметра.

— Новосёлова, там же нет ничего, — обескураженно проговорил он.

— Чуток есть, — остановил я его. — Видите, покраснение вокруг... Видимо, серьга зацепилась за что-то, может за волосы, и от резкого рывка прокол надорвался чуть-чуть.

— Покажите! — встал из-за стола капитан и встал с нами рядом. — Не вижу ничего. Подойди к окну, — попросил он Новосёлову.

Сотрудники втроём рассматривали повреждение, двое высказались, что ничего нет. Один сказал, что что-то есть.

— Есть зеркало? — повернулась Новосёлова к подруге, та с сожалением развела руками.

— У меня есть, — поспешно полезла Диана в сумочку и протянула ей круглое зеркальце.

Та долго разглядывала свою мочку, потом молча вернула зеркало Диане.

— Я так понимаю, что серьёзных последствий для здоровья эта драка не имеет, — взглянул я на коменданта. — Возможно, если принести извинения, — показал я на девушек, глядя на Диану, — инцидент будет исчерпан? Как вы на это смотрите? — посмотрел я на коменданта и милиционеров.

— На мой взгляд, это верное решение, — высказался

капитан.

— Да что уж там, — махнул рукой комендант. — Раз травм нет...

— А вас устроит извинение? — обратился я к обеим студенткам.

Те переглянулись растерянно между собой и одновременно пожали плечами. Молчание — знак согласия, — решил я и жестом пригласил Диану в центр кабинета.

— Я прошу прощения, — сделав шаг вперёд начала Диана, — за то, что не сдержалась и вцепилась в волосы Ирины Новосёловой, когда она висла на моём муже, пытаюсь вложить свою грудь в его...

— Всё, всё, всё. Достаточно, — поспешил я остановить её, пока она не наговорила лишнего и драка не продолжилась, уже по инициативе гражданки Новоселовой. — Девушки, извинения приняты? — повернулся я к студенткам.

— Приняты, приняты, — ответил за них комендант и взяв их за предплечья, вывел из кабинета. Правда, тут же вернулся обратно. — Поймите меня правильно, я не мог не отреагировать, — протянул он руку по очереди всем мужчинам на прощанье.

Радостный Фирдаус последовал его примеру и, попрощавшись с милиционерами, вывел Диану.

— Ну, спасибо, товарищи, — с облегчением проговорил я, глядя на сотрудников. — С меня причитается. Не хватало ещё, чтоб жена иностранного подданного у нас в кутузке оказалась, — не сдержался я и улыбнулся, представив себе эту картину.

— Это с меня причитается, — сел за свой стол расслабившийся капитан. — Позвонили, сказали отпустить, а тут этот... комендант. А лихо вы с ней все следы смыли, — начал смеяться он. — Я только обработаю!..

— Ну, ладно, я пошёл, доведу их до дома, пока они ещё куда-нибудь не влипли. Хороший парень девке достался, вот она и ревнует... Спасибо вам, мужики, — улыбаясь, протянул им всем руку, прощаясь.

Эль Хажжи ждали меня.

— Подбросите домой? — спросил я.

— Конечно, — с готовностью открыл передо мной дверцу машины Фирдаус.

Диана села сзади и насупилась.

— И чем мы так недовольны? — спросил я, оглянувшись назад. — Что тебя в кутузку не посадили?

— Да причём здесь кутузка? — вспыхнула Дианка. — Надо было этой гадине глаза выцарапать!

— Диан, надо учиться разруливать такие ситуации без последствий, понимаешь, о чём я?

— Что я, не могу уже наказать нахалку, которая на моего мужа лезет, как обезьяна на пальму за бананом?

— Можешь. Но надо делать это красиво, интеллигентно, чтобы никому в голову не пришло вызывать милицию. Понимаешь?

— Не очень, — обиженно уставилась на меня сестра. — Ты скажи конкретно, как?

— Чтобы не оставалось следов.

— Не понимаю. Как?

— Ну... как? К примеру, очень обидно и унижительно, когда человека бьют по лицу.

— Ты сейчас научишь! — озабоченно воскликнул Фирдаус.

— Нет, нет. Всё нормально, — улыбнувшись, взглянул я на него. — Бить по лицу можно по-разному. Главное — без следов. Даже простой пощёчиной, если промазать, можно рассечь губу. Это уже статья. Бить надо чем-то мягким, перчатками, например. Это будет так же унижительно и оскорбительно, но без последствий. Вообще. Понимаешь? С гордой осанкой, как царица, подошла, ударила по щеке перчатками или газетой, да тем же платком, посмотрела убийственным взглядом и всё. И ни одна соперница больше к Фирдаусу близко не подойдёт. Побойтся.

— Пра-аавда? — повеселела Дианка.

— Правда-правда, — заверил я ее, посматривая на Фирдауса. Тот закатил глаза, показывая, что ему все эти женские бои за его персону и их разнообразные стили вообще не упали. Правда, не рассчитал, что Диана в зеркало это увидит. Неопытный еще семьянин, начинающий.

— Не, Фирдаус, а что я, должна была никак не реагировать, что эта шалава на тебе повисла? — тут же снова включила форсаж притихшая было Диана.

— Ну, вообще-то, это тоже вариант, — сказал я, — если человеку до конца доверяешь, то можно чуток и потерпеть. Не бросать же ему эту девчонку оземь. Была бы лягушонкой, еще

был бы смысл, но в данном случае в царевну она от такого точно не обратится. Да и Фирдаус все же не Иван-царевич...

— А? Какой еще лягушонкой? — ошалело спросил ливанско-подданный, прекрасно выучивший русский язык, но не овладевший еще нашим фольклором.

Глава 6

Москва.

Приехали к моему дому, предложил Эль Хажжам подняться. Но Фирдаус сослался на дела, извинился и они уехали. Сказал, что отцу торопится отзвониться, и так в милиции много времени потеряли. Помахал им рукой, и, качая головой, пошел к лифту. Хоть бы Диана свой горячий темперамент придержала немного! Я же ее знаю — небось, натрепала там в Светкиной компании с три короба про сладкую жизнь за границей и про своего восточного принца, а потом вдруг удивляется, что кто-то полез к нему грудью прижиматься. Скромнее быть не пробовала? Не могла вспомнить, по какому поводу девчонки собирались? Вовсе не обсудить ее супружеский выбор, а отметить решение Светки и Лехи пожениться... Вот и сидела бы, слушала, нахваливала бы Светку, да рассказывала бы истории из их детства. Но нет, это совсем не про Диану...

Мишка взволнованно сообщил, что капитан Баранов ждёт звонка. Тут же набрал Васю, поблагодарил. Рассказал, как дело было. Посмеялись с ним. Хорошо смеяться, когда всё уже позади. А в отделении-то мне не до смеха было. Поблагодарил его еще раз за поддержку.

Положив трубку, рассказал Мишке, что Диана учудила.

— Эта может, — на полном серьёзе заявил друг и начал вспоминать школьные годы. С какой-то даже ностальгией, хотя времени совсем ничего прошло.

Раздался звонок телефона, и я взял трубку. Очень серьёзная и вежливая женщина попросила к телефону Михаила Андреевича. Воскресенье, вечер... Удивлённый Миша взял трубку, а я встал рядом. Были у меня определенные ожидания... Михаил Андреевич... Ну-ну...

— Здравствуйте, Михаил Андреевич! Это из института. Произошла огромная ошибка, но мы уже во всем разобрались! Староста вашей группы всё напутал и подал в деканат неверные сведения. Подойдите завтра с самого утра в деканат, получите обратно студенческий и зачётку. Новый приказ о признании недействительным предыдущего приказа уже готов. Можете завтра же обратно заселяться в общежитие. Приносим вам свои извинения, вы наш студент. Ждём вас завтра.

— Да? Спасибо, — оторопело ответил Миша, попрощался и

положил трубку, ошарашенно глядя на меня.

— Поздравляю, — подмигнул ему я и, решив, что это надо отметить, достал бутылочку красного вина.

Не успели мы с Мишей и половины выпить, как в дверь постучались. Переглянулись с другом удивлённо. Кого принесла нелёгкая? Время уже почти девять часов.

А это Сандалов, собственной персоной!

— О! Поздравляю, дружище! — обрадовался я ему и пригласил присоединиться к нам с Мишей. — На какой день свадьба-то назначена?

— На шестнадцатое декабря, — озабоченно ответил Лёха. — Что там твоя сестра с мужем? А то мне Света позвонила, ревёт...

— Всё нормально. Света как? Как там соседки-то её по комнате отреагировали? Не загнобили, надеюсь?

— Не, нормально, вроде. Я только что оттуда. Тоже испугался, что у Светы проблемы после такого могут быть.

— Ну, если что, заберёшь её домой ещё до свадьбы, — подсказал я.

— Это вряд ли, — расстроено махнул Лёха сразу полстакана вина, что я ему налил. Я аж глаза изумленно открыл — не похоже совсем на того ботаника, что я знал. — Мать всю плешь уже проела, что я такой замечательный, уже и в Кремль устроился на работу. Зачем так со свадьбой спешить? И тем более, зачем на общажной девчонке из провинции жениться? Пришлось вот тайком заявление подавать...

— Так родители что, не знают ещё? — ошалело переспросил я.

— Отцу сказал. Матери ещё нет. Побаиваюсь... Скандальить, чую, будет!

— Фух... Ну и дела. Но мать обидится, если будешь о таком молчать. Скажи ей обязательно. Прямо сегодня. Она и так на Светку, получается, не очень настроена, а тут ты их врагами на всю жизнь сделаешь, мать потом точно Светке жизни не даст. Скажет, настроила против меня сына, даже сказать ему запретила матери родной про дату свадьбы...

— Не знаю, чего она так, вроде же, хорошо всё было. Светочка, Светочка... А тут вдруг, как я в Комитет по Миру устроился, так сразу девкой общажной стала.

— Это плохо... Знаешь что, раз так, вы лучше деньги

стройотрядовские не тратьте на свадьбу особо. Лучше снимай сразу квартиру отдельную. Даже не води жену жить к родителям, не трепи ей нервы. Мать твоя, похоже, зазвездилась — и в Москву переехали, и ты в Кремле работаешь... И решила тебе карьеру укрепить за счет брака с равной по твоему статусу девушкой. Не со Светой, она уже ее устраивать перестала. Эх, такое представление устроили тогда, чтобы она ей понравилась, и все зазря!

— А свадьба? — испуганно посмотрел на меня Лёха.

— Перебьётесь без шикарной свадьбы, — серьёзно посмотрел на него я. — Договоришься в ДАСе в столовке. Разве у меня плохая свадьба была?

— У тебя отличная свадьба была, — поспешно согласился Лёха.

— Ну, вот и всё. Поработаешь в Комитете по миру, примелькаешься, глядишь, и в очередь на кооперативную квартиру поставят. На первый взнос деньги нужны будут. Так что, нечего шиковать, — разлил я остатки вина.

Выпили, Лёха попрощался с нами и домой поехал. Судя по решительно выглядящему лицу, настроенный на серьёзный разговор с матерью. Надеюсь, эта храбрость не базировалась на выпитом алкоголе. А то он выветрится, пока ехать будет, вино все же, не водка...

* * *

Комитет ВЛКСМ Пролетарского района.

— Здравствуйте. Первый секретарь райкома Пролетарского ВЛКСМ Войнов Вадим Андреевич, — представился он в трубку телефона. — Мне нужно переговорить с руководством института. Кто сейчас есть на месте? Ректор есть?

— Федункив будет сегодня после обеда, — ответила ему методист ректората. — Есть проректор по учёбе.

— Очень хорошо. Соедините, пожалуйста.

— Слушаю, Василевский, — услышал в трубке Войнов. — Здравствуйте.

— Первый секретарь райкома Пролетарского ВЛКСМ Войнов Вадим Андреевич, здравствуйте, — представился ещё раз Войнов. — Я хотел бы узнать, на каком основании был отчислен студент второго курса инженерно-экономического

факультета Кузнецов Михаил Андреевич.

— Ошибочка вышла! — поспешно заговорил Василевский. — Уже разобрались и всё исправили. Недоразумение, бывает. Кузнецов уже присутствовал сегодня на занятиях и в общегитии тоже вернулся.

— Ошибочка, говорите? — с досадой спросил сомневавшийся сначала во всей этой истории Войнов. — Бывает, говорите? Интересно, скольких хороших инженеров вы страну вот так лишили?

— Уверяю, вас, это единичный случай, — бил себя пяткой в грудь Василевский.

Войнов не стал терять время на споры, тем более, МИИТ относится к чужому району. Он попрощался, но решил, при случае, обязательно поделиться этой историей с коллегой из Дзержинского района.

* * *

В понедельник перед парами Лёха объявил всей группе, чтобы ничего не планировали на шестнадцатое декабря, поскольку будем гулять у него на свадьбе, скорее всего, в столовой ДАСа.

Под одобрителный гул голосов он ещё спросил всех, не сдаёт ли кто из знакомых квартиру? Рассмотрит любой вариант, и чем быстрее, тем лучше.

— Матери вчера сказал? — догадался я.

— Угу, — кивнул он.

— И что?

— Скандал, — разочарованно махнул он рукой.

— А что говорила?

— Куда спешить? Она тебя недостойна... Пусть ищет себе кого-нибудь из такого же маленького городка...

— Ну, понятно. Хочешь прямо сейчас из дома уйти?

— Угу, — кивнул он.

— А вот я, сейчас, как отец двоих детей на эту ситуацию смотрю и мне очень обидно. Растил, растил, засранца, а он, видите ли, вырос и не считает нужным с моим мнением считаться, — Лёха потрясённо уставился на меня. — Да-да, очень обидно. Ты хоть раз мать и отца поблагодарил за всё, что они для тебя сделали? Ты хоть раз им сказал, что всё, чего ты достиг и ещё достигнешь, это благодаря и их усилиям тоже? Ты

хоть раз сказал им, что очень их любишь и рад, что они у тебя есть и что ты очень дорожишь их верой в тебя? — Лёха судорожно сглотнул. — Понятно. Ты даже представить себе не можешь такой разговор. А говоришь, уже вырос, — похлопал я друга по плечу, улыбаясь. — Попробуй вести себя с матерью, как взрослый мужчина. Может до неё и дойдёт, что ты уже, и правда, вырос. Но квартиру, после свадьбы, в любом случае надо снять. Пусть не сразу, но твоей матери придется тогда примириться с твоим выбором. А если еще и дети у вас пойдут, то у Светы возникнет еще и такой козырь для налаживания отношения, как возможность повозиться с внуками...

Тут Лёха рассмеялся.

— Я понял, — сказал он и тоже похлопал меня по плечу. — Это по-взрослому.

Мы рассмеялись оба и тут вошёл профессор, начались занятия.

Во время обеда сели с Альфредо отдельно, потому что нас набралось уже очень много, даже за двумя сдвинутыми столами все не умещались.

Обратил внимание, что Альфредо сильно сдал в плане эмоциональности, стал меньше жестикулировать и улыбаться во все зубы. Привыкает парень к нашим порядкам, — подумал я. — Адаптируется.

Решил поговорить с ним об Италии. По одному аспекту, что меня стал особо интересовать. Южная Италия, в особенности Сицилия — очень специфическое место...

— Скажи-ка, раз ты из Сицилии, — начал я. — Как у вас там дела с мафией? Есть какое-то влияние на жизнь людей, или это больше страшилки?

— Конечно, есть, — ответил он. — Если это незнакомое слово страшилки — от слова страх? Я правильно понял?

— Правильно. А сам ты, кстати, хоть одного мафиози лично знаешь? — спросил его с интересом.

— Знаю, конечно, — усмехнулся он как-то хитро.

— Что так улыбаешься? Неужто сам из мафии? — заинтересовался я.

— Я-то нет. У меня отец полицейский.

— Понятно, — ответил я. — Но тогда не понял, почему такая хитрая ухмылка...

— Ну, это поэтому, что отец у меня полицейский, а его брат,

— Альфредо наклонился ко мне ближе через стол, — мафиози. Живёт в другом городе и под другой фамилией, поэтому отец и смог стать полицейским.

— Надо же! — не удержался я. — Ну прямо тебе сюжет из остросюжетного фильма!

— Отец меня в СССР отправил, потому что хочет, чтобы меня дядька достать не мог. Тот спит и видит меня у себя. Кстати, а ты знаешь, что в Коза Ностре один из кланов русский?

— Да ладно?

— Точно, — усмехнулся Альфредо.

— Блин, как интересно. Надо будет нам с тобой как-то посидеть, поболтать.

— С удовольствием. В любое время.

Надо побольше про итальянскую мафию узнать. Мало ли пригодится. Тем более, раз производство начнём в Италии развивать. Вдруг какие-то нюансы всплывут. А то, не зная броду, соваться в эту мутную воду может быть крайне опасно.

После пар метнулся в редакцию оформляться. Ещё утром, перед выходом из дома, нашёл фотки в своём бездонном портфеле и положил поближе. Мне обещали ещё одно удостоверение в коллекцию.

* * *

Москва. Один из ресторанов при гостинице Россия.

— Приветствую, Виктор Павлович, — протянул руку Захарову Бортко. — Прошу прощения за опоздание. Я — птица подневольная, когда отпустили, тогда и прилетела.

— Слышал, слышал, вас собирали сегодня, — усмехнулся Захаров. — Сам не так давно пришёл.

— Ну, что вы решили?

— Собираемся завтра на вашей территории, — ответил Захаров. — Мои все и ваши все.

— Кстати, у нашего Ивлева жена двойню родила, бегают сейчас как ошпаренный. Вторую кроватку, вторую коляску...

— Ничего себе, — хмыкнул Захаров. — Девки?

— Парни!

— Два парня? С первого же раза? Не, зовите. Два часа его не спасут, а нам такой везучий человек в команде лишним не

будет. А с подарком уже определились?

— Ему метража теперь в квартире не хватает, вот занимаемся улучшением жилищных условий.

— Это правильно, конечно. Но переезд с младенцами — это, конечно, не вовремя.

— А мы хитрую штуку придумали! Мы ему к имеющейся двушке ещё однушку выделяем. На одном этаже.

— У него перебора не будет по метражу?

— Нет, там чтобы комнаты были изолированными, придётся коридор за их счёт сделать, это уменьшит площадь двух комнат и общая жилая площадь двух квартир, как раз, в нормы уложится. Правда, придётся с перепланировкой побегать.

— Да что там бегать? Нужно будет если с какими согласованиями помочь, обращайтесь.

— Спасибо. Но, думаю, сами справимся, не будем вас по такому пустяку тревожить.

* * *

Москва. МГУ.

После очередного заседания Комсомольского прожектора Маша Шадрина, Света Костенко и Регина Быстрова спускались по лестнице все вместе.

— Еле достали с бабушкой детский манеж, — делилась с подругами Маша. — Паша Ивлев привезёт жену с детьми в воскресенье. Это ж надо, двойня родилась!

— Дурное дело нехитрое, — фыркнула Костенко.

— Ну, зачем ты так? — удивлённо воскликнула Маша и остановилась.

А Костенко с Быстровой и не думали останавливаться. Маша ошарашено смотрела им вслед. Её догнали Мартин и Семён Давыдов.

— Ты чего тут застряла? — спросил Семён. — Стоишь, открыв рот, как будто привидение увидела.

— Да я, что-то, вообще сейчас ничего не поняла, — растерянно ответила ему Маша. — Сказала нашим девчонкам Свете и Регине, что надо же, у Ивлева двойня родилась. А Света в ответ: дурное дело нехитрое.

— Это она от зависти, — уверенно сказал Давыдов. — Да пошли, не обращай на нее внимание.

И в этот момент откуда-то снизу послышался дружный девичий смех.

— Они что, слышали нас? — прошептала ошарашенная Маша.

— Да нет, — ответил Мартин. — Далеко слишком.

* * *

Москва. МГУ.

— Что это Машка так Ивлева защищает? — ехидно спросила Регина, почувствовав в Свете родную душу. — Сама, что ли, в него влюбилась?

— Да нет. У неё с нашим Витькой Макаровым лямур, — небрежно махнула рукой Света. — Это просто они в своей компании все молятся на этого Ивлева. Своих мозгов нет, бегают к нему по любому вопросу.

— У нас про него легенды ходят, — усмехнулась Регина. — А как он по женской части? Жена чёрте где. И с кем он сейчас?

— Ни с кем, — пожала плечами Костенко.

— Что это? Никто не смог его вниманием завладеть?

— Да он вообще на других девушек внимания не обращает, — хихикнула Света. — А, может, у него того, проблемы с этим есть? Может, у него и дети не от него?

Обалдев от собственной гипотезы, девушки переглянулись и дружно расхохотались.

* * *

Приехав в редакцию, поднялся сперва на шестой этаж к Вере и в благодарность за оперативное размещение моей статьи оставил ей набор пирожных из буфета МГУ. Заодно уточнил, куда мне идти оформляться. Обалдев от такого внимания, Вера лично отвела меня в кадры, а по дороге показала, где бухгалтерия. Оформление заняло не более получаса, за готовым удостоверением мне велели зайти в среду.

Оказавшись на улице, решил ехать в Ленинку. До тренировки времени полно, успею и новинки Межуеву найти, и материал для статьи ещё одной в газету. Раз одна вышла, нужна им вторую тащить.

Погода заметно испортилась, похолодало. А у меня жена в

Прибалтике только с летними вещами. Интересно, застегнётся на ней осеннее пальто? В груди-то она стала заметно объёмнее. Может, пусть в шубе домой едет? Она сорок восьмого размера, по-любому застегнётся. Да, возьму с собой шубу.

Просидел в спецхране два часа и засобирался. Нашёл несколько новинок и очень интересный материал для статьи: в зарубежной прессе активно обсуждался апартеид в ЮАР. Сразу родилось название статьи в голове: «Апартеид как отрывка империализма». С таким названием статья надолго в ожидании опубликования в советской газете точно не задержится. Тем более, по сути, все верно. Не будь у белых колонизаторов той самой пресловутой «миссии белого человека» по насильственному приобщению к цивилизации всех других рас, не появился бы и апартеид. Надо до среды написать статью и отдать, когда за пропуском поеду.

Миши дома не было, похоже, решил сразу в общежитии восстановиться в правах. Ну и правильно, раз уже решил остаться в МИИТе. Я-то вот не факт, что остался бы после такого хамского поведения администрации, перевелся бы куда-нибудь... Но он решил, что второй перевод за год — это уже перебор, так что назло им учится там будет.

Покидал форму в спортивную сумку и поехал на тренировку. Миша был уже там.

— Ну, как оно? — спросил я его.

— Во! — показал он мне большой палец.

— Наш первый секретарь райкома сегодня звонил в МИИТ, — вступил в разговор Сатчан, — говорит, его заверили, что ошибка вышла.

— Ага, ошибка! — закипая прямо на глазах, ответил Миша. — Свалили всё на старосту. А я ему сегодня устроил допрос с пристрастием. И знаете, что он сказал? Он сказал, что подписал какую-то докладную, что замдекана подсунул и, даже, не читал её.

— Ну, мы о чём-то таком вчера с тобой и подумали, — развёл я руками, глядя на Мишу — мол, а что ты ещё хотел?

— Да просто зло берёт! — бушевал Миша. — Ты же слышал, как они по телефону вчера извинялись. Так вот, сегодня продолжили в том же духе. Ошибочка вышла, виновные будут наказаны! Вы же извините нас?

Он даже чуть на пол не сплюнул в эмоциональном порыве.

Но Марат издалека нахмурился, и Мишка резко передумал. Выдохнув, он сказал:

— Спасибо, что вы мне помогли! А если бы не было у меня таких знакомых? Так и выкинули бы меня пинком под зад?

— Если бы не было у тебя таких знакомых, то и в Кремле бы ты не оказался и КГБ тебя не проверяло бы, — ответил ему я. — Учился бы спокойно и в карты играл с парнями в общежитии по ночам.

Мишка хмыкнул, потом ухмыльнулся:

— Не, я уж лучше как есть предпочту ситуацию...

На тренировке Сатчан вернулся к вопросу, что уже обсуждали раньше, во время парных упражнений.

— Слушай, искали всё воскресенье в твоём доме желающих поменяться на Сокольники или Фрунзенский район...

— И как успехи? — хмыкнул я, прекрасно представляя себе, что наш дом только заселён. Люди осознанно выбрали местоположение и вряд ли меньше чем за год у них настолько кардинально что-то в жизни изменилось, что решатся переезжать в другой район. Тем более, районов на выбор всего два.

— Никак, — с досадой ответил Сатчан. — Но у меня есть ещё одно предложение, думаю, тебе понравится.

— Даже так? Заинтриговал. И что за предложение?

— Это на схеме показывать надо. После тренировки задержимся чуть-чуть.

— Как скажешь, — поспешно согласился я. Заинтриговал!

— И ещё. Завтра первое совместное заседание наших и Захаровских. Понимаю, что очень занят сейчас и, наверное, плохо соображаешь, но ты тоже должен быть. Партия сказала: надо!..

— Комсомол ответил: есть! Ну, хорошо. А где? Когда?

— В сауне. Ты там уже был как-то.

— А, помню. И во сколько?

— К семи. Хочешь, ко мне на службу подъезжай, вместе поедem.

— Договорились.

После тренировки приехал домой писать статью. И тридцать рублей на дороге не валяются. И сборник статей тоже из чего-то должен быть составлен, а у меня на всё про всё три года. Вера сказала, что это необходимый стаж для вступления в Союз

журналистов СССР, или как там эта структура называется. Одно ясно — лишним членство в ней для меня точно не будет.

Глава 7

Москва. Квартира Излевых.

Засыпая, думал над предложением Сатчана урезать на целый метр с лишним спальню, чтобы присоединить ещё одну квартиру. И там от комнаты в восемнадцать метров, дай бог, чтоб двенадцать осталось. А наша двенадцатиметровая спальня превратится в девятиметровую. Но, с другой стороны, как ни крути, жилой площади будет больше, второй санузел появится, второй балкон, а из второй кухни отличный кабинет получится. Можно даже плиту не убирать, буду себе чайник прямо там греть. Умственной работы у меня гарантированно будет с каждым годом все больше, и нужно свое логово, в котором можно будет спрятаться от сыновей. Они же не так и долго в кроватках валяться будут, какой-то год, максимум, и будут по всей квартире бегать в поисках приключений. Опять же, большой плюс этого проекта в том, что райкомовцы берутся сами оформить перепланировку и протащить её через все согласования.

Я предложение сразу одобрил. Видел как-то в будущем такую вот квартиру, только в ней двушку с трешкой объединили. В Москве же двадцать первого века как — многие старые кирпичные дома вполне себе пользуются спросом, но главной проблемой при большом метраже является отсутствие второго санузла. Это сразу резко роняет цену. А вот таким объединением двух квартир проблема полностью и решается. Два санузла — и квартира конкурентоспособна с такой же в новостройке. Ну, если, конечно, из окон не вид на трубы завода или на кладбище. Но в моем случае — с видом полный порядок, так что Сатчан сделал мне очень интересное предложение.

Галия, конечно, обрадуется. Вот только нужно придумать, как половчее сделать ремонт, объединив обе квартиры. Ясно, что работы будет прилично, да еще и пыльной, и шумной. Отправить нужно ее будет куда-то с детьми. Я-то смогу у кого-то из соседей пожить, чтобы смотреть за проведением работ и поправлять сразу любые огрехи... Но ладно — для начала нужны все документы на руки, тогда и буду определяться, когда этим займусь...

И надо начинать легализовывать эту квартиру. Буду

говорить, что мне предложили, в связи с рождением близнецов, жильё где-то в другом месте, а я договорился с хозяевами этих двух квартир на обмен. Пожалуй, сначала отца порадовать...

Во вторник в университете перед началом занятий Лёха молча плюхнулся рядом со мной за парту, и многозначительно посмотрел на меня.

— Что-то случилось? — озабоченно спросил я.

— Родители вчера из-за меня переругались, — трагическим голосом произнёс он. — Я сделал всё, как ты сказал, но стало только хуже. Мать начала за сердце хвататься и орать, что я променял родителей на девку общажную. А отец стал орать на неё, мол, оставь парня в покое, ему видней. С утра сегодня не разговаривали друг с другом. Мать ещё и со мной не разговаривает.

— Да уж! Ну, я и говорил, в принципе, что тебе по-любому, после свадьбы дорога только на съёмную квартиру.

— А долго мать так себе вести будет? — с надеждой взглянул на меня Лёха.

— Слушай, не хочу тебя зря расстраивать, но, например, моя тёща так и не смирилась с выбором своего сына, хотя, там уже и ребёнок есть. И со мной она не смирилась. Спит и видит, как нас с женой разведёт...

— Больная, что ли? — искренне удивился Лёха. — Тебя? С Галией?

— Вот, когда со стороны и издали смотришь на таких людей, то да, первая мысль, что у них не все дома. А когда твой близкий и любимый человек, до этого вполне разумный, вот так чудить начинает, тут очень тяжело дистанцироваться и признать проблему.

— И что мне делать?

— Веди себя естественно. Что чувствуешь, то и демонстрируй. Ты её любишь? Значит, пришёл домой: «Привет, мамуль. Я тебя люблю!». Если она не ответила, или огрызнулась, тебе обидно, так и скажи: «Ну, хватит, мам, мы же взрослые люди, всё равно, каждый из нас при своём мнении останется».

— А если она орать начнёт?

— Ну, что делать? Пусть орёт, не затыкать же ей рот. Не реагируй, уйди куда-нибудь. Успокоится через день-два, опять попробуй сказать ей что-то хорошее, доброжелательное. Опять

скандал устроит, отойди, через неделю ещё раз попробуй, потом через месяц.

— А если она так и будет?

— Если так и будет тебя отталкивать, ну, это её выбор, насильно мил не будешь. Значит, сведёшь общение к минимуму, как сын моей тёщи. Отойдёшь в сторону, чтобы не нарываться на неприятности. Поздравил с днём рождения, с восьмым марта и новым годом, считай, долг свой сыновний выполнил.

— Ну, нехорошо как-то, — грустно взглянул на меня Лёха.

— Нехорошо, — согласился я. — Но что мы можем сделать? Как баран бесконечно долбиться головой в закрытые ворота? Какой смысл? Если человеку почему-то неприятно с тобой общаться, зачем ему себя навязывать?

— Ну, ей же не со мной неприятно общаться, а со Светой.

— А вы со Светой скоро станете семьёй, единым целым. Она будет матерью твоих детей. И ты же в любом случае не собираешься ее бросать, чтобы угодить своей мамочке?

— Нет, конечно, как же мне ее бросать. Я ее люблю.

— Ну так и какой у тебя выбор тогда?

— Эх, но мама о Свете и наших планах даже слышать не хочет...

— Что, даже на свадьбу не пойдёт?

— Не знаю...

— Ну, это уже совсем будет конец нормальным отношениям. Послушай, дай ей немного привыкнуть к мысли, что ты женишься на Свете, хотя бы месяц, а потом сядь рядом, возьми её руки в свои и скажи: мам, я, всё равно, женюсь, я так решил. Сделаю ошибку, скажу, что ты была права. А будет у нас со Светой всё хорошо, я никогда тебе не вспомню, что ты о ней когда-либо плохо говорила. Но надо, чтобы ты сейчас сделала вид, что не против Светы. Я же не смогу объяснить жене, почему тебя нет на нашей свадьбе и почему ты вечно встречаешь её с недовольным видом. Она у меня умная девушка, она сама всё поймёт и тут я уже ничего сделать не смогу, она на тебя обидится, и зная вашу женскую натуру, не забудет тебе этого никогда. Ты сама навсегда сделаешь её своим врагом.

— Печально...

— Да. Но самое печальное ещё впереди. Как в народе

говорят, муж — голова, а жена — шея, куда шея повернётся, туда муж и будет смотреть. А в сторону тех, кто тебя считает недостойным себя, никто поворачиваться не будет. Так что, не видать тебе родной матери, если не убедишь её хотя бы сделать вид, что Светка ей нравится. Это сейчас Света молоденькая, молчаливая и скромная девушка. А лет через десять заматереет и ещё неизвестно, кто из их баталий будет победителем выходить.

Лёха хмыкнул испуганно, видимо, представив себе бои без правил между матерью и женой.

— Что ж всё так сложно-то? — воскликнул он с отчаянием в голосе.

— Жизнь, вообще, сложная штука, дружище. Как было бы хорошо, если бы всегда можно было бы легко договориться с теми людьми, что для тебя значимы! Почти половина свадеб заканчивается разводом — как считаешь, люди, что идут в ЗАГС, держась за руку, собираются разводиться?

После пар поехал домой и сел за работу. Учёба началась, заметно убавилось свободного времени. К следующей среде уже надо записки для Межуева расписать, и этим стоит заняться заранее. Поскольку, как в выходные своих привезу, там, вообще, ни до чего станет. Памперсы куплены, но на одного младенца, да еще вопрос, насколько они хороши по сравнению с теми, что будут через двадцать-тридцать лет. Значит, надо исходить на всякий случай из худшего варианта — что придется использовать традиционные способы. Одной стирки сколько будет! Как же не хватает стиралки-автомата. И надо помощницу Галие искать, пенсионерку какую-нибудь. Интересно, а если Ирине Леонидовне предложить поработать у нас, не обидится? Решил сразу это и выяснить.

— Добрый день, Ирина Леонидовна, — позвонил я к ним в дверь. Хозяйка, как всегда, оказалась дома. — Можно с вами поговорить?

— Конечно, Паш, проходи, — пригласила она меня жестом на кухню. И сразу же захлопотала, поставила чайник на плиту, плошку достала, варенье в нее для меня налила. Земляничное! Мало что так хорошо напоминает мне детство, как земляничное домашнее варенье!

— В эту субботу уже за женой лечу, — начал я. — В воскресенье вечером будем уже дома с детьми... Хочу в

помощники кого-то пригласить на работу к нам. А то ухайдокается Галия одна с двумя младенцами...

— А разве не приедет кто-нибудь ей в помощь? — удивилась Ирина Леонидовна.

— У нас бабушки молодые, сами ещё работают. Да и у сестры недавно же сын родился. Так что, как ни крутись, на постоянку нужен помощник.

— Понимаю, — внимательно посмотрела на меня соседка.

Хорошо. Не вижу никаких намеков на то, что тема ей неприятна или неинтересна.

— Я был бы очень рад, если бы вы согласились. Буду платить восемьдесят рублей в месяц. Работать надо будет, как на обычной работе, восемь часов, пять дней в неделю и два выходных. В выходные мы уже как-нибудь сами с женой справимся...

— Это же очень большие траты получаются! — воскликнула она. — На что вы жить будете? Я и за сорок рублей буду вам помогать.

— Спасибо! — обрадовался я, что она согласилась. — Но за нас не волнуйтесь. У меня деньги на это есть. Я прекрасно представляю, что такое маленький ребёнок в доме. Сестре Инне, в своё время, пришлось нам восьмимесячную дочку свою отдать, а то не вписывалась в учёбу... А тут будет двое и совсем маленьких... Нет, нет, восемьдесят рублей в месяц я вполне могу себе позволить, и эта помощь того стоит. И признаюсь, у меня камень с души свалился, что Галия не одна тут будет с детьми сражаться, пока я буду то на учёбе, то на работе. Спасибо вам огромное!

Она улыбнулась, и, мне показалось, обрадовалась. Ну, и отлично. Попили чаю с вареньем, обсудили дела домашние, рассказала, что сына, вроде бы, скоро снова за рубеж на раскопки надолго отправят. Попрощались и я вернулся за работу над запиской для Межуева.

Но куда там!.. Мысли вернулись к бесконечной стирке. Как стирать? Как сушить? С нынешней стиралкой будет влажность, как у нас в Святославле, аж пар стоял в хате, когда Аришка болела и горы белья перестирывали.

Позвонил отцу, поделился своими сомнениями. Он сказал, что у них с Кирой несколько лет были верёвки в коридоре натянуты, пока пацаны маленькие были, и ничего, ни грибок,

ни плесень не завелись.

Но я еще услышал от него интересный момент...

— Слушай, наша стиральная машина два месяца назад сломалась, мотор сгорел, и теперь у нас ЗВИ, там два отделения, для стирки и центрифуга. Значительно лучше прежней...

— Во! Мне надо с центрифугой, — обрадовался я. — Хоть вода капать с белья на пол не будет.

— Сделаем, — пообещал батя. — Кстати, там хитрость есть одна. Если бельё отжать, а потом ещё раз отжать, оно почти сухое будет. Это Кира случайно обнаружила, заработалась и два раза на отжим бельё поставила. Теперь только так и делает.

— Отлично! А когда мы машинку мне такую достанем?

— Ну, давай, я прямо сейчас и займусь, — пообещал отец. — Эту модель на московском заводе делают, особых проблем купить нет.

— Спасибо! Ты лучший батя! — на радостях воскликнул я.

— Да ладно, — ответил он, явно довольный.

Так, стиралка с отжимом считай, что есть, раз батя взялся. Теперь, где сушить? Верёвки в коридоре? Ну, так себе вариант. У нас тут шкафы, проход сужен, это будем ходить и о пелёнки лицом вытираться. Хотя, потолки высокие, можно сделать такую верёвочную систему, когда один конец верёвки к стене прикреплён, а второй свободно через какое-нибудь кольцо протягивается. На свободном конце ещё одно кольцо привязать и два крючка на стене вверх ногами: один снизу, второй сверху. Надо повесить бельё, цепляешь конец за верхний крючок, верёвка провисает, вешаешь бельё и натягиваешь обратно, цепляя за нижний крючок. Правда, придётся прищепками пользоваться, а то бельё съезжать будет по наклонной верёвке, пока развешиваешь, но это не такое уж и большое неудобство.

Две-три верёвки таких я легко могу сделать. Хотел уже пробежаться по хозяйственным магазинам, но зазвонил телефон. Миша Кузнецов звонил, судя по шуму вокруг, из автомата в холле института. Спросил, буду ли я дома, если он подъедет через полчаса-минут сорок?

— Я сейчас в магазин собираюсь, — начал объяснять ему я. — Подождёшь меня, если что?

— Хорошо, до встречи, — обрадовался Миша.

Ему, явно, надо поговорить. Что-то ещё случилось? — думал

я, выходя из дома.

Бегал я по округе, как раз, минут сорок, купил шторные кольца, верёвку, обычные крючки на стену и поспешил домой. Уже на подходе к дому меня догнал Миша.

Поздоровавшись, обратил внимание, что выглядит он озабоченным.

— Ну, что у тебя стряслось? Те проблемы с отчислением еще разве не закончились?

— Да не, спасибо, у меня всё нормально, — махнул он рукой, — но у нас факультет весь на ушах стоит. И во всём институте шухер!

— Так, так. Интересно...

— Проверка какая-то. Половины занятий сегодня не было. Я что хотел спросить — нас не разгонят? А то, говорят, декана нашего уволили... И это в самом начале учебного года! Может, мне и в самом деле куда в другое место перевестись?

— Даже, та-аак! Ну, будут знать, как наших обижать, — усмехнулся я.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Миша.

— Ну сам прикинь, думаешь, случайно все совпало с твоими проблемами и их решением? Тебя с почётом обратно пригласили и тут же декан места лишился. Ты веришь в такие совпадения?

— Это из-за меня? — потрясённо спросил Миша. — Целого декана уволили?

— Как видишь, — улыбнулся я, пропуская его в квартиру. — Напакостил тебе именно ваш декан, похоже, ему теперь и отвечать.

Мишка ничего не сказал. Но на его лице отражались все его размышления по поводу сказанного. Стало ясно, что его самооценка после такого резко повысилась. Ну, главное — чтобы не зазнался! Мне мажоры в ближнем кругу ни к чему. О, работа поможет вернуть его быстро на грешную землю!

— Раз приехал, будешь помогать. А что только спросить ехал, то в учет не будем брать. Зато покормлю!

Вдвоём мы довольно резво соорудили один образец верёвки со свободным концом. Крючки негодились, мы просто вкрутили два длинных самореза в дюбеля на разной высоте и оставили по два сантиметра снаружи, чтобы можно было завязать на них верёвку. Потом обрежу и привяжу на конце

шторное кольцо.

Провисала она не так сильно, как хотелось бы. Галия, с её ростом, сможет использовать, максимум, половину верёвки.

— Фигня какая-то получилась, — разочарованно проговорил я, осматривая своё изобретение.

— Да ладно, пойдёт. А по краям сам будешь вешать, — подсказал Миша. — А если очень надо будет, можно и на табуретку встать.

— Ну, так-то да, — согласился я. — Считаешь, есть смысл ещё две сделать?

— Ну а почему нет? — одобрительно оглядел мою верёвочную конструкцию друг.

— Ну, давай. У меня есть ещё немного времени. Сделаем сколько успеем. Мне, главное, под дюбеля отверстий насверлить, а остальное можно хоть по ночам доделывать.

А вообще, надо посидеть, повспоминать, как были устроены складные сушилки. Я же видел их тысячу раз разные. Да у меня у самого такая была в доме. Карнабеда мне по схеме хоть чёрта лысого согнёт. Ничего в такой штуке сложного нет...

Потом мы вместе с Мишей пошли к метро. Я поехал в Пролетарский райком к Сатчану, а Миша к себе в общагу.

— Ты теперь будешь сам приезжать на совещания и довольно часто, — наставлял меня Сатчан, — так что запоминай дорогу. И запоминай, что говорить на проходной.

— А что говорить на проходной?

— Я в сауну, — посмотрел он на меня серьёзно.

— Ты шутишь?

— Нет. Так и говоришь.

— Ну, давай я попробую пройти на территорию через проходную, — предложил я. Выгляжу я молодо, нужно убедиться, что такой пароль сработает. На проходной-то, небось, привыкли пропускать людей от тридцати лет и выше. А корочками Верховного Совета мне тут точно светить не стоит.

Он высадил меня перед проходной, а сам поехал к воротам.

Пароль сработал — меня пропустили, смерив удивлённым взглядом. Но главный результат: я на территории.

Сатчан тоже уже заехал на своих Жигулях и побибикал мне, мол, давай садись.

В этот раз я уже старательно запоминал дорогу к оздоровительному центру этого предприятия.

Увидев его, я всё вспомнил, и лягушатник, который они называли бассейном, и коричневые квадратики плитки вокруг него.

Народ уже собирался, но, как выяснилось, не все еще прибыли. Мы расселись в простынях вокруг стола и с интересом разглядывали друг друга, знакомясь. Захарова я уже знал. Посмотрел на еще четырех человек из его группировки.

От нас задерживался Ригалёв.

— Кстати, я вчера замолвил словечко за вашего студента, — нарушил молчание за столом Войнов, глядя на нас с Сатчаном.

— А-аа, — дошло до меня, откуда такой переполох сегодня в МИИТе, — слышал, слышал, как вы «замолвили словечко». То-то там головы полетели! — рассмеялся я.

— Это не я, — улыбнулся Войнов. — Не мой район. Это они уже там сами. Или вообще не они, насколько я понял, там еще до моего звонка все уже назад откатали...

— Главное, что справедливость восторжествовала! — притащил Сатчан банку пива. — Кому налить, товарищи?

Я подставил ему стакан и один из людей Захарова тоже. Остальные, видимо, будут что-то покрепче или вообще не будут.

Появился Ригалёв и совещание началось.

Первым слово взял Захаров. Поздравил нас всех с началом совместной работы и высказал надежду, что сотрудничество наше будет плодотворным, после чего передал слово одному из своих, назвав его Ганиным. Тот самый Ганин — как же, помню, что он проворовался. Оказывается, он у них бухгалтер. Интересно, а у нас кто деньги считал?

Ганин открыл обычную общую тетрадочку и начал доклад: у нас под контролем в общей сложности теперь тридцать четыре больших и малых предприятия. Средний доход по году с них такой-то, горкомовский налог, зарплата силовиков, прочие расходы... остаток, подлежащий распределению, такой-то.

Называемые цифры меня не шокировали. Меня шокировала его тетрадь. Это каким надо быть непуганым идиотом, чтобы вот так вести всю черную бухгалтерию?! Хотя...

— Прошу прощения, Макар Иванович, — обратился я к нему. — Надеюсь, вы используете какой-то шифр для ведения ваших записей? В целях безопасности?

Глава 8

Москва. Сауна в спортивно-оздоровительном комплексе одного из промышленных предприятий Пролетарского района.

— Какой ещё шифр? — не понял меня Ганин.

— Ну, какой? Секретный, — с сарказмом посмотрел на него Захаров.

— Сокращения использую, — недовольно закрыл свою тетрадку Ганин.

— Это не то, — серьёзно глядя на него, сказал я. — Этого мало. Сокращения, небось, по первым буквам? Так это на раз-два всё вычисляется.

— Что ты от меня хочешь? — возмущённо спросил Ганин.

— Себя обезопасить хочу, — настаивал я. — Только и всего. Вот украдут у вас портфель с этой тетрадкой. Дальше что?

— Типун тебе на язык!

— Подожди, Макар Иванович. Не шуми, — остановил его обеспокоенный Захаров. — Товарищ дело говорит. Вот выкрали у тебя эту тетрадку. Дальше что?

— Да у кого рука поднимется на начальника финансово-хозяйственного отдела Московского горкома партии? — недоумённо оглядел присутствующих Ганин.

— А если поднимется? — выразительно глянул на Бортко один из Захаровских людей. Проняло их, зашевелились...

— Надо пересмотреть всю систему безопасности, — предложил я. — Наша команда выходит на новый уровень и система безопасности должна быть соответствующая. Чтобы комар носу не подточил.

— Согласен, — поддержал меня Бортко.

— Кто же против такого возражать будет? — пожал плечами Захаров.

— Так никто ж не против, — заёрзал на месте Ганин, почуяв общий настрой. — Давайте, пересмотрим... Как скажете.

— Надо подумать над этим, — взглянул на Бортко Захаров и тот кивнул. — И над шифром тоже, — посмотрел он на Ганина. — Хорошо. Теперь самое интересное, — достал он конверты и начал передавать их нам.

— Здесь процент, что у каждого из вас будет от общего дохода, — сказал он, видимо, на случай, если кто совсем тупой.

* * *

Москва. Сауна в спортивно-оздоровительном комплексе одного из промышленных предприятий Пролетарского района.

Бортко вскрыл свой конверт и, увидев там семь процентов, как и договаривались с Захаровым, удовлетворенно спрятал записку обратно в конверт и оглядел присутствующих.

Ганин, увидев у себя в конверте полпроцента, довольно заулыбался и мельком взглянул благодарно на Бортко.

— Вот же дурак, — подумал он. — А если Захаров тоже этот взгляд заметил? И воровал у своих, да и вообще, похоже, небольшого ума у нас бухгалтер!

* * *

В моем конверте оказалась записка: «Ивлев — 1,5 %». Ничего себе! — потрясенно выдохнул я, стараясь не привлекать к себе особого внимания.

Прикинул, что полтора процента от ста пятидесяти тысяч, озвученных как предполагаемый месячный доход группировки после объединения — это больше двух тысяч ежемесячно. Я, признаться, не ожидал такой большой доли, но заволновался я совсем по другому поводу. Сто пятьдесят тысяч каждый месяц на всех... Ладно я попадусь со своими двумя тысячами, фигня, отбрешусь. А у кого десять процентов, пятнадцать? Ходят с двадцатью тысячами в кармане каждый месяц? Куда столько? Потратить всё равно столько нельзя, спалишься сразу. Блин! А до того, как сто пятьдесят тысяч раздать, Ганин их в своём портфельчике будет перевозить, что ли? Рядом с тетрадочкой, в которой расписано, откуда конкретно они украдены? Еж-твою-медь!!!

— У меня вопрос. Разрешите? — поднял я руку и посмотрел на Захарова.

— Что? Мало? — удивлённо уставился он на меня.

* * *

Северная Италия. Город Больцано.

Чем больше Тарек находился в Больцано, тем больше ему

здесь нравилось. Живописнейшие места, горный воздух. Целых три реки. Виноградники по склонам окружающих город горных склонов. Немного шумные, но очень доброжелательные итальянцы.

Получив подтверждение от московского партнера, что приобретение разорившегося производства правильная идея, Тарек начал действовать в этом направлении и попросил Марио организовать ему встречу с владельцами. Но Марио организовал Тареку встречу с местным депутатом, объяснив, что начинать надо с него. Мол, таковы местные особенности ведения бизнеса. Такек отнесся к его словам с уважением — для того Марио и предложили ему коллеги из Ливана, чтобы он помогал понять, как правильно вести бизнес в Италии.

Договорились встретиться в уличном кафе в исторической части города. Тарек и Марио прибыли вовремя, а вот депутат опаздывал.

Наконец, когда они прождали четверть часа, к ним подсел высокий подтянутый щёголь в белом костюме с лучезарной улыбкой на загорелом лице.

— Очень рад, очень рад! — сразу протянул он руку Тареку и представился: — Рикардо. Рикардо Пирас. От имени жителей Больцано заверяю вас, что мы все очень рады, что вы обратили внимание на наш замечательный город. Мы сделаем всё, чтобы вы и ваш бизнес процветали у нас и наш родной город и для вас стал второй родиной.

— Очень приятно это слышать, — ошарашено ответил Тарек, всё ещё не привыкнув к импульсивной манере итальянцев вести разговор. — Я и моя семья тоже очень рассчитываем на это.

— Я пойду, пока, нам выпить закажу, — деликатно самоустранился Марио.

— Вы сделали очень хороший выбор, — сразу перешёл к делу депутат. — Фабрика «РозаРосса» старейшая в нашем городе, и во всей Северной Италии когда-то была на слуху. Я лично знаю семью, которая ею владеет, и договорюсь с ними за процент от суммы сделки.

Тарек чуть не поперхнулся от такой прямолинейности. У них, в Ливане, не принято так откровенно предлагать посреднические услуги незнакомцу. Всё это делается более завуалированно и сумму своей «благодарности» каждый сам

определяет. Но сначала незнакомые люди должны выпить вместе много чаю, пообщаться на самые разные темы, притираясь друг к другу. А вот так с колес дела вести — настоящий шок.

А Рикардо уже довольно потирал руки.

— Я даже навёл уже справки. Владельцы хотят за здание фабрики и территорию вокруг два миллиона долларов. Ну и мне пятьдесят тысяч сверху за помощь в переговорах.

— Это слишком много, — сразу сказал Тарек.

— Что много? — удивился депутат. — За фабрику или мне?

— За фабрику, — ответил Эль Хажж.

Да и тебе, тоже, не за что такие деньги платить, — подумал он. — Наверняка, и с владельцев поимеешь что-то, раз такой наглый. С другой стороны, похоже, что этот депутат очень любит деньги. Значит, нужно предложить ему другой вариант их заработать. К моей выгоде.

— Два миллиона много, — повторил Тарек, задумчиво глядя на Рикардо, который сидел откровенно разочарованный. — Слишком много. Фабрика разорена. Территория большая, согласен, но придется потратить большие деньги, чтобы ее застроить и вовлечь в бизнес уровня двадцатого века. У меня к вам есть другое предложение. Я заплачу вам пятнадцать тысяч за каждые сто тысяч, которые вы собьёте с цены владельцев.

Депутат, хищно прищурившись, что-то прикинул в уме, и улыбнулся.

— Договорились! — радостно согласился он. — А вы умеете вести бизнес! Вижу у вас большое будущее в нашем городе!

И они ударили по рукам.

* * *

Москва. Дом Ивлёвых. Квартира Алдонинных.

Иван уже несколько дней собирался поговорить с Ксюшей, но никак не решался. Они уже договорились идти подавать заявление, а тут ему предложили командировку на три месяца в Болгарию. Резко осложнившиеся отношения СССР с Египтом лишили его возможности работать на раскопках там, так что Болгария была очень неплохим вариантом. Помог бывший научный руководитель по кандидатской. Признаться, он несказанно обрадовался. Он любил раскопки, любил

командировки, тем более, зарубежные. Но была одна проблема: Ксюша. Девушка ждала совместного похода в ЗАГС и её недоумение становилось с каждым днем все очевиднее.

Можно было бы, конечно, подать заявление перед отъездом и расписаться сразу по возвращении. Но поездка будет только через две-три недели. Это значит, свадьба переносится на следующий год. А по-хорошему, лучше сейчас, вообще, с ЗАГСом не связываться, потому что нет никакой гарантии, что ровно через три месяца он вернётся в страну. Экспедиция может и задержаться, если удастся найти что-то перспективное...

Но как сказать об этом Ксюше? А говорить надо, тянуть больше никак нельзя...

— Рыбка моя, — собрался с духом Иван и обнял сзади Ксюшу, занятую готовкой на кухне, — знаю, тебе это не понравится, но мне надо будет уехать на три месяца.

— Когда? — обескуражено повернулась к нему подруга.

— Недели через две-три.

— Так мы тогда даже, получается, расписаться не успеем, — потерянно опустила она на табуретку.

— Не успеем.

— А можно мне с тобой? — с надеждой взглянула она на Ивана.

— Это заграникомандировка, зайчонок, — многозначительно помотал он отрицательно головой. — Да и не такая я шишка, чтобы мне вообще об этом заикаться. Был бы я профессором или главой экспедиции, может, кем-нибудь тебя и устроил бы. А так без вариантов.

— Но можно же отказаться, — с надеждой посмотрела на него Ксюша.

— Не могу, родная. Меня после такого близко к докторантуре не подпустят. До этого ещё, конечно, очень далеко, я слишком молод, но, если в институте решат, что мне не интересны экспедиции, то даже не предложат в нее поступать, когда придет время. Никому не нужен археолог, который не любит ездить на раскопки. А без докторской степени перспективы у меня так себе в будущем. Не смогу стать большим начальником, так точно. А ты же хочешь быть женой профессора, доктора наук, проректора или даже ректора научного института? С полставкой в МГУ? Или даже

заведующего кафедрой?

— Но у тебя семейные обстоятельства, — настаивала Ксюша. — Уважительные. Тебе жениться надо...

— Не могу, Ксюш, прости. У нас в институте все поглощены наукой и, вообще, практически каждый мечтает о зарубежных командировках. Нельзя выбиваться из рядов коллег. То, что мне ее предложили, это знак доверия ко мне, как к специалисту. Предлагают далеко не всем. Если откажусь, это крест на карьере. Понимаешь?

— Понимаю, — расстроено кивнула она, чуть не плача.

* * *

Северная Италия. Город Больцано.

Только Тарек ударил по рукам с Рикардо, как тут же и Марио снова подсел к ним. А через минуту появился и официант с бокалами и бутылкой вина.

— Обязательно попробуйте! Это наше местное вино, — на радостях начал сам разливать вино по бокалам Рикардо, эмоционально жестикулируя при этом. — Возможно, о нас ещё не слышали по всему миру, но в Италии наши винокурни очень славятся.

Перед ними поставили тарелку с фруктами и кусочками сыра. Они посидели минут двадцать, поцедили вино, которое показалось Тареку очень недурственным. Затем Рикардо, раскланявшись, покинул их.

— Марио, вы же наверняка знаете владельцев «РозаРосса», — уверенно произнёс Тарек. — Думаю, даже встречались с ними, когда искали варианты для меня.

— Так и есть, — кивнул Марио.

— А почему мне было не встретиться с ними напрямую?

— У нас так дела не делаются, — ответил Марио. — Любой крупный бизнес не обходится без внимания мафии, нужен посредник от неё. Придешь сам, с уважением — это одни условия. А если им придется к тебе идти — условия будут совсем другие...

Вот тебе и Италия, — поражённо подумал Тарек. — Только с местной мафией, на старости лет, и не хватало дела иметь. Конечно, и в Ливане своя мафия имелась, но точно не такая наглая...

— И что? — спросил он. — Ваша мафия ограничится этой разовой суммой? Не станут ли они ходить ко мне каждый месяц, как за зарплатой?

— Конечно, станут, — кивнул Марио. — Десять процентов за защиту. Чтоб чего плохого с предприятием не случилось... Все платят.

* * *

— Я не о своей доле сейчас! — поспешно сказал я. — Я про нас вообще. Сто пятьдесят тысяч наличными в месяц! Это пятнадцать пачек сторублёвок. Я о чём, товарищи? Наличные — это риск... Это очень большой риск. Представьте, что с вами что-то случилось, пока вы деньги на дачу везёте, чтобы закопать в трёхлитровых банках в огороде, — при этих словах, к моему удивлению, товарищи за столом через одного стали опускать глаза. Да они же, и правда, бабло закапывают на дачах, вот и уткнулись носом в стол. Небось, каждый думал, что это блестящая идея, и только ему в голову пришла. — Послушайте, а если кому-то плохо станет, а если кто-то в аварию попадёт? Милиция, скорая, начнут помощь оказывать, в больницу заберут с вещами, опись сделают: расчёска пластмассовая одна штука, платок носовой одна штука, деньги десять тысяч рублей... И не стоит надеяться, что их по карманам рассуют и сделают вид, что не было. Слишком крупная сумма, испугаются. Подумают, что это шпион американский деньги вез, сразу КГБ подключат... И ничего вы не сделаете, если что-то серьёзное со здоровьем случится, инфаркт или инсульт, чтобы их остановить. В таком состоянии невозможно ситуацию контролировать, ни договориться, ни товарищам сообщить, чтобы позаботились.

А где КГБ, там и КПК. И что дальше? И спрашивается, нафига надо было столько налички? Чтобы в землю закопать? Эти ваши банки в огороде обнаруживаются на раз-два. Сначала с металлоискателем пройдут, чтобы найти по металлическим крышкам. А потом с щупом на тот случай, если догадались пластмассовые крышки на банки надеть...

* * *

Северная Италия. Город Больцано.

Неприятно удивлённый переговорами с депутатом городского совета и откровениями Марио, Тарек с сожалением посмотрел вокруг. А ведь он уже представлял свою спокойную, тихую старость в этом красивом уютном городке. А тут на тебе... Сомнения охватили его.

— Может, лучше еще севернее перебраться? — задумчиво посмотрел Тарек на Марио. — Австрия, Швейцария, например?

— Не советую, — ответил тот. — Рабочая сила намного дороже обойдется. Налоги намного выше и, что принципиально важно, их надо платить в полном объеме.

— А здесь? — удивился Тарек.

— Как договоритесь. Тут обо всём можно договориться. И с депутатом вы уже знакомы.

* * *

— Про банки с деньгами мы уже поняли, — заинтересованно усмехнувшись, сказал Захаров. — А что ты предлагаешь взамен?

— Что я предлагаю... Что я предлагаю, — задумался я. — Музей бы какой-нибудь под себя подмять где-нибудь в глуши. Покупать для себя, и хранить там в запасниках, как будто экспонаты, свои собственные произведения искусства, монеты редкие, можно из драгметаллов. Правда, придётся на содержание там всех взять от участкового до секретаря райкома...

— А если этот музей ограбят? — спросил Ганин, вспомнив мои страшилки.

— А мы приличную охрану организуем, — размышлял я. — В сторожах будут не бабушки-дедушки, а силовики отставные.

— А Минкульт не обалдеет, обнаружив в захудалом музее какого-нибудь Айвазовского или Репина? — спросил Бортко.

— Что касается Минкульта, то это отнюдь не самое влиятельное министерство. Уверен, что товарищ Захаров может сделать так, чтобы приезжали раз в год одни и те же люди по списку, и интересовало их только, чем их кормить будут, да как развлекать, и с какими подарками обратно отвезут. Ну разве это сложно?

Захаров кивнул и усмехнулся. Остальные тоже ухмылялись.

В зале не было людей, не знающих, как правильно принимать такие вот комиссии... А я продолжил:

— Не хотите хранить свои активы в официальных запасниках, ну так никто не мешает сделать тайные запасники, о которых знаем только мы. Представьте себе большой старинный замок или дворец, с подвалами... Что нам стоит сделать внутри своё хранилище, скрытое от чужих глаз? Все же просто. Взять на баланс какой-нибудь заброшенный дворец. Отреставрировать. Ещё и фонды под реставрацию выбить. Сделать музейную зону, наполнить её соответствующими эпохе художественными произведениями, антиквариатом. И сделать зону отдыха с номерами, их можно и как гостиницу использовать. Там же столовую-ресторан в старинном стиле, со старинной живой музыкой. Кабанов на вертелах жарить...

Там же можно будет фестивали устраивать с ряжеными средневековыми рыцарями и дамами, бои на мечах. Можно, даже, восстановить изготовление настоящих доспехов, кузницу поставить, чтобы у всех на глазах изделия ремесленные рождались, продавать их потом, как сувениры. Ох, иностранцев оттуда за уши не оттащить будет...

— Да не только иностранцев. И да ну их вообще иностранцев, где они появятся, там и КГБ за ними придет, — почесал затылок Сатчан. — В таком месте и самим неплохо отдыхалось бы.

— Кстати, да, — согласился я. — И то, что музейная часть охраняться будет тщательно — это никого не удивит. Но можно и здесь проявить воображение. Охрану можно будет в средневековые камзолы вырядить, кольчуги, псов им больших чёрных страшных выдать. Все будут думать, что это артисты ряженные, а на самом деле это будут профессиональные силовики в отставке. И любой, кто посягнет на экспонаты, очень быстро об этом пожалеет. Ну и дополнительные меры безопасности не помешают. Можно в рамках реконструкции ров вырыть пять метров в глубину и в ширину, заполненный водой, подъёмный мост организовать действующий, стены полтора метра толщиной, решётки в руку толщиной. Да там осаду можно будет выдержать при необходимости. Во дворце будет только музей. А гостиница, ресторан и всё остальное вокруг. На ночь музей закрыли. Мост подняли, и никто туда не попадет до утра.

В музей будут билеты продаваться, но тут мухлёж не нужен. Это будет ловля блох. У нас под контролем и так будет гостиница, ресторан, можно ещё какие-нибудь охотничьи уголья там приплести... И главное, у нас под контролем будут запасники музея... Как пополнять наши собственные запасы? Надо будет искусствоведа нашего же музея для этого использовать. Будет шариться по коллекционерам, скупать ценные предметы. А если что — для музея человек старается, работа у него такая. Бумаги все необходимые выдать, что имеет право искать предметы для пополнения музейной коллекции... — придумывал я на ходу. — В том же Минкульте концы найти и организовать ему такие бумаги...

— А кто его будет контролировать? — с сомнением спросил Захаров.

— Начальник нашей службы безопасности, — ответил я. — Мы же не отпустим искусствоведа одного с чемоданом денег за Айвазовским. Поедет с двумя машинами прикрытия, всё взрослому.

* * *

Москва. Сауна в спортивно-оздоровительном комплексе одного из промышленных предприятий Пролетарского района.

Захаров поражался неумной фантазии и деловой сметке этого студента. Где он начитался такого? — думал он. — И откуда он знает про трехлитровые банки с деньгами в огороде? Даже я не знал, что наши дураки деньги закапывают. Но как они смутились! Сразу ясно, что студент в точку попал. Он и сам это понял. Но как? В таком возрасте!..

И теперь понятно, кто за напором Бортко стоял. Он это всё не сам придумал. То-то он так за студента своего упирался, когда доли делили! А я ему полтора процента дал... Надо поднять.

Идея своей собственной крепости в СССР, замаскированной под видом государственного музея, где преданные профессионалы будут защищать его накопления, глубоко запала в душу второго секретаря Московского комитета КПСС... Вот это размах... Это не у тещи в гараже в ремонтной яме сейф держать и переживать, не прознал ли кто о нем и не вскрывает ли прямо сейчас в безлюдном ночью кооперативе. Это —

солидно...

* * *

— Давайте-ка, сделаем перерыв, — предложил Захаров. — Голова уже пухнет от информации. Надо всё по полочкам разложить.

Мужики охотно поддержали и разбрелись кто куда. У меня же во рту пересохло от выступления. Усмехнулся про себя, что целую лекцию прочел, и взялся за пиво. Понравилась мне собственная идея, авось ее одобрят. Параллельно с защитой активов и усилением безопасности выстроим целый музейно-развлекательный комплекс со спектром услуг, которых так не хватает в СССР. Мне вообще нравится созидать, а таким проектом и на смертном одре можно будет гордиться. Все лучше, чем деньги будут ветшать в трехлитровых банках...

— Я тебе полтора процента положил, — подсел ко мне Захаров, когда мы остались одни за столом. — Я передумал. Хочу поднять.

— Зачем? — чуть не поперхнулся я пивом. — Чтобы на меня соратники по нашей группировке косо смотрели, что у них процент урезали, чтобы мне добавить?

— Посмотрят, посмотрят, и перестанут, — сказал Захаров, — тоже поймут, кто еще вдруг не понял, что у тебя очень интересные и нужные нам идеи...

— Все же не стоит, — покачал головой я. — Не надо мне сейчас процент поднимать. Лучше, мне повышенную долю от музейного проекта выделите, если дадите добро на него. Пока говорил, сам заинтересовался. Классный же комплекс можно организовать! У меня идеи полезли...

— Я заметил, — перебил меня Захаров, с интересом рассматривая меня.

Глава 9

Москва. Сауна в спортивно-оздоровительном комплексе одного из промышленных предприятий Пролетарского района.

Стали возвращаться за стол соратники. Совещание продолжилось.

Ригалёв, насупившись, заканчивал какой-то разговор с Войновым и человеком Захарова:

— Что толку от охранников, если они не вооружены?

— Это уже техническая сторона вопроса, — ответил ему человек Захарова. — Охотничьи билеты им всем сделаем. Или будем в милицию обращаться при перевозке ценностей, чтобы нам сопровождение обеспечили. Машины с мигалками, вообще, никто не остановит и не спросит, что везёте.

Похоже, зашла моя идея сораникам.

— Сопровождение с милицией — это очень серьезно, — улыбнулся я. — Но это же только для перемещения ценностей. Постоянную охрану замка тоже неплохо было бы вооружить. Если, пока, нет соответствующих обоснований для разрешения на оружие, то надо попробовать прояснить этот вопрос наверху, — взглянул я на Захарова. — Инкассаторы же у нас с оружием? Вот и охрану музейных ценностей логично было бы доверить людям с оружием.

— Музеи должны быть под сигнализацией и охраняться органами охраны правопорядка, — задумчиво произнёс один из людей Захарова. — Свою армию иметь нам никто не даст.

— Ну, голь на выдумки хитра, — возразил я ему. — Значит, как уже было предложено, откроем у себя филиал Общества охотников и рыболовов. Но без профессиональной службы безопасности нам не обойтись. Музейный персонал проверять надо? Да. Сделки по приобретению ценностей сопровождать надо. Охранять эти ценности надо. И тут ещё есть один момент, который я хотел бы предложить, — обвёл я глазами собравшихся. — Периодически наша служба безопасности должна будет устраивать скрытую слежку за всеми нами.

Ожидаемо услышал недоумённый ропот, типа, ещё чего не хватало и хочешь всех нас за горло держать?

— В их задачу будет входить обнаружение чужой слежки за нами, — пояснил я. — Будь то внимание ОБХСС, КГБ или рядовых преступников. Бандиты они же тоже не дураки, они на

раз вычисляют тех, кто не по средствам живёт и жаловаться на ограбление никуда не пойдёт. А работать они могут очень жёстко, уговаривать поделиться никто не будет... Хорошо бы также тревожные кнопки дома всем иметь... А то пока помощь вызовешь, если, конечно, жив останешься, они уже в Сочи прилетят и ищи ветра в поле. Вовремя заметить бандитский хвост — это, зачастую, вопрос жизни и смерти.

И что касается органов, тоже. Если узнать заранее, что разработка ведётся, можно успеть принять меры. А насчёт держать за горло... Наличие у кого-то любовницы или второй семьи, по сравнению с информацией из тетрадки нашего бухгалтера, это, вообще, ни о чём.

Вот после такого обоснования недовольство тут же сменилось интересом. Хотя и не у всех.

— Это сколько же денег надо будет в это каждый месяц вбухивать? — с досадой спросил Ганин.

— Это безопасность, — отрезал Захаров, до этого задумчиво молчавший. — Денег на защиту жалко ровно до тех пор, пока первый раз по башке не получишь. Или с работы не вылетишь из-за расследования, хотя совсем этого не жаждал. Я уж не говорю про более печальные варианты...

Мужики зашевелились, обсуждая этот момент, все разом, но Захаров остановил их:

— Надо всё обдумать и просчитать. Но, я считаю, что на безопасности экономить нельзя. Вообще, это очень серьёзный вопрос. Давайте, каждый обдумает все за и против, и продолжим обсуждение на следующем совещании.

— У меня вопрос, — поднял руку один из людей Захарова. — Чтобы официальный музей открыть, экспонаты нужны. Где мы их возьмём?

— Это элементарно, — взял слово Бортко. — Бабушка-старушка музею завещала.

— У меня мысль появилась, — тоже поднял руку я. — А возможно такой развлекательно-образовательно-музейный комплекс на базе какого-нибудь большого предприятия организовать? Из тех, что у нас под контролем, конечно. Там и с наполнением экспозиции проблем не будет, скажем, трудящиеся жертвуют в пользу своего музея, у кого что нашлось. И проверок всяких будет по минимуму от того же Минкульта.

— Это какое же предприятие такой комплекс потянет? — спросил Захаров.

— Часовой завод «Полет» подойдёт? — тут же предложил Сатчан.

Посидели, подумали. Бортко с Захаровым переглянулись, и оба кивнули.

— Хорошая идея. Для такого начинания и название звучит тоже неплохо. Да и нас там все работает, как часы, под полным контролем... — сказал, ухмыльнувшись, Захаров.

— А можно к этой инициативе «Полета» подключить Минкульт? — спросил Бортко. — Чтобы этот музей-замок был на балансе часового завода, а фонды на реставрацию дал Минкульт?

— Скорее удастся договориться, чтобы часть доходов «Полета» оставили ему на реставрацию, — задумчиво проговорил Захаров.

— Это было бы идеально, — одобрил я. — Тогда никто, кроме «Полета», не будет претендовать на этот комплекс.

А в девяностых надо будет кровь из носу поучаствовать в его приватизации. Вместе со всеми соратниками и при поддержке моих фондов с ливанцами мы точно потянем...

— Так, товарищи, пора закругляться, — взглянул на настенные часы Захаров. — Информации к размышлению все получили достаточно. Обдумываем и запоминаем все вопросы, которые возникают. Будем обсуждать на следующем совещании. И надо потихоньку начинать анализ предприятий, — выразительно взглянул Захаров на Бортко. Тот с готовностью кивнул. — Начните, наверное, с автобазы. Самое у нас слабое по доходам звено.

— Хорошо, — ответил Бортко и взглянул на меня, типа, слышал?

— Когда приступать? — уточнил я.

— Вчера, — ответил кто-то.

— Понятно, — вздохнул я. — Мне бы, тогда, адрес, как и с кем там связаться. И сроки какие? Прошу учесть, я же учусь на дневном, посещаемость и всё такое...

— Решим мы вопрос с твоей посещаемостью, — пообещал Захаров. — Завтра же свяжусь с ректором по этому вопросу. Сам смотри, где тебе надо быть, где не обязательно. С учёбой, если проблемы будут, тоже решим.

— Это что, у меня свободное посещение будет? — удивился я.

— Ну, не прямо так. Неофициально, — уточнил Захаров.

— Не наглей, короче, — объяснил Бортко.

— Спасибо, это сейчас очень актуально будет, — обрадовался я.

Мы перебрались в раздевалку и стали неспешно собираться.

— Прудик с карпами там надо будет выкопать, — задумчиво заметил Ригалёв.

— Кто про что, а Ригалёв про рыбалку, — рассмеялся Бортко.

— А я бы на кабанчика ходил, — ответил один из людей Захарова.

— Ну, так там можно рядом и охотхозяйство создать... — ответил другой.

И я понял, что мои идеи пошли в массы. Никто уже не сомневается, нужно ли создавать такой объект, люди уже хотят его создать.

— Запиши мой телефон, — подошёл ко мне Ганин. — Вместе на автобазу в пятницу пойдём.

— Что за автобаза? — как бы между делом спросил я.

— Номер четырнадцать на улице Плеханова, — ответил Ганин.

— И во сколько?

— После обеда где-нибудь. Созвонимся ещё.

— Хорошо.

Мы вышли из оздоровительного комплекса толпой и пошли к машинам. Я пошел за Сатчаном, пусть, хоть, до метро подбросит. Ганин тоже к кому-то из своих присоседился. Пешком никто не пошёл.

— Ну, задал ты сегодня жару, — озадаченно проговорил Сатчан, решив подбросить меня до самого дома. — Жили себе спокойно, не тужили, радовались денежкам и дефициту. А ты — бандиты! На раз вычисляют! У всех семьи, между прочим...

— Так я ж, поэтому, и поднимаю эти вопросы, — удивлённо взглянул я на него. — Что тоже за семью боюсь.

— Да, понятно, понятно, — примирительно ответил он. — Но так, пока об этом не думал, всё хорошо было. А теперь бояться буду.

— Не бояться, а опасаться, — поправил я, — это разные

вещи. Превентивные меры большинство подобных рисков снимают.

— Да, я согласен, — тяжело вздохнул Сатчан. — Только сейчас начинают доходить твои слова, что деньги мало получить, их ещё надо суметь в руках удержать.

— Да уж...

Добравшись до дома, сразу позвонил, извинившись за поздний звонок, Ионову и попросил организовать мне в пятницу ещё одну лекцию на четырнадцатой автобазе на Плеханова. Он удивился очень, но записал и обещал сделать всё возможное.

— Но в четверг лекция в железнодорожном депо остаётся? — обеспокоенно спросил он.

— Да-да, конечно. Всё в силе, — поспешил успокоить его я.

— А, ну, отлично. Сделаю тебе на автобазе лекцию в пятницу, — обрадовано ответил Константин Сергеевич, даже не поинтересовавшись, зачем мне это надо. Попрощались с ним, и я прошёл на кухню, включил газ под чайником и устало сел на табуретку.

Группировка разрастается. Служба безопасности, это, конечно хорошо, но и сам, как говорится, на Аллаха надейся, а верблюда привязывай. Конверт с процентами и моей фамилией я вынес, надо его, кстати, уничтожить. Шредер сейчас днём с огнём не достанешь, надо, хотя бы, приучить всех коллег по команде не произносить криминальную информацию вслух, а записывать на маленьких клочках и тут же их уничтожать в пепельнице.

Как бы мне ещё в тетрадочку Ганина заглянуть? Уж очень меня беспокоит её содержимое. Это бомба замедленного действия с неисправным таймером, рванёт в любое время.

Чем я могу себя ещё обезопасить? Легенду своего присутствия на автобазе я уже лекцией обеспечил. Надо ещё там в ремзоне договориться, чтобы мне машину пару раз посмотрели, типа, показалось, что что-то где-то стучит. Уже будет, чем отмазаться в случае, если спросят, что я там делал.

Вот Ганин прифигеет, когда я ему скажу, что надо прерваться, у меня лекция сейчас тут.

В среду мне передали с кафедры физвоспитания, что меня уже жаждали на тренировках по волейболу. Сразу побежал в спортзал уточнить расписание тренировок. Всё осталось по-

прежнему, мужские группы по будням, кроме среды, в пять и семь часов вечера, в субботу в одиннадцать утра.

Завтра лекция, может, попробовать к семи часам на тренировку успеть? В пятницу лекция на автобазе и начало работы как аналитика, даже пытаться не буду на тренировку успеть. В субботу лечу за женой. Да, завтра единственный день на этой неделе, когда я могу попытаться попасть на тренировку. И придется идти обязательно, иначе тренер вообще не поймет...

Пока я бегал по этажам, выяснял, что делать с волейболом, наши парни устроили шоу в группе, демонстрируя всем желающим свои новенькие кремлёвские удостоверения. Вчера получили и с сегодняшнего дня приступают к выполнению своих обязанностей. Составили вчера график, будут работать через день по четыре часа после занятий.

Смотрел на них и поражался их простоте и непосредственности. Я долго шифровался, никому не говорил, боялся зависти и лишних разговоров. Тут же душа на распашку!

* * *

Москва. Кабинет второго секретаря Московского городского комитета КПСС.

Захаров, как и обещал Ивлеву, позвонил на следующий день ректору МГУ. Знакомы лично они были шапочно, но должность второго секретаря Московского горкома КПСС открывала любые двери и располагала к нему людей.

— Василий Эрастович, — начал Захаров, когда секретарь дозвонилась и их соединила, — должен вам сказать, в МГУ великолепная подготовка кадров.

— Весь наш научно-педагогический коллектив делает всё возможное для этого, — ответил ректор, тихо радуясь похвале из уст второго секретаря горкома партии.

— У вас студент есть толковый на втором курсе экономического факультета, Павел Ивлев. Было бы очень хорошо, если бы ему организовали свободное посещение. Есть мнение, что его таланты пригодятся для работы в реальном секторе столицы. И, кстати, он хорошо себя уже проявил, работая в Кремле на полставки. Зачем ему напрасно штаны просиживать на студенческой скамье?

— Виктор Павлович, я ничего не имею против. И благодарю вас за такой лестный отзыв о нашей работе.

* * *

Москва. Ректорат МГУ.

Зимин, стоявший во время разговора с Захаровым, опустился в кресло, довольно улыбаясь. Звонок от второго секретаря с просьбой — это хорошо. Это очень хорошо! Это теперь можно к нему обращаться за поддержкой и по текущему ремонту корпусов и по строительству нового общежития. И за какой-то пустяк — студента на свободное посещение перевести. Да за такую возможность ректор был готов ему прямо сейчас и диплом выдать, если бы такое практиковалось...

Подумав, ректор выписал имя и фамилию студента на бумажку, вкратце изложив ситуацию так, чтобы, если она попадет не в те руки, придаться к нему не было возможности:

— По мнению товарища Захарова толковый специалист уже на втором курсе, работает на полставки в Кремле.

Отнес ее и положил в пухлую папку в сейф. Память человеческая несовершенна, поэтому он постоянно делал такие заметки и раз в полгода их перечитывал. Сразу, заодно, всплывали мысли, как использовать знакомство с тем или иным человеком для нужд МГУ. Хозяйство огромного университета было также огромным, и возни с ним было очень много. Ректор давно уже забыл про науку, чувствуя себя директором предприятия. Постоянно нужно что-то выбить для того, чтобы все это хозяйство функционировало безукоризненно. Лично с Ивлевым он знаком не был, но к нему и через десять лет можно обратиться по праву ректора университета, в котором тот учился. Ректор так постоянно делал, и срабатывало «на ура».

Интересно, чей родственник или свойственник этот паренек? Впрочем, настойчиво собирать эту информацию ректор не планировал. Иногда меньше знаешь — крепче спишь. Достаточно того, что кто-то серьезный за парнем стоит точно...

Вернувшись в кресло, он снова обрадовался тому, что второй секретарь теперь будет у него в должниках. После чего потянулся к телефону, чтобы дать поручение секретарю дозвониться до декана.

Москва. МГУ. Деканат экономического факультета.

Декан Андреев поднял трубку настырно звящего телефона. Перерыв между двумя его сегодняшними лекциями всего ничего, и, всё равно, кто-то не может дожидаться.

— Виктор Афанасьевич, готовы разговаривать с ректором? — услышал Андреев в трубке голос личного секретаря ректора МГУ.

— Да, конечно, — немедленно согласился декан, чувствуя, как сердце начинает колотиться. Обычно личный звонок от ректора не к добру. Либо поругают за какую-то ошибку, либо каким-то срочным и непростым поручением озадачат. Что ректор звонит его похвалить за что-то, в голову даже прийти не могло — человек тот слишком занятой, чтобы такой ерундой заниматься.

— Переключаю.

Через десять секунд декан услышал знакомый голос:

— Виктор Афанасьевич, добрый день. Как ваши дела?

— Добрый день, Василий Эрастович! Все хорошо, спасибо! — напрягся еще сильнее декан, хотя и так был взвинчен.

— У вас на втором курсе должен быть такой студент — Ивлев Павел, все верно?

— Да, а что он натворил?

— Почему сразу натворил? Нужно верить в нашу молодежь! Звонили из горкома, просили организовать ему свободное посещение. Он им для работы какой-то важной нужен в реальном секторе. Молодец, Виктор Афанасьевич, хорошо работаешь! Считай, дополнительная премия уже у тебя в кармане. И про заявку на ремонт помещений деканата помню, выделим средства вне очереди.

— Клара Львовна, — выглянул непроизвольно улыбающийся декан в приёмную, положив трубку после разговора с ректором. — Найдите мне, пожалуйста, Гаврилину.

Секретарь кивнула, озадаченная. Первый раз с начала учебного года видит начальство улыбающимся... Интересно, что такое хорошее у него случилось? Как бы разузнать?

В столовой за обедом увидел Костенко с Региной за одним столом, болтали, перегнувшись друг к другу через стол, как близкие подружки, и смеялись чему-то очень радостно.

— Что-то мне не нравится, как эти две кумушки задружились ни с того, ни с сего, — задумчиво проговорил я.

— Два сапога пара, — ответил Сёма Давыдов, проследив за моим взглядом.

— Я даже догадываюсь, против кого они дружат, — вдруг сказал Мартин.

— Серьёзно? — заинтересовался я.

— А, — махнул рукой немец. — Регинка у нас в группе болтает про тебя ерунду всякую.

— Про меня? А что про меня можно болтать? — удивился я, прикидывая возможные варианты. — Блин, да я чист, как стёклышко!

— Ай, не обращай внимания, — с досадой проговорил Мартин. — Дура, как есть.

— А чего, чего она болтает-то? — спросил Ираклий настороженно.

Мартин долго отнекивался, но Ираклий насел на него и тот, в конце концов, сказал:

— Что болтает? Что болтает? То и болтает, что Паша её зажимал и любовницей стать предлагал.

У меня вырвался громкий нечленораздельный ни то хмык, ни то хрюк.

— Ничего себе, — растерянно посмотрел на меня Витя Макаров. — Это из-за того, что ты её послал?

— Получается, что так... — озадаченно проговорил я.

— Вот, дура-то! — воскликнул Ираклий.

И что мне делать? А вдруг, какие-то сплетни до Галии каким-то образом дойдут? Всегда можно верить, что найдется добрый человек, что найдет своим долгом доложить о сплетне...

Как всё это не вовремя!.. Сразу вспомнилось, какие концерты Римма Сатчану закатывала из-за навета его секретарши. Ну, ладно, там всё обошлось, попсиховала и успокоилась. А у меня жена кормящая. Тут просто так не успокоишься. Тут, сначала, молоко пропадёт.

— Не переживай так, — наклонился ко мне, нахмурившись, Булатов. — Угломим мы её как-нибудь.

— Только без телесных повреждений, — пошутил я, почувствовав острое желание придушить эту ненормальную.

— Мы её легонько образуем, с лестницы столкнём, — кровожадно улыбнулся Ираклий и парни рассмеялись. Все, кроме Мартина. Тот испуганно поднял брови.

Ну он-то не понял, что это шутка. Но мне было совсем не до смеха.

* * *

Москва. МГУ. Деканат экономического факультета.

— Виктор Афанасьевич, вызывали? — скромно заглянула в кабинет начальника Эмма Эдуардовна.

— Проходите, проходите, Эмма Эдуардовна, — радушно встретил её декан. — Ректор очень доволен нашей работой, ему звонили из горкома по поводу Павла Ивлева со второго курса и очень хвалили университет. А также просили обеспечить Ивлеву режим свободного посещения. Вы пройдитесь по преподавателям на курсе, скажите, чтобы не лезли к нему с посещениями. И вообще, нужно обеспечить ему режим наибольшего благоприятствования.

— Хорошо, Виктор Афанасьевич. Кстати говоря, помните, я рассказывала, что Ивлев ещё пятерых наших студентов со второго курса в Кремль предложил на работу?

— Да, конечно, — заинтересованно подтвердил декан.

— Так вот, они все проверки уже прошли, приступают к работе там на четверть ставки.

— Отлично! — довольно потёр руки декан. — С такой активностью наш факультет будет очень заметен в ректорате! Молодец, Эмма Эдуардовна, заслужили премию за своего подопечного! Все же нюх у вас на таланты! Я, признаться, сомневался, когда вы его тянули на конференцию с иностранными участниками, думал, место ли там первокурснику? Вот с такими студентами коммунизм мы точно построим!

* * *

После пар Булатов, Сандалов и Тания поехали в Кремль. Поздравил их с началом работы. А завтра первый рабочий день

будет у Брагина, Макарова и Кузнецова.

Сам поехал в редакцию, затарившись, предварительно в университетском буфете пирожками и сочниками для Веры. Стоят они копейки, а эффект какой! Дорого внимание, а не подарок. Вспомнил её ошарашенное лицо, когда я пирожных ей притащил, похоже, её там не балуют.

Но вначале зашел в кадры. Там мне выдали удостоверение внештатного корреспондента. Внушительное такое... Положил его к своему собранию корочек и пошёл на шестой этаж. Вера просмотрела по диагонали мою статью, одобрительно покивала несколько раз головой в процессе чтения и положила её на свой стол.

— Хороший у тебя слог, простой, доходчивый, — серьёзно сказала она, — ты прямо рожден для журналистики. Главная проблема с начинающими выпускниками даже журфака — тексты пишут такие, словно кирпичи на пол роняют. Пока поймешь смысл первой строки, уже читать дальше не хочется. Если не секрет, то как ты его отточил?

— А я в обществе «Знания» уже года как полтора лекции читаю, — даже и не соврал я, хотя о главной причине такого таланта сказать и не мог, — и без бумажки, чтобы память тренировать и реакцию людей видеть. Если брови подняли и хмурятся, значит, недоступно рассказываю, надо попроще. Так и насобачился...

Журналистка серьёзно кивнула. Для нее такое объяснение было вполне разумным.

Ну а когда я протянул ей свёрток из буфета, расплылась в счастливой улыбке. Так приятно стало, а она и говорит:

— Пообедать некогда было. Ты меня от голодной смерти спас.

Коллеги её посмеялись, назвав меня спасителем, и я ушёл вполне довольный. Ну и приятно было, конечно, что профессионал так высоко мои навыки оценил...

* * *

Москва. Советский комитет по защите мира.

— Ну что, Марк Анатольевич, справишься сам с молодёжью? — выглянул из своего кабинета Валиев, когда новоявленные сотрудники вошли в кабинет. — Помощь нужна?

— Попробуем сами справиться, да, мужчины? — подмигнул им радостный Марк. — Если что, позовём. Так. Куртки, пальто в шкаф, — распорядился он. — Пойдёмте, я покажу вам, где у нас тут все удобства и начнём работу.

Взявшись за письма, парни честно вчитывались в текст каждого из них. Они были разные, одиночные и коллективные, короткие и длинные, официальные и простые, но очень эмоциональные. В некоторых письмах люди писали про свое отношение к каким-то событиям и сравнивали их со своей собственной жизненной ситуацией, объясняя, почему решили написать. Некоторые письма были очень интересные. Парни читали их друг другу вслух.

Была только одна проблема иногда — разобраться с почерком. А так — молодежь реагировала очень позитивно.

Марк поглядывал на новых сотрудников с молчаливым восторгом, боясь вспугнуть. Дело спорилось, работа двигалась, и парни только наращивали темп сортировки писем.

Этак, — думал Марк, — мы скоро перейдём и к написанию ответов!

* * *

Товарищи , спасибо за помощь с вариантами имен близнецов!!! Конкурс закрываем, имена победителей сообщим, когда до этого дойдет дело по сюжету.

Глава 10

Москва. Дом Ивлевых.

Возвращаясь домой, встретил в подъезде Ксюшу. Обычно она весёлая и жизнерадостная, а сегодня удивился её унылому виду. Она стояла у лифта, печально взглянула на меня, кивнув приветственно, и пропустила на лестницу, зная, что я хожу пешком.

Что-то случилось, похоже. Но не лезть же с расспросами. Захочет сама поделится, подойдет поговорить. Правда, скорее всего, не со мной, это было бы странно, но с Галией точно. В воскресенье жена уже будет дома, Ксюша, наверняка, заглянет к нам. Галия будет рада поболтать с подругой. Вот там, авось, что и прояснится...

Собирался быстренько перекусить и бежать на тренировку к Марату. Только расположился на кухне с чашкой чая и бутером в руках, как зазвонил телефон. Вздурораженный отец сообщил, что договорился насчёт стиралки, уже оплатил, надо вывозить, а меня всё дома нет.

— Дома я уже, дома, — поспешно ответил я. — Через сколько ты будешь?

— Ну, сейчас загрузим и поедем. Тут не так, чтобы очень далеко. В течении часа должны быть.

— Отлично. Спасибо. Жду, — положил я трубку и радостно потёр руки.

А жизнь-то налаживается. И чёрт с ним, с самбо, на сегодня, как ни жаль. Стиралка в моих обстоятельствах важнее. Учитывая наличие центрифуги, да еще способной высушивать белье почти насухо. Это по нынешним временам дорогого стоит...

Он приехал минут через сорок. Караулил его в окно. Как только увидел его, выходящим из старенькой буханки, так и побежал на улицу.

Но отец с водилой, всё равно, уже сами выволокли большую коробку, не успел им помочь. Батя сунул чирик водиле, отпустил его и мы с ним вдвоём потащили стиралку в подъезд.

Поблагодарил отца, расплатился с ним и предложил скромно со мной поужинать. Отец с удовольствием присел за стол.

— Ну что, скоро уже жену с детьми привезешь? — спросил

он, улыбаясь.

— В субботу лечу за ними, у нас обратный поезд около семи вечера. В воскресенье будем уже дома.

— Это хорошо, — ответил батя. — Скажи Галие, что я ей академический отпуск оформил на этот год.

— О, это правильно, — забыл я совсем про эти формальности.

— Нужны будут свидетельства о рождении детей или, хотя бы, одного из пацанов.

— Приедем и сразу оформим, — пообещал я.

— Имена уже выбрали?

— Как заберу Галию, будем совещаться. Я её видел, она только родила, не до этого было. Надеюсь, не поссоримся...

— Да с чего бы, — пожал плечами отец, — если совсем настаивать будет на каких-то именах, что тебе не по нраву, предложи ей по-честному — одного парня ты назовешь, другого она.

— Ну да, не придерешься! — согласился я. Хотя сам никаких особых споров не ожидал — договоримся, Галия девушка разумная...

— Гаражи наши строятся... — сказал отец, видимо, не зная, что еще сказать.

— А мне квартиру дали, — кивнув, решил изложить свою версию будущего расширения жилья я.

— Да ну! Какую? Где? — сразу оживился батя.

— Одношку. В соседнем подъезде, — улыбнулся я. — У меня, правда, ещё ничего нет на руках, даже ордера смотрового.

— Что ж только однушку-то? — недоумённо спросил отец. — Вас теперь четверо. Вам две комнаты, минимум, надо. Были бы разного пола близнецы, так и трешку железно.

— Бать, я и этому рад. Сам подумай: студент, только приехал в Москву...

— Согласен, но...

— Тем более я уже договорился и эту квартиру выкупить. Хочу объединить две квартиры в одну, однушка-то прямо за стеной! Знакомый в райкоме обещал помочь с оформлением перепланировки. Будет трешка — а в ней два санузла и две кухни, да два балкона. Кухню планирую в кабинет переоборудовать...

— Как так? Так можно? — ошарашенно спросил отец. — А денег хватит?

— Хватит, хватит. И на ремонт тоже. Тут же придётся коридор за счёт спальни продлять в ту квартиру. Там тоже комната уменьшится за счёт коридора.

— Это какой же длины коридор-то будет? — удивлённо прикинул отец, деловито пройдясь по прихожей и нашей спальне.

— Метров двенадцать, — рассмеялся я. — Как в нормальной общаге.

— Некрасиво будет, такой длинный коридор, — переключился на практические вопросы отец. — Ты стены вокруг дверных проёмов не убирай. Двери, конечно, надо снять, но коридор с этими мембранами интереснее выглядеть будет.

— Точно, — воскликнул я. Арки сделать и картины над ними повесить. — А то я всё не мог понять, что мне с этим коридором делать.

— В углах шкафы поставишь, — советовал отец, — в комнатах места больше будет.

— Да, — задумчиво представил себе я такой вариант. — Что значит, одна голова хорошо, а две лучше.

Мы вернулись на кухню. Батя о чём-то задумался.

— С ремонтом как быть? — взглянул он на меня. — Куда жену с детьми на время ремонта отселишь? Тут пылищи будет, когда проход начнут ломать!..

— Да вот маюсь сам с вариантами. Не могу понять, сразу сказать, или... Вот появилась идея жене сюрприз сделать. Следующим летом отправлю её с детьми куда-нибудь на отдых, а сам ремонт сделаю. Приедет домой — а у нас уже трешка! Здорово же?

— И что, до лета не скажешь ей ничего? — удивился отец.

— А ты как считаешь, надо? — спросил я. Учítывая, сколько жен и просто женщин было у отца, он эксперт в них. Надо прислушиваться.

— Конечно. Ты чего? Одно дело, женщина в чужой квартире с двумя детьми живёт на птичьих правах, представляешь, как ей беспокойно? В любой момент хозяева вернутся и попросят на выход. И совсем другое дело, когда она уже знает, что и сама, и дети крышей над головой обеспечены. Если ты ей сейчас не скажешь, а протянешь до лета, ты у неё почти целый

год спокойной жизни украдёшь.

— Я понял, — согласно кивнул я. Не объяснять же ему, что Галия давно уже в курсе, что это её жилплощадь. — Ну, тогда, скажу сразу, а когда придет время, им сниму что-то временно. Сам-то тут останусь, ремонт же контролировать надо.

— Обязательно! — погрозил мне пальцем отец. — Только оставь этих работников самих по себе, как тут же халтурить начнут. Тяп, ляп, лишь бы побыстрее деньги содрать с тебя.

Мы ещё немного посидели, обсудили детали.

— Хочется, сын, чтоб у тебя всё выгорело, — прощаясь, взял меня за плечи отец, — но что-то я сомневаюсь, что тебе эту квартиру продадут. А сами хозяева куда? Они же не вечно будут в загранкомандировке.

— Так у них деньги появятся от продажи мне пая здесь. Ещё денег добавят, что за рубежом заработают, и где-нибудь в таком же кооперативном доме трёшку купят, — придумал я на ходу.

— Ну, если только так, — с сомнением проговорил отец.

Он ушёл сильно озадаченный. Чует старый волк, что где-то подвох, а где — не поймёт.

Но его слова мне в душу запали. Если я до окончания ремонта буду скрывать от жены, что квартира за стеной тоже наша, то всё это время она не будет этому радоваться, хотя могла бы. Решено: расскажу жене о второй квартире сразу, как только получу на неё документы.

* * *

Москва. Квартира Быстровых.

— Как в университете дела? — спросила за ужином мама Регину, чрезвычайно гордая тем фактом, что дочь учится в МГУ.

— Отлично. У меня знакомые уже есть и со второго курса и, даже, с четвёртого.

— Молодец, — похвалил дочь отец. — Чем больше знакомств, тем лучше. Никогда не знаешь, как жизнь сложится. А когда есть, к кому за помощью обратиться, это дорогого стоит. Дружи, общайся, участвуй в общих сборищах, вечеринках. Общие приключения сближают людей.

— Ага, и я уже подружилась с одной девочкой со второго

курса! — похвасталась Регина.

— Что за девочка? — заинтересовано спросила мать.

— Света Костенко, мы в «Комсомольском прожекторе» познакомились.

— У нас начальник управления капитального строительства тоже Костенко, — усмехнулся отец. — Я в том году с начальником нашего управления в командировку ездил и видел его там. Кстати, вроде, он хвастался, что у него кто-то в МГУ поступил, вот только не помню, сын или дочь... А ты спроси у своей Костенко, у неё отец, случайно, не в министерстве автомобильных дорог работает?

* * *

Средняя школа № 303 города Москвы.

— Ребята, скоро годовщина Великого октября, — встала перед пятым «А» классом классный руководитель, — пятьдесят пять лет. У нас в школе будет большой концерт, посвящённый этой знаменательной дате. Нашему классу поручено подготовить номера в национальных костюмах разных народов нашей многонациональной Родины, а потом будет общий дружный танец всех народов. Нам надо разделиться на пары, чтобы каждая пара выбрала себе национальность, а затем начнем готовить костюмы и репетировать. Может, кто-то хочет сам выбрать себе национальность?

Дети быстро сами разобрали русских, белорусов и украинцев. Остальных педагог назначила сама.

— Я не хочу быть казахом, — протестовал Родион Гончаров. — Я про них ничего не знаю.

— А кем же ты хочешь быть? — удивилась учительница.

— Цыганом! Мы с папой в театр ходили специальный, цыганский. Они, знаете, какие! Ух! — ребёнок уверенно сделал несколько танцевальных движений. Поражённая педагог не нашлась сразу, что ему ответить.

— Евгения Яковлевна, я тоже хочу быть цыганкой, — вдруг попросила Эллочка Тюрникова.

— Хорошо, дети, я узнаю, есть ли у Модеста Викторовича ноты для цыганского танца, — решила переложить на начальство решение этого вопроса педагог.

* * *

Москва. Столовая МГУ.

Света познакомила Регину со своими однокурсницами Галей Романович и Катей Слоновой. На обеде девушки сели за один стол и Регина, окрылённая вниманием новых подруг, рассказывала им, как Ивлев прижимал её к стене и, похоже, очень хотел с ней близких отношений.

Галя с Катей потрясённо слушали Регину, открыв рот. Новость шокировала и, в то же время, будоражила. Ивлев, оказывается, только строит из себя образцового семьянина, а сам не прочь завести интрижку подальше от глаз своих знакомых.

Невероятно возбудившись от этой информации, Слонова и Романович быстренько покушали и, сославшись на дела, куда-то умчались. Света, молча слушавшая Регину и наблюдавшая за реакцией сокурсниц, удовлетворённо подумала, что скоро весь университет будет знать, что Ивлев гуляющий негодяй. Так ему и надо. Прокинул ее с Комитетом по защите мира, одних парней туда отправил. Женщин за людей не считает, похоже. И вообще, больно много о себе воображает. Вот пусть теперь попляшет...

— Свет, — вспомнила о словах отца Регина. — у меня отец работает в дорожном министерстве. Говорит, что у них есть Костенко в другом управлении. Это не твой отец случайно?

— Может, и мой, — удивилась Света. — Он начальник управления по капитальному строительству.

— О! Надо же! — обрадовалась Регина. — Мой отец твоего знает.

* * *

После пар поехал на лекцию в железнодорожное депо. Огромная территория, сортируют вагоны, составляют составы, разгрузка, погрузка. Кто-то всё время ругается на всю округу.

Вспомнил, как мы с Петром мотоцикл ему караулили у грузового состава. Замёрзли, блин, до сих пор как вспомню, так вздрогну. Правда, и результат тогда был отменный. Кроме самого мотоцикла, получил еще и уважение Петра, за то, как все провернул.

Тема лекции касалась спорта: «Достижения или нажива?

Советский спорт достижений и продажный спорт на Западе». Не сам выбирал, конечно, но что сказать — было.

Про это можно рассказывать часами. Главное не увлечься и не рассказать того, что ещё не случилось. В первую очередь, разобрали разницу между любительским и профессиональным спортом. Цели советского спорта и цели спорта на Западе. У нас спортивные достижения, у них прибыль от спортивных мероприятий. У нас сила духа, воля к победе, азарт, всё ради результата, у них контракты с игроками на миллионы долларов и продажа прав на трансляцию матчей.

После лекции вопросов было много. Все ждали ответного визита канадцев в рамках суперсерии и уверены были в нашей победе. Не стал их разочаровывать, только пытался настроить народ на то, что канадцы уже убедились, что в честной борьбе победить нас невозможно, но и допустить нашей победы они не могут, значит, будут активно использовать грязные и запрещённые приёмы. А наши советские спортсмены, воспитанные на идеалах чести, справедливости и взаимопомощи, не опустятся до такого. Ну и сами понимаете, чем это грозит...

Народ возмущенно гудел, и волновался. Люди даже собрались обращение куда-то писать, требуя от канадцев честной игры. С трудом их успокоил, сказав, что все, кто надо, в курсе, но что уж тут поделать, если так ситуация складывается...

Насколько я помню, Харламова канадцы намеренно травмируют и выведут из игры. Ну и как не вспомнить знаменитую фразу Озерова «Такой хоккей нам не нужен!».

В прошлой жизни я был ещё слишком мал, чтобы понимать происходящее, потом уже интересовался. Сейчас, даже, смотреть эти матчи не буду, только расстраиваться. Что Запад никогда не играл с нами честно, даже в спорте, я и так знаю.

К семи едва успел на тренировку. Обстановка была нервная. Тренировка однообразная. Два часа только тренировали подачу и занимались силовыми упражнениями. Король придирался ко всем по мелочам и был, явно, не в духе.

Товарищи по команде спрашивали, где я пропадаю всё? И в мае меня почти не было, и сейчас к концу месяца только подтянулся. Отмазался лекциями от общества «Знание», типа, выступал много, некогда было.

Домой возвращался разочарованный, чем такая тренировка по волейболу, так лучше пострелять съездить в часть. Так-то мне нравится играть в волейбол, но это была не игра... Но за стрельбы зачёт по физкультуре не получить. Придётся ходить. Надо будет на следующем совещании узнать у Захарова, не забыл он позвонить в университет насчёт освобождения меня от ненужной нагрузки?

Только зашёл в дом, в дверь постучались. Это оказалась Ирина Леонидовна.

— Добрый вечер, Паш, ты когда едешь за ними? — спросила она.

— В субботу утром лечу.

— Детское всё готово?

— Да, отвёз уже в Палангу.

— А для Галии вещи собрал?

— Нет ещё.

— Давай-ка я сама соберу, — предложила она.

— Спасибо! — пригласил я её в спальню.

— В каких ящиках у неё своё бельё?

— Ну, тут где-то, — неопределённо показал я.

— Ладно, я разберусь, — улыбнулась она и приступила к поискам.

Отложила несколько трусиков, лифчиков, колготки тёплые, комбинашку, ещё что-то... И правильно, пусть женщина женщину собирает... Я бы комбинашку не взял.

— Кстати, Ирина Леонидовна, а что Ксюша ходит как в воду опущенная? — припомнил я.

— Ой, Паша. Они с Ваней хотели идти заявление подавать в ЗАГС...

— О! Правда? — обрадовался я.

— Да подожди ты радоваться. А тут ему загранкомандировку предложили на три месяца в Болгарию. Поход в ЗАГС откладывается.

— Ну, три месяца не два года, — что так убиваться-то?

— Понимаешь, Паш, по-моему, Ксюша сделала вывод, что Ване карьера дороже семьи.

— Станный подход, — заметил я. — Карьера мужа — это карьера жены. Он поп, она попадья, он генерал, она генеральша.

— Как ты интересно выразился, — замерла она с вещами в

руках, удивлённо глядя на меня. — Я ей так и скажу.

Она сходила к себе, что-то принесла и положила к вещам, что собрала для Галии.

— Платье можно надеть, в котором она беременная ходила, — инструктировала она меня. — Свитерок, только, поддеть или кофту сверху. Сапожки обязательно возьми и тапки в поезд. Говорят, холода надвигаются. Надо пальто какое-то взять. Только имей в виду, она могла после родов поправиться...

— Я ей шубу на вырост брал, её и возьму.

— Правильно, — кивнула она головой. — Я там ещё салфеток мягких положила. Они нужны, не забудь их.

— Хорошо, спасибо вам большое.

Она улыбнулась в ответ, и я её проводил.

Остаток вечера расписывал новинки для Межуева.

* * *

Москва. Квартира Костенко.

— Слушай, пап, — подошла Света к отцу. — Я с девчонкой одной дружу, она говорит, что её отец тебя знает.

— Да? Как фамилия?

— Регина... Быстрова.

— Отец, значит, Быстров... Быстров... Нет. Не помню такого. Он в моём управлении работает?

— Кажется, нет, — пожала она плечами.

— Если из другого управления, то я там многих по фамилиям и не знаю. Начальников только и замов. Остальных знать ни к чему...

Ну, значит, он не начальник и не зам, — сделала вывод Света, и слегка разочаровалась в новом знакомстве. Получается, Регина совсем не из ее круга... Жаль, так-то она забавная.

* * *

В пятницу в университете день начался с разброда и шатания. Ираклий сцепился с нашими девчонками из-за меня. Сказки Регины про мою сексуальную озабоченность уже и до нашей группы дошли.

Что же делать с этой дурой Региной? Поговорить с ней ещё

раз? Тогда, это надо делать при свидетелях, а то она меня ещё и в изнасиловании обвинит, ну, или, во всяком случае, в попытке изнасилования. Вот же неугомонная. Чего она добивается? За мой счёт очков набрать? Что я на неё, единственную, внимание обратил? Или что она такому заметному парню отказала? Блин, надо что-то делать, а то эта сплетня уже подробностями обрастать начинает.

Потом Ираклия вызвали к Самедову. Вернувшись, он объявил, что сегодня после пар никто по домам не расходится, все идём на комсомольское собрание факультета. Подошёл к нему, намереваясь отпроситься.

— Ты тоже идёшь, Паш. Ты докладчик.

— Не понял.

— По твоей статье в «Труде» комсомольское собрание будет.

— А что так? — удивился я от всей души.

— Ты не говорил, что для газеты статьи пишешь, — с упрёком сказал Ираклий и вокруг начали собираться однокурсники. — Да еще для такой, на всю страну...

— Так, друзья... — огляделся я по сторонам. — Это всего лишь вторая статья, я начинающий автор. Тут абсолютно нечем пока хвастаться. Да и к чему вообще хвастаться?

— Ну, Луппиан по-другому решила, — ответил ему Ираклий.

— А это кто? — забеспокоился я.

— Жанна Луппиан, комсорг факультета. Только диплом защитила этим летом. До этого комсоргом группы на пятом курсе была. Мы её Жанна Д'арк зовём. Вот уж точно про кого написано, что коня на скаку остановит.

— Так а какая статья эту вашу Жанну заинтересовала — про автобаны или про апартеид?

— Про апартеид, конечно.

— Ну, мало ли... — пожал плечами я.

Глава 11

Москва. МГУ.

Во время следующего перерыва позвонил Ганину и объяснил, что у нас неожиданно объявили комсомольское собрание и я задержусь.

— Ну, что они там без тебя его не проведут, что ли? — возмутился он.

— Не проведут, Макар Иванович. Я докладчик.

— Как это? — возмутился Ганин. — И что ты будешь докладывать без подготовки?

— Да это по моей статье в газете, — небрежно пояснил я. — Найду, что сказать.

— По какой статье? — удивился он.

— В «Труде», я там внештатный корреспондент.

— Ну, ничего себе... Ну, ты даёшь! Стране угля...

Договорились, что я приеду, как смогу и позвоню ему с проходной по местному телефону.

* * *

МГУ.

До Маши Шадринной дошли слухи, что на экономическом факультете женатый второкурсник не даёт прохода первокурснице. У самого жена двойню только родила, ей сейчас не до мужа, а ему внимания женского не хватает.

Она сразу догадалась, что речь идёт о Павле Ивлее. У кого ещё на втором курсе экономического факультета двойня только что родилась? Маша побежала к Вите Макарову и тот подтвердил, что они уже знают о том, что Регина Быстрова распространяет об Ивлее такие сплетни.

Возмутившись до крайности и чувствуя личную ответственность за поведение члена вверенного ей коллектива, Маша тут же поспешила к аудитории, где должна была быть по расписанию группа Быстровой и Нойлера.

Маша вызвала Регину в коридор. Мартин догадался, о чем может пойти речь, подумал, что его это тоже касается и вышел следом.

— Регина! Что ты творишь?! — накинулась на неё Маша. —

Ивлев тебя в Комсомольский прожектор устроил, и это твоя благодарность?

— Ничего я не творю, — дерзко вскинула голову Регина.

— Неправда, — подключился к их разговору подошедший Мартин. — Я сам слышал, как ты в группе ерунду всякую про Пашу рассказывала.

— А почему ерунду? Я что, не могу мужчине понравиться? — возмущенно поставила руки в боки Регина. — Или, может, он не мужчина?

Маша ошарашено переглянулась с Марином.

— Не надо свои желания путать с реальностью, — сказал Мартин, строго глядя на Регину.

— Правильно! — поддержала его Маша. — Если бы да кабы, во рту выросли б грибы.

— Причём здесь грибы? — недоуменно взглянула на неё Регина. — Что вы ко мне пристали?

— И я тебе уже заявлял — не надо рассказывать про Ивлева всякие нехорошие вещи! — настойчиво проговорил Мартин. — Ты врешь. Ты это понимаешь?

— Да с чего ты взял, что я ему не нравлюсь? — возмущенно уставилась на него Регина.

— Это бесполезно, — с досадой махнул рукой Мартин, посмотрев на Машу.

— Регина, ты с огнём играешь! — попыталась достучаться до нее в последний раз Маша.

* * *

Во время большого перерыва все собрались в столовой. Девчонки вместе, Костенко, Слонова, Романович и Регинка. И мы с парнями отдельно.

— Маша сегодня прибежала, — после очередного всплеска дружного девичьего хохота проговорил Витя Макаров, взглянув на меня. — Эти сплетни дурацкие про тебя уже до другого факультета дошли.

— Она приходила сегодня с Быстровой ругаться, — подтвердил Мартин.

— И что? — спросил я.

— А ничего, — с досадой махнул он рукой. — Сказала — с чего вы взяли, что я ему не нравлюсь?

Теперь у нас раздался дружный мужской хохот и понеслись шутки по поводу женской логики.

А мне было совсем не смешно. Воевать с женщиной? Каким оружием? У неё в голове всё чётко: с чего вы взяли, что я ему не нравлюсь? Следовательно, и утверждение, что я хочу с ней близких отношений тоже вполне себе логичное. И попробуй докажи обратное...

Кроме того, мне самому точно не стоит резкие шаги предпринимать. Могут посчитать это свидетельством того, что дыма без огня не бывает. Не раз видел в жизни случаи, когда тот, кто бегал, пытаясь восстановить порушенную репутацию, тем самым только ее полностью и окончательно уничтожал.

Ну а варианты типа обратиться к КГБ, я и вовсе не рассматривал. Это же именно то, что они сами бы хотели, чтобы привязать меня к себе — чтобы я стучать на кого-то стал. А уж лично притащить им информацию, что может стать потом на меня же компроматом — ну это вообще надо идиотом быть... Как они сейчас Регину могут нагнуть, так потом к ней же могут и обратиться — ну-ка, расскажи, как тебя пытались изнасиловать...

То же самое с Сатчаном. Ему со своей позиции достаточно один звонок сделать, чтобы тут все у нас забежали. Но хочу ли я, чтобы эта информация пошла дальше в группировке? Расскажет потом своим, что я от девок их в сауне отказывался, мол, такой весь порядочный, а ему пришлось помогать мне любовницу на факультете заткнуть. Посчитают лицемером и вруном.

Блин, я неплохо так помог своим друзьям на курсе... В идеале хорошо бы они сами сообразили что-то предпринять. Но ни в коем случае не по моей просьбе, а то это будет расценено всеми как мои собственные действия. Врать они не умеют, если я их натравлю на Регину, это легко будет выяснить.

— Шутки шулками, но это так оставлять нельзя, — задумчиво проговорил Ираклий.

Мне понравилось услышанное. Ну же, дружище, соображай!

* * *

МГУ, факультет экономики

Ираклий решил, что будет хорошей идеей подойти к Эмме

Эдуардовне, посоветоваться, что можно предпринять по поводу Регины и распускаемых слухов про Пашу. Он как раз вспомнил, что Ивлев с ней в ГДР ездил, мало ли, она захочет ему помочь.

Но кабинет замдекана был закрыт.

Ираклий забежал в деканат. Методист объяснила:

— Эмму Эдуардовну вызвали в ректорат, сегодня ее уже не будет. В понедельник после 9.30 должна быть.

Ладно, — решил он, — до понедельника дело подождет.

* * *

После пар мы все пошли на собрание. Познакомился с Жанной Луппиан. Очень колоритный персонаж, похоже, девочка, вообще без компромиссов. Прямая, как рельс.

— Ивлев! Я не верю своему счастью лицезреть тебя на комсомольском собрании факультета, — вместо приветствия эмоционально воскликнула она.

— Да ладно, — спокойно ответил я. — Всего-то и пропустил в этом году одно собрание. И у меня была уважительная причина.

— Да? И какая-же? — с долей сарказма спросила она.

— Жена родила, — так же спокойно ответил я.

Жанна заткнулась, поджав губы, и молча протянула мне номер газеты с моей статьёй. Надо будет его заиграть. Что б не собирать потом по архивам для сборника статей. Это я привык в будущем, что смысла собирать бумажные копии публикаций нет — все в Интернете, погуглил и распечатал. А сейчас с этим могут быть проблемы. Да, точно, а вдруг при вступлении в Союз журналистов потребуют представить оригиналы всех опубликованных статей кроме самого списка публикаций? Запросто! Надо покупать... или... Ага, как вариант, можно с Верой в редакции договориться. Что я, не знаю, что ли, что в любой редакции всегда валяются пачками собственные газеты... Надо бартер организовать — я ей пирожки, а она мне будет газеты с моими статьями откладывать.

Вначале я просто зачитал студентам родного факультета свою статью. Видимо, читал с выражением, потому что все слушали очень внимательно и засыпали потом вопросами. Заметил в зале начальство, Самедова, декана, Эмму. Вроде, простое комсомольское собрание, а они набегали. Наверное,

всегда так. В прошлом году я как-то комсомольских собраний успешно избегал. Хорошо иметь комсорга группы в друзьях...

Главный вопрос по поводу апартеида, что был немедленно получен от студентов сразу после доклада: доколе расистский режим будет творить несправедливость в отношении негров? Тут мне пришлось немного остудить пыл нашей жаждущей справедливости молодёжи.

— ЮАР очень богатая природными ресурсами страна. И быстрого падения режима ждать не стоит, несмотря на все санкции, примененные ООН и поддержанные СССР, как страной-основательницей ООН и членом Совета Безопасности ООН, — объяснял я. — К сожалению, понадобятся годы, много лет, пока эти санкции сработают. В ЮАР способны обеспечить себя почти всем, несмотря на режим санкций... Но всё равно, наше дело правое, режим апартеида обречён. Нельсон Мандела выйдет из тюрьмы, и, я думаю, благодаря своей репутации еще и станет президентом!

Мне аплодировали. Выступление понравилось. Мне уже давно надо было бежать, хотел смотаться под шумок. Но не вышло. Сначала подошёл Самедов, похвалил. Потом декан. Потом в меня вцепилась Луппиан и начала восторженно комментировать мое выступление. Просила сообщать ей, когда мои статьи в газете будут выходить, мол, будем собирать собрание факультета под них.

Надо ли говорить, что это предложение меня совсем не обрадовало, а, скорее, напугало! Мне еще не хватало по несколько раз в месяц дублировать платные статьи бесплатными выступлениями... При таком раскладе мне лучше вообще перестать статьи публиковать.

— Да я сам не знаю, когда они выйдут, — отнекивался я. — Принёс статью и она лежит, ждёт своего часа.

Еле убежал от неё и понёсся на автобазу. В четыре уже там лекция.

Ганин сам вышел за мной к проходной и повёл по территории на экскурсию. Транспортное предприятие это, в первую очередь, большая территория. Просто огромная. С очень большим запасом. Может, конечно, на случай войны. У нас же всё по ВПК заточено. Но в данный момент, выложенное плитами поле пустовало больше, чем на две трети. На одной трети парковались разноформатные грузовики.

— Транспорт в разъездах? — поинтересовался я. — Что стоянка пустая?

— Часть в разъездах, часть, уже приехала, — пояснил Ганин. — Часть запчастей и ремонта стоит ждёт.

— Сколько всего машин здесь?

— Под сто, если считать по балансу. А так, на ходу, машин семьдесят пять — восемьдесят.

— Предприятие на хозрасчёте?

— Конечно, — кивнул Ганин.

Не придумав с ходу ни одного варианта, на чём тут можно делать относительно безопасные деньги, спросил:

— А нафига нам эта база? Бензин экономить бесполезно, он даром никому не нужен. С запчастями мутить? Так крупный ремонт на ремзаводах производится, на месте только мелочёвка. Левые рейсы за наличные? Вообще, так себе идея.

— А как свои грузы перевозить? — удивлённо посмотрел он на меня.

— А-аа, если только так, — стал складываться у меня в голове пазл.

Всё правильно. Левое производство на таком количестве предприятий надо как-то обеспечивать материалами и готовую продукцию вывозить. А спрятать левые грузы или, вообще, левые рейсы легче всего в большой массе...

— Когда для себя груз перевозится, отдельная машина фрахтуется, или к сборному грузу добавляется?

— Думаю, и так, и так, — недовольно взглянул на меня Ганин. — Какая разница?

Что-то тут не то. Не понравился мне его взгляд.

— Мне сейчас к профоргу местному надо, — перевёл я разговор на другую тему. — Не подскажете, где его найти?

— Зачем он тебе?

— У меня лекция здесь в четыре часа.

— Какая ещё лекция? — начиная раздражаться, спросил Ганин.

— От общества «Знание», — спокойно ответил я. — Так где его найти?

— Понятия не имею.

— Тогда пойду на проходную, у меня его местный телефон есть.

— В контору зайди и спроси, — снизошёл Ганин, показав на

двухэтажное здание довоенной постройки.

Лекция прошла «на ура». Недоволен был только Ганин. Он присутствовал на ней от и до, потерял минут сорок и смотрел на меня волком, видимо, не понимая, что я задумал.

— Легенду отрабатываю своего присутствия здесь, — объяснил я ему, когда мы вышли вдвоём на улицу. У него в глазах на мгновение промелькнул испуг, затем он сменился уважением. Но недовольство точно исчезло.

Он отвёл меня в диспетчерскую, мы посмотрели, как принимаются заявки от предприятий. Попросил его показать, как наши заявки оформляются. Точно так же. То есть, для автопредприятия все заявки равны, валяются в одну кучу и на местах никто ни о чём не подозревает.

С удивлением узнал, что предприятие не приносит прибыли. Как оно может не приносить прибыли? Бензин халаявный. Аренды нет. Автомобили для юриц стоят в два раза меньше, чем для физиков. Ремонт на государственном ремзаводе по копеечным расценкам. Тут только в логистике может быть засада. Когда за одной трубой целую машину посылают за тридевять земель.

— Мне надо путёвки посмотреть, — задумчиво проговорил я. — Много не надо. За три месяца. Третий квартал, давайте, возьмём, как база отчитается. И отчёт за третий квартал. Работать буду дома. Надо, чтобы кто-то мне это всё привёз. Или я сам приеду, но надо, чтобы меня сюда пропустили и документы отдали.

— Ладно, — почесал затылок Ганин. — Придумаем что-нибудь.

На этом мы и распрощались. Отчитаются они только через две недели, в лучшем случае. У меня, как раз, будет время жену с детьми привезти и наладить мало-мальски быт.

Зашёл на почту, дал телеграмму Егорычу в Палангу на адрес пани Нины, что встречаемся завтра в семнадцать у больницы с вещами. Сначала, просто, написал с вещами, потом написал со всеми вещами, потом переписал с вещами своими и детскими. Что-то я нервничаю...

Вернувшись домой, решил, что у меня может не хватить времени на работу в первые дни, после приезда семьи, и сел за записки для Межуева.

Тут раздался звонок. Звонил капитан Румянцев.

— Всё в порядке, — произнёс он кодовую фразу, как договаривались. — Жду в понедельник после занятий.

— Хорошо, буду, — полез я за самодельным ежедневником, совершенно не рассчитывая уже на свою память.

Надо закончить записки сегодня, чтобы в понедельник сразу и на Лубянку, и в Верховный Совет. Пока работал, несколько раз слышал, как дом взрывался воплями отчаяния. Наши играют с канадцами. Ничего, скоро наши отыграются. Но, насколько я помню, это последняя игра, которую наши выиграли. Потом будет тот самый хоккей, что нам не нужен.

* * *

Москва. Квартира Костенко.

Вечером в пятницу вся семья была уже дома. Смотрели хоккей. Это было вначале не очень интересно, но потом Света заразилась от отца азартом. Наши проигрывали. Отец переживал. Объявили второй перерыв и тут же зазвонил телефон.

— Да, ну, блин! — раздраженно сказал отец, прежде чем взять трубку, но его голос тут же стал вежливым и предупредительным, когда он услышал, кто ему позвонил. — Здравствуйте, Эдуард Гаврилович! Что? Какая статья? Да, хорошо... — отец потянулся за ручкой и стал записывать. — Автобаны Германии... Хорошо, записал. Кто-то автор? Ивлев... Записал. Хорошо, в понедельник посмотрю и доложу. Во вторник подойти? До свидания!

— Кто звонил? — заинтересовалась Света, услышав знакомую фамилию.

— Замминистра, — буднично ответил отец. — Статья, говорит, вышла в «Труде» про дороги в Германии. Интересные, говорит, мысли есть. Велел подумать, нужны ли СССР такие дороги? А у нас какие дороги не строй, бед меньше не становится. Кругом дураки, а кивают на дороги.

Отец с нетерпением ждал продолжения игры, а Света кусала губы от злости и зависти... Всего две статьи, а уже такой успех.

* * *

Опять зазвонил телефон. Звонил Загит. Их командировка

заканчивается, их с Володиёй отпускают домой. Сказал, что очень хочет задержаться, дождаться Галию с внуками. Спросил, когда их отпускают? Сказал, что уже отпустили, они могут ехать по домам.

— Ну так тогда приезжайте к нам, — предложил я. — Ключи от квартиры у соседней оставлю. Мы вечером в воскресенье уже должны быть дома.

— Спасибо! — обрадовался он. — А ты смотришь, как наши с канадцами играют?

— Нет, работаю.

— Жаль.

В субботу с самого утра предупредил соседку, что полетел за женой и детьми, оставил ей ключи для тестя с другом и поехал в аэропорт. С собой у меня была полная дорожная сумка с дефицитом на подарки и две переноски. В одной шуба Галии, во второй всё остальное. Поехал пораньше, чтобы уж наверняка не опоздать. Всё-таки курортный сезон закончился, вдруг количество рейсов сократили. Лучше там подожду Егорыча, если рано прилечу.

Но прилетел слишком рано. Полдня болтаться в Клайпеде не стал. Подъехал к больнице, покричал под окном, чтобы Галия увидела, что я уже здесь, сказал ей, что поеду сейчас в Палангу за детскими вещами и к пяти вернусь. Жена буквально засветилась от счастья при виде меня, было очень приятно видеть ее такой...

От больницы взял такси и поехал к пани Нине. Они не ждали меня, удивились и обрадовались. Пани Нина, оказывается, с Егорычем в Клайпеду сегодня собралась, хотела лично нас проводить.

Меня сразу усадили за стол, накормили супчиком домашним с пирожками. Пани Нина много их напекла, чтобы нам в дорогу с собой дать.

В свою очередь, выложил у неё половину всякого дефицита в благодарность. Они докупили ватное и байковое одеяльце. Хотел деньги отдать, но Егорыч, наоборот, мне сдачу начал совать с тех денег, что я ему оставлял. Вот люди! Стесняются хоть копейку за хлопоты себе оставить. Но приятно такое видеть, конечно. Советские люди, не испорченные в большинстве жаждой наживы, живущие по совести. И готовые на многое для друзей и родственников...

В пять мы уже были в больнице Клайпеды с кучей сумок и чемоданов. Провожали нас всем отделением. В суматохе едва обнял и поцеловал жену. Галия увидев шубу, расстроилась, испачкаю, говорит, с детьми и, вообще, тепло ещё, чтобы в шубе ходить. Малыши разорались, одеваться не хотели. Сосок нет, чтобы им в рот что-то сунуть. Как мы поедem?

Поблагодарил всех, выложил им остатки гостинцев, запихал в сумку вещи Галии и хотел уже рвануть ловить такси, но Егорыч меня остановил.

— А фотографироваться? — с недоумением посмотрел он на меня.

Вот, я... Мне даже в голову не пришло взять с собой фоторужьё, и так столько вещей. Затупил! Но хорошо, что Егорыч приехал на отдых со своим стареньким фотоаппаратом. Всё-таки, такое важное событие! Это сейчас в запаре думаешь, да ладно, не до этого. А через много лет, глядя на это фото, будешь умиляться и удивляться, как тебя тогда на всё хватило?

Устроил Галию с Егорычем в комнате матери и ребёнка, а сам побежал искать аптеку. Соски и в стакане с кипятком можно прокипятить.

Только оказавшись в поезде, я немного выдохнул. Переноски, всё-таки, великая вещь, Галия положила парней в тонких одеяльцах в люльки. Проводница, уловив нашу проблему, налила мне кипятка ещё до отправления поезда. То ли сама не хотела страдать от криков маленьких пассажиров, то ли просто детей любит, выяснять не стал. И я, стоя в коридоре, замочил в нём соски, боясь заходить с кипятком в купе.

Пани Нина провожала нас до самого конца, пока поезд не отошел. Мы с грустью смотрели друг на друга, как будто прощались навсегда. Галия всплакнула. Пообещал ей следующим летом, если пани Нина будет не против устроить у себя филиал яслей, опять отправить её с детьми в Палангу. Она была даже очень не против, эти два месяца ей очень понравились. Ну да, с погодой для отдыха на Балтике повезло. Засуха, что стала катастрофой для сельского хозяйства, обернулась шикарным теплым сезоном в Паланге. Мне ли не знать разницу, тут часто летом по две недели могут дожди идти почти без остановки.

Под стук колёс дети уснули. Мы с Егорычем залезли на

верхние полки.

— Дорогая, чуть что, сразу буди меня, не стесняйся, — попросил я.

Конечно, дети просыпались. Сквозь сон я слышал голос Галии. Но окончательно проснулся только к полудню в воскресенье. Галия, наконец, дорвалась до детей и, похоже, не спала. Сидела счастливая, хоть и уставшая. Предложил ей накормить их, когда придет время, оставить мне, а самой забраться на верхнюю полку. Надеюсь, несколько часов я смогу дать ей поспать.

Мы так и сделали. Покормили, переодели памперсы, жене они более-менее понравились, как выяснилось, и я отправил жену спать. Егорыч сидел рядом, готовый в любой момент прийти на помощь. Но пацаны во время перегона прекрасно спали под стук колёс. И только, когда поезд остановился и люльки перестали качаться, малые завозились, просыпаясь. Мы с Егорычем взяли переноски на колени и начали качать, чтобы малыши не проснулись.

Вскоре поезд тронулся, и мы поставили переноски обратно на полку. Так мы продержались более трёх с половиной часов. Но потом дети проголодались и начали орать. Галия тут же проснулась, спустилась, занялась детьми и больше не ложилась, как я её не уговаривал.

В Москве в конце сентября вдруг установилась погода, как поздней осенью. Кто-то из женщин уже перешёл на пальто с меховым воротником. Многие уже были в беретах. А Галия моя как вышла из поезда в норковой шубе, так привлекла к себе всеобщее внимание. И фасон неизбитый, и цвет необычный. Жена аж смутилась от такого внимания, но не без удовольствия. Дополнительные взгляды приковали к себе и переноски с детьми. Куча вещей, я сразу вцепился в носильщика.

Он повез на тележке все наши вещи, кроме сумочки Галии и младенцев в люльках. Их я гордо тащил сам. Подошли к длиннющей очереди на такси, прикинул, сколько стоять и пошел искать машину в обход, оставив семью на попечение Егорыча. Нашел, конечно, по двойному тарифу.

Дома застали караван-сарай. Приехали, как и собирались, Загит с Володей. Приехал отец. Пришли Гриша с Родькой и Алдонины полным составом. Был накрыт стол в большой

комнате.

Народ смотрел хоккей. Счёт был ещё ничейный и наше появление было воспринято, как будто наши решающий гол забили. Чуть детей мне не перепугали. Мужчины принялись нас обнимать и поздравлять. А Ирина Леонидовна с Ксюшей бросились к Галие, всё побросав, и увели её в спальню, забрав у меня люльки.

Кроваток в большой комнате не было. Как же они их в спальне разместили? Потом, только, увидев трюмо и тумбочку в углу, где стояла когда-то плитка, понял, какую перестановку они сделали.

— Кого припахали мебель двигать? — спросил я, смеясь.

— Да мы тут все на подхвате, — отозвался Загит, подмигнув.

— Спасибо вам всем, — сел я за стол, мне тут же налили стопку коньяка, отмечать. Остаток вечера просидел с мужиками. Ирина Леонидовна не отходила от Галии и детей. И я почувствовал, как меня потихоньку начало отпускать напряжение. Жена и дети дома. Всё хорошо.

В понедельник с утра Загит с Володей собрались домой.

— Дочь встретил, с внуками повожился, можно и домой возвращаться, — грустно проговорил он. — Жаль от вас уезжать, — вдруг признался он.

— Так приезжайте в гости! — воскликнул я. — Вы же без отпуска в этом году остались. Должны же вас теперь отпустить?

— Спасибо, — по-отечески обнял он меня, и они с Володей поехали в Святославль.

Ирина Леонидовна заступила на дежурство, и я в прекрасном настроении поехал в университет. А жизнь-то налаживается!

Поднимаясь по лестнице, лоб в лоб столкнулся с Жанной Луппиан.

— Доброе утро, Жанна! — радостно поздоровался я с комсоргом факультета.

В ответ она смерила меня презрительным взглядом и, поджав губы, молча прошла мимо.

Глава 12

Москва. МГУ.

Поднялся в аудиторию, а там наши орут до хрипоты. Обсуждают вчерашний проигрыш нашей команды в суперсерии и травму Харламова. Страсти такие! Даже девчонки подключились. Но все единогласно осуждали грязную игру канадских хоккеистов и предлагали методы борьбы с ними.

Раскричались так, что не заметили, как в аудиторию вошел доцент Сироткин. Он оказался также заядлым болельщиком, до глубины души оскорбленным поведением канадцев вчера на льду. Включился в общий спор и все не сразу и поняли, кто это там от двери такие комментарии делает. Ну да, ему самому интереснее про хоккей немного поговорить, чем тот же самый материал из года в год повторять...

В первом же перерыве я подошёл к Ираклию и рассказал ему о странном поведении Жанны Луппиан.

— Не слышал, может, что-то случилось? — спросил я его.

— Ничего, — пожал он удивленно плечами.

— Не нравится мне это, — обеспокоенно проговорил я. — В пятницу расставались, она прыгала от радости, общаясь со мной, в понедельник — нос воротит. Что изменилось за выходные? Слушай, не в службу, а в дружбу, сходи к ней, попробуй выяснить, в чём дело.

* * *

Москва. Комитет ВЛКСМ Экономического факультета МГУ.

Ираклий сразу и пошёл к Жанне, на ходу решая, как вести разговор.

— Привет, Жан, — сел он напротив неё. — По поводу Ивлева...

— Я слышать про него ничего не хочу! — жёстко чеканя слова, ответила Луппиан.

— Здравсте... — растерялся Ираклий. — Почему?

— Потому! Не хочу, и всё!

— Нет, Жан, так дело не пойдёт, — опомнился Ираклий. — Ты должностное лицо и хочу-не хочу оставляй дома. Что случилось? Почему ты про Ивлева слышать не хочешь?

— Потому! Он бедной девочке с первого курса проходу не даёт! — оскорбленно ответила Жанна, брезгливо передернув плечами, как будто Ивлев её саму грязно домогался.

— А вот теперь послушай, — встал Ираклий и навис над ней для большей доходчивости своих слов. — Ивлев никого не трогал. Это раз. Регинка сама на него вешалась. Полно народу может подтвердить. Это два. Он с ней по-хорошему пытался, говорил, что женат, но не вышло. Пришлось послать эту засранку. Вот она ему теперь и мстит. Это три. И ты ей в этом помогаешь!

— Ну, конечно! Он такой невинный, прямо, ангел. А она чёрт в юбке.

— Не знаю, кто она, чёрт или сумасшедшая, — ответил Ираклий, — но я с этим к тебе и пришёл. Считаю, что по поводу ее грязных сплетен нужно собрать комсомольское собрание факультета и добиться справедливости.

— Какая справедливость? Ты о чём? Я не дам вам издеваться над бедной девочкой! Тем более, перед всем факультетом! Она и так настрадалась!

Губы Жанны дрожали, голос срывался. Ираклий понял, что так он ничего не добьётся. Женская солидарность не даст Жанне объективно оценить ситуацию.

Возвращаясь к себе, Ираклий решил не говорить ничего пока что Павлу, а попытаться сначала урегулировать как-то этот вопрос самостоятельно.

— Мужики, у нас ЧП, — подошёл Ираклий к Сандалову и Брагину и жестом позвал Давыдова и Макарова. — Комсорг факультета на Пашу взъелась из-за выдумок Регинки. Я предложил собрание комсомольцев факультета организовать, чтобы вывести ее на чистую воду, а Жанна против.

— Это ещё почему? — подошёл к ним Булатов.

— Не хочет. Не верит, что эта дура всё придумала. Говорит, я не дам её позорить на весь факультет, она и так пострадавшая.

— Слушай, ну одно дело ты, парень, пришёл и друга защищаешь, — проговорил Витя Макаров. — Другое — девушка. Давай Машу к ней приведём. Пусть ей девчонка то же самое повторит.

— Правильно! — хлопнул его по плечу Сандалов. — А давай мы все пойдем и подтвердим. На следующем же перерыве.

— А я пока сбегаю еще и к Эмме Эдуардовне. Я еще в пятницу хотел, но ее не было. Если она поддержит нас, то у Жанны по-любому не будет выхода. Скажите преподу, что я по административным делам отсутствую.

* * *

Москва. МГУ. Кабинет замдекана по научной деятельности.

— Эмма Эдуардовна, можно? — заглянул к замдекана Ираклий.

— Заходи, Тания. Что-то случилось? — обеспокоенно оторвалась она от своих дел.

— Тут такое дело... Ещё не случилось, но может... Не знаю, что делать? Короче, одна студентка с первого курса распространяет про студента второго курса сплетни. Будто он от неё без ума и пытается склонить к близости.

— Ну и что? — улыбнулась Эмма Эдуардовна, сняв очки и помассировав глаза. — Дело молодое.

— Но он женат, — возразил Ираклий. — Она порочит его репутацию этими сплетнями. Может, комсомольское собрание провести и осудить ее действия?

— Послушай, — посмотрела она на Ираклия. — Там, где двое, третий лишний. Пусть, парень с девушкой сами разбираются. Зачем в это лезть?

— У него жена только родила, он боится, что до неё эти слухи дойдут. Ну, он совсем к этой студентке никакого интереса не проявлял. Наоборот, она сама на него вешалась. Он несколько раз по-хорошему объясниться пытался, что она ему неинтересна. Потом, как я понимаю, уже конкретно что-то сказал... И она, похоже, обиделась и мстит теперь...

— И между ними совсем ничего не было, — скептически взглянула на Ираклия Эмма Эдуардовна.

— Да ничего! В том-то и дело. Ему же не до этого совсем. И так все удивляются, как он столько успевает. Учится, работает, статьи в газету пишет...

— Постой, постой. Это ты про кого? — впервые заинтересовалась замдекана.

— Про Павла Ивлева.

— Так это про него сплетни распускаются? — возмущенно спросила Эмма Эдуардовна. — Безобразие!

— Ну, да, — удивился и обрадовался Ираклий такой резкой смене настроения. Он уже совсем было отчаялся, решил, что поддержки никакой от Эммы Эдуардовны не получит, и вдруг!

— Я Павла хорошо знаю, — встала Эмма Эдуардовна и нервно начала вышагивать по кабинету. — Он слишком предан своей семье, — уверенно заявила она. — А, знаешь, ты прав. В таком, из ряда вон выходящем случае, надо принимать меры. И жёсткие.

— Я предлагаю сегодня комсомольское собрание организовать, — приободренный, сказал Ираклий, — и на нем рассмотреть вопрос о недостойном поведении Регины...

Подумав, Эмма Эдуардовна сказала:

— Нет, давай завтра. Тебе задача собрать к нему больше информации. Сначала надо узнать, кто именно распространяет слухи. Поговорить с той студенткой, с другими. Выявить, кто активно сплетничает про Ивлева. И всех виновных, не только эту девушку, призвать к ответу. Понимаешь? Нужны факты. Кто? Что сказал? Кому? Когда? Чтобы не превращать комсомольское собрание в балаган. И чтобы раз и навсегда показать сплетникам, что нельзя безнаказанно порочить репутацию других людей. Завтра жду тебя после первой пары.

— Я понял, — кивнул Ираклий и тоже поднялся.

* * *

Москва. МГУ. Кабинет замдекана по научной деятельности.

Эмму Эдуардовну всю колотило от возмущения. А так хорошо день начинался... Клара Львовна, секретарь декана, шепнула ей с утра, что премию уже выписали, осталось приказ у ректора подписать. А тут такая незадача. Такой достойный молодой человек! Это кто же посмел на него наговаривать? Нет, нельзя пускать эту ситуацию на самотёк. — решила Гаврилина и отправилась к декану.

* * *

Вернувшись на лекцию, Ираклий кивнул парням и поднял незаметно для преподавателя большой палец, мол, поддержка Эммы получена. Сразу после пары Витя побежал за Машей, а парни отправились в комитет комсомола факультета. Ираклий

отделился по дороге и сходил за Мартином. Все встретились у кабинета комсорга. Маша решительно вошла в кабинет первой.

Увидев такую представительную делегацию во главе с девушкой, Жанна смягчилась и выслушала всех. Высказался и Мартин:

— Товарищ Жанна, — сказал он ей. — Я недавно в стране, но уже понял, как у вас ведут себя порядочные девушки и как... непорядочные. Так вот, Регина Быстрова девушка непорядочная. Мало того, что она сама, не стесняясь нас, грязно домогалась, как вы здесь выразились, Павла Ивлева, прекрасно зная, что он женат, так она ещё и слухи неприличные про него распространяет, уверенная, что ей ничего за это не будет. Павел Ивлев ответственный человек, любит семью и никогда не променял бы свою жену-красавицу и детей на эту... непорядочную девушку.

Эта простоватая речь Мартина сделала больше, чем все предыдущие. Жанна задумалась. Может, и правда, зачем Ивлеву домогаться так долго и настойчиво только одной девушки? Он женат, двое детей. Как она уже успела заметить, он рассудительный и спокойный... Разве станет такой человек рисковать карьерой и семьей ради интрижки с однокурсницей? Тем более, все говорят, что у него жена красавица.

— Но зачем, по-вашему, она это делает? — не желая признавать свою ошибку, спросила Жанна.

— Кто же ее дурочку поймёт? — ответил за всех Булатов.

— Она говорит, — опять взял слово Мартин, — что она одна такая, в душу Ивлеву запала. Думаю, она так цену себе набивает. И мстит за то, что он отказался с ней... как это сказать по-русски...

— Переспать, — подсказал Булатов.

— Точно! — поддержал его Ираклий.

Когда Жанна, успокоившись, посмотрела на эту ситуацию с другой стороны, она опять начала злиться. Только теперь уже на Регину. Получается, что она так распереживалась из-за малознакомой девушки, что чуть не наделала глупостей.

— Если это так, то это никуда не годится! — решительно заявила она, сжимая кулаки. — Собираем собрание! Сегодня же!

— Гаврилина не советует вот так с бухты-барахты собрание собирать, — остановил её Ираклий. — Говорит, получится не

собрание, а балаган. Она посоветовала сначала разобраться. Кто и что говорил, и наказать всех виновных. И сплетницу, и тех, кто эту сплетню распространял.

— Ну, это правильно, конечно, — кивнула Жанна, глубоко впечатлённая тем, что Ираклий, оказывается, пришел к ней уже с поддержкой замдекана. Это она вовремя сориентировалась, а то могла влипнуть с этой Региной, защищая ее, в проблемы с администрацией факультета. — И как мы будем с этим разбираться?

— Как, как? — озадаченно повторил Ираклий. — Вот ты откуда узнала?

— Мне девчонки с четвертого курса сказали.

— Пойдём к этим девчонкам, — предложил ей Ираклий. — Выясним, откуда они узнали. Маша у себя поспрашивает, да? Ну, и мы все, если кто-то при нас заговорит об этом, сразу спросим, откуда узнал? И пойдём туда. Так и узнаем, кто сплетничает.

— Уже занятия скоро начнутся. — посмотрела на часы Жанна. — Идите учиться. Я схожу без вас, четвертый курс опрошу. Самой интересно стало. Как думаете, до завтра управимся?

— Управимся, — одновременно уверенно ответили парни.

— Ну, и отлично. Тогда собрание собираем завтра, — решила Жанна. — Нечего тянуть кота за хвост.

* * *

Ираклий устроил какую-то беготню, но ко мне не подходил, словно избегал. А после следующей пары вся наша кампания из вида резко пропала. Но под самый конец перерыва они все завалились в аудиторию и направились прямо ко мне.

— Завтра будет ещё одно комсомольское собрание факультета, — радостно сообщил мне Ираклий.

— По другой моей статье? — не понял я. До автобанов, теперь, добрались, что ли? Апартеида мало показалось?

— Нет. Будем защищать твою репутацию, — гордо и громко объявил Ираклий на всю аудиторию. — Луппиан сама чуть не поверила Регине, но мы ей всё рассказали, как дело было. Она очень разозлилась. Побежала к тем девчонкам, что ей наплели про тебя, выяснять, откуда они узнали. И, кстати, кумушки!

Романович и Слонова! — подошёл Ираклий к притихшим девчонкам. А вы откуда эту чушь про Павла взяли? — в голосе его слышались жёсткие нотки.

— От Регины, подруги Светы Костенко, — поспешно ответила Галка Романович и оглянулась на Костенко, ища поддержки.

Но Костенко только плечами пожала, мол, я тут не при делах:

— Регина всем нам рассказала, что Ивлев без ума от неё и хочет близких отношений.

— Это с чего она взяла? — не выдержал я, но Лёха Сандалов придержал меня за плечо. — Всё, всё, — сел я на своё место.

Пока, тыфу-тыфу-тыфу, получается, как я и хотел. Вроде я сам и не поднимал этот вопрос. Спасибо вам, парни. Доказали, что мои друзья. Они сами, от всей души, хотят мне помочь, будут естественно и убедительно выступать на собрании, возмущённо отбивать все наветы на меня. Будет видно, что они не врут. А если бы мне пришлось просить их поддержать меня, это была бы совсем другая картина.

Эх, не хватает мне семейных хлопот, теперь ещё и комсомольское собрание завтра опять. Да еще и такое специфическое. Но ничего не поделаешь. Надо идти. Авось удастся закрыть уже эту тему раз и навсегда.

После пар помчался на Лубянку. Капитан Румянцев встретил меня и провёл к себе в кабинет.

— Нужен к четвергу твой доклад на тему «Использование технических средств в управлении отраслями народного хозяйства СССР».

— Хорошо, — записал я себе в ежедневник на среду. — В среду принесу текст на согласование. Нормально? — спросил я, убирая ежедневник в портфель и остался стоять, желая поскорее уйти.

— Подожди, не спеши, сядь, — вдруг сказал Румянцев, и я присел. — Тебе не кажется, что вокруг тебя слишком много иностранцев? Ты бы поаккуратнее. Это может быть опасно.

— Это про Мартина и Альфредо? Так я с ними по поручению замдекана вожусь. Ну и кроме того, я стану лучше, как аналитик, если буду общаться с иностранцами. Информация из первых уст про их страны и всё такое. Аналитик, который заперт в четырёх стенах, не может развиваться.

— Ну там еще и Фирдаус такой есть... И всё же, ты поаккуратнее.

— Ну, он же теперь родственник, куда без него. А что касается Мартина и Альфредо, то мне это общение нужно, поверьте, я как профессионал расту. А если вдруг почувствую что-то не то в их поведении, сразу вам сообщу, что есть такие-то подозрения.

— Хорошо. Будь бдителен, — на полном серьёзе сказал он.

— Есть, товарищ капитан! — в шутку вскочил я, отдавая честь, и на этом мы эту скользкую тему закрыли.

Сбежав, наконец, от Румянцева, поехал в Верховный Совет. Хотел сдать записки, как всегда, помощнице Пархоменко, но тут он сам из кабинета выглянул.

— А что же ты не хвастаешься, что жена двойню родила? — увидев меня, спросил он. — От чужих людей узнаём.

Вот только здесь проставляться мне и не хватало.

— Ум за разум зашёл! Столько хлопот навалилось! — стал виновато оправдываться я, а то обидится ещё.

— Валерия Николаевна, вручите товарищу Ивлеву подарок от коллектива, — торжественно произнёс Пархоменко.

Вот, блин, всё-таки придётся проставляться.

— По талону на каждого, — выкладывала передо мной Валерия Николаевна, как карты, талоны в «Детский мир».

— О! Спасибо! — обрадовался я. За это можно не проставляться. Это не за их счёт будет подарок, а за мой.

— Растите большими и сильными, — улыбнулась мне в кои-то веки помощница Пархоменко.

Потом сбегал к Воронцову на четвёртый этаж. Его самого на месте не оказалось, оставил копии записок его помощнице и быстренько ушёл, пока здесь кто-нибудь не вспомнил, что меня поздравлять надо.

Спустился в Комитет по миру и поразился произошедшим там переменам.

Марк Анатольевич сидел за своим столом в расслабленной позе и что-то вещал нравоучительным тоном нашим парням.

— Павел! — подобрался он, увидев меня. — Как хорошо, что ты зашёл. Мы с Ильдаром Ринатовичем приготовили тебе подарок на рождение близнецов! — и Марк торжественно вручил мне ещё один талон в «Детский мир». Поблагодарил его, конечно, от всей души. Парни подглядывали за нами и

улыбались.

— Ну, как у вас тут дела? — сменил я тему.

— О, тут такие интересные письма попадают, — воскликнул Булатов. — Тебе для газеты не надо?

— Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробнее, — заинтересовался я.

— Да уже рассортировали куда-то, но можем откладывать для тебя, — предложил Евгений. — Да, Марк Анатольевич?

— А что за газета? — спросил тот удивленно.

— «Труд» — ответил я. — В ней внештатным корреспондентом подрабатываю.

— Правда, что ли? — покачал головой он. — Я подумал, стенгазета какая, а тут «Труд». Наш пострел везде поспел. Молодец. Так и надо.

— Спасибо, ещё раз, за подарок, — улыбнулся я и попрощался со всеми.

* * *

Москва. Квартира Костенко.

Света не находила себе место. По факультету пронесся слух, что завтра комсомольское собрание. И на нем будут разбираться со сплетнями про Ивлева. Его друзья бегали везде, как оказалось, и не только ее с Романович расспрашивали... Может, не ходить на это собрание? Пусть сами разбираются... А если Регина на нее все свалит? Блин... Как же все до такого дошло-то... Ей просто хотелось, чтобы этот вечно спокойный, как удав, Пашка подергался, как червяк на крючке. Отомстить за то, что он ее обидел и не рекомендовал в Комитет по защите мира. А теперь она сама дергается...

— Пап, как там статья Ивлева? — спросила Света, подсев к отцу на диван.

— Ну, в целом, есть там здоровое зерно, конечно... — отложил отец книгу. — А как у тебя дела в университете? — проницательно заметив что-то неладное в поведении дочери, спросил он.

— Не очень, — честно решила признаться Света.

Ей очень надо было с кем-то поговорить, а кроме отца, и не с кем было. Мама главврач районного КВД, вечно приходила домой уставшая, рассчитывать на её спокойствие и

объективность не приходилось.

— Этот Ивлев, — продолжила она, — со мной в одной группе учится.

Взглянув на отца, она заметила искреннее изумление на его лице.

— Ты хочешь сказать, что это написал человек, отучившийся всего один год на экономфаке? — не поверил он.

— Ну, да... Но дело не в этом. У меня знакомая, отец которой тебя знает, она зачем-то слухи про него стала распускать, будто он в неё влюблён безумно. А он женат, у него детей двое...

Отец сделал большие глаза и непроизвольно хмыкнул.

— Куда катится этот мир? — воскликнул он.

— Подожди, пап. Мне что делать? Завтра комсомольское собрание факультета по этому поводу проводить будут. А я её подруга...

— Стоп. А ты тут причём? — строго посмотрел на неё отец.

— Не причём, честное слово, — сделала невинное лицо Света. — Но боюсь под раздачу попасть вместе с ней.

— Так. Дочь. Во-первых, завтра на собрании первая встанешь и скажешь, что осуждаешь поведение этой своей знакомой. Поняла? — Света кивнула. — Ну, и я ещё со своей стороны попробую что-то сделать. Не переживай, — отец обнял дочь и поцеловал в лоб. — Ни под какую раздачу ты завтра не попадёшь.

— Спасибо! — благодарно посмотрела на отца Света.

* * *

Придя домой, застал всё своё многочисленное семейство на кухне. Ирина Леонидовна занималась с детьми в люльках, а Галия ужином.

— Ну, как у вас первый день прошёл? — спросил я.

— Прекрасно, — подошла ко мне довольная жена.

Вроде, замученной не выглядит, — отметил я про себя. — Хорошо, что соседка согласилась нам помогать, дай бог ей здоровья на долгие годы.

Ирина Леонидовна унесла детей в спальню, а Галия накрывала для меня стол, как будто праздник какой.

— Ну, ладно, ладно, — удивился я. — К чему это?

— Я так по своей кухне соскучилась! — воскликнула жена. Не сдержал улыбки. Скорее бы уже мне документы на вторую квартиру сделали и можно было бы её ещё порадовать.

Глава 13

Святославль. Квартира Якубовых.

Загит вернулся домой, с удивлением заметив, что успел отвыкнуть от обстановки в собственной квартире и даже больше — и от жены тоже... Не ожидавшая его возвращения Оксана вышла из комнаты и ахнула, увидев мужа. У неё слёзы покатались из глаз. Она молча бросилась к Загиту и обняла его. Он тоже обнял её. Одной рукой. Машинально гладил другой по спине и думал о том, что он же совсем не скучал по дому в командировке.

Оксана опомнилась и поспешила на кухню. Загит умыл лицо и руки с дороги и сел на кухне за стол. Оксана суетилась и щебетала ни о чём:

— Сейчас картошечки быстро начищу. Пятнадцать минут и сварится. Что же ты не сообщил, что приедешь? Я бы супчик твой любимый сварила...

А Загит молчал и смотрел куда-то сквозь неё.

Наконец, она не выдержала и, почувствовав, что что-то глубоко не так, села рядом, со страхом глядя на него. Загит заговорил. Неспешно, тихо, но каждое слово звучало очень весомо для его жены...

— Знаешь, Оксан, я всю жизнь тебя слушал и верил в твои сказки. Но сейчас я вижу результат и мне плевать, что ты скажешь в своё оправдание. За эти два месяца я увидел совсем другую жизнь, Оксан. Когда родные и чужие люди живут, как одна большая семья! Один за всех и все за одного. Можно, оказывается, со всеми жить в мире, ни с кем не ругаться, со всеми найти общий язык. Я буду сейчас в отпуск проситься. Если дадут, уеду на месяц. Тебе за этот срок, если хочешь наш брак сохранить, надо с зятями и невестками помириться, и с Настей Руслана, и с Пашей Галии. И познакомься уже с семьёй Рафика, в конце концов.

— Как я это сделаю? — с ужасом в голосе спросила она, сразу чутьем поняв, что он предельно серьезен и повторять два раза не будет. Не выполнит его условий — и все, на склоне лет останется без мужа... — Они же никто видеть меня не хотят. И ладно Настя, она здесь живет. Но куда мне из Святославля уезжать, у меня же работа сейчас?

— Я не знаю, как ты будешь это делать. Смогла поссориться

с родными людьми, найди и путь помириться. Ты взрослая женщина, отыщи нужные слова, проси прощения. Не жди, что тебя сразу простят. Это долгий процесс, не зря же говорят — береги честь смолоду. Главное, чтобы с тобой общаться начали. Хоть с опаской, неохотно, но начали. Иначе ты одна останешься. И я не верю, что ты не найдешь способа взять отпуск, чтобы выполнить то, что я тебе велел. В Паланге вон же как-то оказалась, когда тебя там не ждали...

— Ты делаешь мне больно, Загит! — зарыдала Оксана, прибегая к самому своему сильному оружию, что никогда не давало раньше сбоев. Но не в этот раз. Муж сидел, как чужой, и смотрел на ее зареванное лицо и вздрагивающие плечи совершенно равнодушно. Словно на чужую кошку, перебегающую дорогу... Не сделал ни малейшей попытки обнять и утешить. Забрать свои жестокие слова обратно. Напугавшись такому безразличию, Оксана прекратила рыдать, и спросила:

— А ты куда уедешь?

— А я в отпуск, к детям. Павел Галию с детьми вчера привёз из Прибалтики. Помогу им, чем смогу.

* * *

— Я так рад, что ты и дети, наконец, дома, — встал я и обнял жену. — У меня как будто камень с души свалился.

— Я тоже очень рада дома оказаться, — призналась Галия, прижимаясь ко мне. — Я так соскучилась! Садись! Буду тебя кормить.

Покорно сел и с удовольствием наблюдал, как она хлопочет.

— Дорогая, отец оформил тебе академ на этот год. Нужны свидетельства о рождении детей. Ты определилась уже, как мы наших орлов назовём?

— Ну, я хотела одного Русланом назвать, а второго ты называй. Если назвать второго Тарасом, как твоего отца, то мой отец может обидеться, правильно?

Я мысленно усмехнулся. Типа, сам называй, очень великодушно, но есть табу — Тарасом называть нельзя. Но мне как-то даже смешно наблюдать за этими бесхитростными манипуляциями жены. Соскучился я по ней за эти недели... И тем более, к чему мне эта путаница с одним именем ребенка и

отца? Ладно, Руслан, если я этого брата Галии даже и не видел. И такое ощущение, что вряд ли и часто в будущем видеть буду, учитывая, где он живет. А вот папаня в одном городе с нами живет... Пройдет лет двадцать-двадцать пять, и простая просьба «Позвони Тарасу по поводу завтрашней встречи» может привести к необходимости задавать уточняющий вопрос, или к упрекам, если не тому позвонил...

— Правильно, дорогая. Если один Тарас, то второй только Загит, — с улыбкой сказал я.

— Ну, поэтому один Руслан, а второго ты называй.

Но в целом, назвать сына в честь отца прекрасная идея, и неважно, из какой он жизни. Почему бы не из прежней?

— А второй будет Андрей, — проговорил я.

— Андрюша... Андрюшка... — примерялась к этому имени жена.

— Андрейка... — подсказал я.

— Мне нравится, — улыбнулась жена. — Русик и Андрейка.

Мы сели ужинать. С удовольствием накрутил домашней еды. Сидели потом и пили чай.

— Сегодня врач детский участковый приходила, — сообщила мне жена. — Сказала, что в месяц нам надо будет в поликлинику детей показать. А до этого времени сестра будет приходить.

Тут зазвонил телефон, межгород. Рванул скорее к нему, чтоб детей не разбудил. Надо посмотреть, может, тут на аппарате где можно громкость звонка подкрутить? Вроде была такая функция... Звонила тёща. Ну вот, и зачем портить такой чудесный вечер?

— Здравствуй, Паша, — проговорила она. — Как у вас дела?

— Все хорошо, — ответил я, насторожившись. — Добрый вечер.

— Загит сказал, что Галия с малышами уже дома. Решили уже, как назовёте мальчиков?

— Да, Изя и Абрамчик, — зачем-то ляпнул я. Ну, не знаю, что на меня нашло...

— Но... — захлебнулась в собственной желчи тёща. Я уже ждал вселенского скандала, но тещенька меня обломала. — Такие необычные имена... Израиль Павлович и Абрам Павлович Ивлевы?.. — потрясённо проговорила она и через секунду добавила: — Ну, вам виднее...

Что это с ней? Не заболела ли тяжело часом? С чего вдруг такое миролюбие, если на тот свет не собралась...

— Да пошутил я, Оксана Евгеньевна, — поспешил признаться я, пытаюсь понять, что же не так. — Руслан и Андрей.

— О! Какие замечательные имена, — обрадовалась тёща.

— Кто там? — выглянула с кухни Галия.

И что делать? Дать жене трубку? Рискнуть?

— До свидания, Оксана Евгеньевна, рад был вас слышать, — проговорил я, мучаясь сомнениями. Блин, а если у нее рак нашли, а я сейчас трубку дочери не дам? Потом же, когда узнает, жена съест меня заживо, и будет права. — Даю трубку Галие.

Но все же встал рядом на всякий случай. Нехорошо подслушивать, но ещё хуже доводить кормящую мать до слёз. Если что, рычажок нажать несложно. Ну, бывает, междугородняя связь нестабильна...

Но они спокойно говорили и я, постояв немного над душой, всё же оставил их поболтать и вернулся на кухню. Не могу долго слушать эти извечные женские разговоры на темы, которые мне не ближе санскрита. После разговора жена ничуть не расстроилась, наоборот, счастливая, вернулась ко мне на кухню.

— Папа хочет отпуск взять и приехать к нам! — радостно заявила она.

— А мама не планирует с ним приехать? — сразу уточнил я.

— Нет, она же отгуляла уже свой отпуск, — немного грустно ответила Галия. — Но она бы приехала на ноябрьские, если получится шестое число взять за свой счёт.

Только этого не хватало. Надо будет с Загитом это обсудить.

— Как она, вообще, здорова?

— А с чего ты взял, что она может быть нездорова?

— Галия, — позвала Ирина Леонидовна, — можно тебя на минутку?

* * *

Москва. Квартира Излевых.

— Малыши спят, — прикрыла Ирина Леонидовна дверь в большую комнату. — Галия, послушай, стели Павлу отдельно.

Не надо ему спать с тобой и детьми в одной комнате. Он учится, работает. С утра сегодня невыспавшийся пошёл. Посмотри, какие у него круги под глазами. Не дай бог, заболит. Ты как-нибудь ночью продержишься, а утром я буду приходить, и тебя отпускать спать до кормления. А если сгодишься, то мы с мальчишками тебя, вообще, на шесть часов спать отпустим.

— Я сама уже об этом подумала, — призналась Галия. — Но не знаю, как ему это предложить? Он же не согласится... Он ответственный...

— А ты скажи ему, что он храпит и мешает детям спать, — лукаво подмигнула ей Ирина Леонидовна.

Галия шкодливо улыбнулась, они вдвоём вышли из комнаты. Галия проводила соседку. А та, с чувством исполненного долга, пошла отдыхать. Совсем не о здоровье молодого парня она волновалась, а как бы не начал он спокойной жизни на стороне искать. Ох, сколько таких случаев она знала, когда даже счастливые браки рушились... Жена молодая, неопытная, про мужа после родов забывает, только на детей и смотрит. Да еще пытается мужика задевать на полную катушку в разных домашних делах, и орет на него, если он без опыта что не так делает. Приходит на работу загнанный, невыспавшийся, вымотанный, злой — на таких самая охота у разных стерв идет. Покивать сочувственно, позвать к себе домой, накормить, напоить, до тела допустить, спать положить, — тишина, благодать, никто на него не орет, дети не визжат, с пеленками бегать не надо. В следующий раз сам уже придет...

* * *

Ближе к десяти примчался Марат.

— Извините, раньше не мог, тренировка, — принялся он обнимать сестру.

— А вчера что не приехал? — подколот его я.

— А мне кто-нибудь сообщил? — сделал он возмущённое лицо. — Мне только сегодня на тренировке Мартин сказал.

— Блин, закрутился. Я же и Эль Хажжам не сказал, — вспомнил я.

Хотя... мог бы у меня и сам спросить, когда Галию с детьми привезу. Молодой еще, неопытный, не понимает, в какой я

запаре бегая...

Марат позвал меня покурить на балкон, явно, желая поговорить без Галии.

— Мартин сказал, у тебя проблемы с какой-то девчонкой? — прямо спросил он. — Оговаривает тебя, мол, что пристаешь к ней?

Ну, немец, удружил, блин! Кто же брату десантнику такие вещи о муже его сестры в СССР рассказывает! Простой в своей Германии, как пять копеек. Они, видимо, там все такие вопросы за пивом мирно решают. Повезло, что Марат в морду не дал с лету, как дверь ему открыл... Впрочем, возможно, это потому, что он мне должен, как земля колхозу. Кровь кипит, а приходится рассудком такие вопросы решать, а не как инстинктивно хочется...

— Да уж, завтра даже комсомольское собрание по этому поводу будет, где эту дуру будут пытаться образумить. Невеселая история... Вот думаю — а если она начнёт на своём настаивать?

— А ты скажи ей, — возмущенно махал руками Марат, — что её враньё может очень далеко завести. Если её отец, допустим, ей поверит и придёт к тебе домой разбираться и начнёт трепать нервы твоей кормящей жене, то ты начнёшь отвечать очень жёстко. И батю под суд подведёшь за хулиганство и её за клевету. Пусть думает. И что ты ей сразу так не сказал?

— Да я подходить к этой сумасшедшей наедине опасаясь. Начнёт еще орать, что я её насилую... С ней только при свидетелях безопасно разговаривать. А при свидетелях то, что ты предлагаешь сказать, уже не стоит говорить... Перевернут потом с три короба, неправильно что-то поняв, и новые слухи пойдут по факультету. Что я ее отцу тюрьмой угрожал, если в постель не пустит.

— Да уж... — почесал затылок Марат, осознав проблему.

Мы вернулись на кухню.

— Марат, я тебе в большой комнате постелила, будешь с Пашей там спать.

— Не понял? — удивился я.

— Ты так храпишь, что дети просыпаются, — заявила жена.

— Вот те на, — растерянно взглянул я на Марата, но спорить при нём с женой не стал.

Утром во вторник специально спросил шурина, храпел я или нет.

— Не помню, честное слово, спал, как убитый, — виновато ответил он.

— Мне кажется, если рядом храпят, это не заметить невозможно.

— Не знаю, — усмехнулся Марат. — В армии под любой храп спали, лишь бы до койки добраться.

— Ну так мы же сейчас не в армии... — ответил я, но тему развивать не стал.

Это да, вспомнил, что в казарме такая привычка вырабатывается очень быстро. Храпунов будет с гарантией много, но мучиться бессонницей после обильных физических нагрузок организм тебе долго не даст. Первые годы после армии у самого такая привычка была, в поездах просто ложился и засыпал, что бы там ни творилось рядом. А вот после пятидесяти лет уже все, если кто храпит рядом, то мне бессонная ночь гарантирована... Перестала работать армейская прививочка...

В университете все разговоры были о предстоящей сегодня игре наших с канадцами и комсомольском собрании. И еще не факт, что народ больше волновало.

Ираклия не было видно весь первый перерыв, а в самом конце он подошёл ко мне и возбуждённо сказал:

— Луппиан с Самедовым всё согласовала. Так что, заткнём мы сегодня Регинку раз и навсегда.

— Вы уж там очень сильно её не размазывайте, — попросил я, вспомнив, как вытягивал из уголовного дела Тимура, отчаянно накосячившего из-за возраста. — Девчонка, всё-таки, и совсем молодая, ветер в голове гуляет. Если осознает свою ошибку и разумно начнет себя вести, дайте шанс измениться.

* * *

Москва. МГУ. Деканат экономического факультета.

— Добрый день, Виктор Афанасьевич, это начальник управления капитального строительства Министерства автодорог РСФСР Костенко Николай Иванович. Хотелось бы с вами один вопрос обсудить. Можно по телефону?

— Да-да, слушаю вас.

— У вас на втором курсе учится моя дочь Светлана Костенко. К сожалению, она подружилась с некой девушкой по фамилии Быстрова, по поводу поведения которой у вас сегодня будет проводиться комсомольское собрание...

— Это верно. Будет такой вопрос в повестке.

— Буду вам очень признателен, если мою дочь не будут вовлекать в эту историю. Она выступит среди первых и осудит поведение Быстровой.

— Это хорошо. Это будет правильным поступком с ее стороны. Думаю, всё будет в порядке.

— Очень вам признателен! Если моё управление капитального строительства может как-то помочь в обучении студентов, вы только скажите. Экскурсии в министерство, стажировки, практики — я всё организую. Запишите, пожалуйста, мой номер телефона.

* * *

Шёл на комсомольское собрание, я, конечно, без большого энтузиазма. Становится звездой скандала мне совсем не хотелось. Пусть, вроде бы, на моей стороне и правда, и поддержка комсомольских лидеров, но к чему мне все это? Дура, все же, Регинка, со своими странными идеями обрести в моем лице покровителя за секс. И со своей не менее дурацкой мстью.

Собрание факультета вела сама Луппиан. Присутствовали Самедов, наш декан, Эмма и ещё несколько преподавателей факультета.

Друзья провели большую работу, собрали устные свидетельства многих людей. Жанна их все зачитала с конкретными фактами и фразами. В итоге, все дороги привели к самой Регине. Но и молва сделала своё дело. Слухи, как обычно и бывает, обросли такими подробностями, которым сама Регина удивлялась, периодически выкрикивая: «Я такого не говорила никогда!».

После вступительной речи комсорга факультета начались обсуждения. С места вскочил Ираклий и активно затряс рукой. Но, к моему огромному удивлению, руку подняла и Светка Костенко. Причём, на неё Луппиан указал подошедший к сцене декан и Жанне ничего не оставалось делать, кроме как дать ей

первой слово.

— Светлана Костенко, второй курс. Я думала, — начала она, — что всё это шутка. Я не ожидала, что это зайдёт так далеко. При мне Регина Быстрова никогда не говорила, что Павел Ивлёв приставал к ней. Если бы я такое слышала, конечно, я бы сразу сделала ей замечание. Очень жаль, что я не смогла вовремя пресечь распространение этих нелепых слухов.

— Хорошо, — пыталась понять, как вести себя дальше Луппиан. — А что говорила при тебе Регина Быстрова?

— Что она нравится Павлу Ивлёву, и он хочет с ней близких отношений.

При этих Светкиных словах я схватился за голову. На весь факультет!.. Только этого мне не хватало.

Булатов похлопал меня по плечу, пытаясь успокоить. Тут Ираклий, наконец-то, добился слова.

— Я расскажу, как было, — эмоционально начал он. — Всё было при нас. Быстрова сама вешалась на Ивлева и не понимала никаких вежливых намёков с его стороны, что она ему неинтересна. Он счастливый отец, у него жена и только что родились близнецы. Он даже стал в столовой садиться подальше от нее, но она все никак не могла уговориться. Приставала и приставала. В итоге, когда она его совсем достала, ему пришлось с ней поговорить. Уж не знаю, что он ей сказал, но она с тех пор держалась от него подальше, а по университету поползли эти бредовые сплетни. И с чего она, вообще, взяла, что он от неё чего-то может захотеть?! Кто видел его жену, и как они друг на друга смотрят, над этим бредом просто посмеялись. Галия красавица, у них настоящая любовь!

— Так а что Регина от него хотела? — спросила Жанна.

— У меня лично сложилось впечатление, что она его пыталась соблазнить, чтобы он ей помогал. Все, кто знают Павла, согласятся, что он способен на многое в поддержке своих товарищей. Но он любит свою жену и нам видно было, что ему не нужны подобные отношения с Региной!

Затем поднял руку наш староста.

— Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Мы подходили к Быстровой, мы тебе, Паш, не говорили, — посмотрел он на меня, — но мы пытались пресечь эти сплетни в зародыше. Что ты нам ответила? — повернулся он к недовольной Регинке, скрестившей и руки, и ноги и

сверлившей его взглядом. — Что это не наше дело. Вот, сейчас это стало делом целого факультета. Вот, ответь, пожалуйста, с чего ты взяла, что нравишься Ивлеву?

— Он сам мне говорил! — выкрикнула Регинка.

— Когда? — ошарашенно поднялся я.

— Во сне! — крикнул кто-то со стороны старших курсов.

— Ну, всё понятно! Сама влюбилась, а говорит, что он! — начали хохмить старшекурсники.

— Нечего выдавать желаемое за действительное!

Шутки, смех со всех сторон. Но, что характерно, не злые.

Регинка зажалась, насупилась, но не ревела.

— Ещё раз, — взяла в свои руки собрание Луппиан, — Регина, будь любезна, объясни нам, с чего ты взяла, что нравишься Ивлеву и он хочет с тобой близких отношений?

Регинка молчала.

— Я правильно понимаю, — продолжала давить на неё Жанна, — оснований для таких утверждений нет?

Регинка не ответила.

— Молчание знак согласия! — крикнули из зала.

— Получается, что ты опорочила имя честного человека, порядочного мужа и отца? — не дождавшись реакции от виновницы мероприятия, Жанна торжественно продолжила: — Это серьёзный проступок. Мы не можем оставить его без реакции. Товарищи, какие будут предложения?

Предложения выкрикивали от самых кровожадных до отшлёпать по попе.

Что интересно, Регинка присутствия духа не теряла, и когда высказывались сурово, например, за исключение из комсомола, она резко оглядывалась, посмотреть на предложившего это, как будто запомнить хотела. Точно, не в себе девка. Я бы со стыда уже давно сгорел. А этой как с гуся вода.

На сцену к Луппиан поднялась Гаврилина, что-то шепнула ей и ушла.

— Товарищи, предлагаю, — вернулась к своим прямым обязанностям Жанна, — объявить студентке первого курса Регине Быстровой, в соответствии со статьей седьмой Устава ВЛКСМ, строгий выговор за распространение заведомо лживых сведений. Это серьезная мера, но я вынуждена учитывать то непонятное упорство, которое она нам демонстрирует, откровенное нежелание признаться в совершенной ошибке и

извиниться за нее перед товарищем Ивлевым. Если бы не это, то могли бы ограничиться и выговором. Голосуем. Кто против?

Таковых не оказалось.

— Кто воздержался?

Таких набралось пятнадцать человек, включая Костенко. Специально за ней наблюдал. Поразило, как она лихо соскочила прямо на ходу со всей этой истории. И я не я, и хата не моя. Интересно, как с ней, теперь, будет Регинка общаться? Неужели, утрётся и продолжит дружить?

— Остальные, следовательно, за. Решение принято, — подвела итог собрания Луппиан. — Надеюсь, Регина, это послужит тебе уроком, и ты не будешь, впредь, с такой уверенностью утверждать, что знаешь, что чувствует или хочет другой человек. А также пытаться оговорить его. Иначе дело дойдет до исключения из комсомола. Также, товарищи, я лично считаю, что комсомолец со строгим выговором не может участвовать в работе «Комсомольского прожектора». Но финальное решение оставляю, на усмотрение товарища Самедова, конечно.

Да уж, Жанна явно человек без компромиссов. Самедову пытается диктовать... Тот аж изумленно глаза вытаращил, не в силах поверить, что соплячка ему указывает, что делать. С другой стороны, он же сам ее согласовывал на эту позицию...

Но собрание еще не закончилось.

— Теперь, товарищи, поговорим о комсомольцах, которые пересказывали все эти сплетни, что придумала Регина. Нехорошо, товарищи! Распространять откровенную ложь о нашем товарище, который ничего плохого на самом деле не сделал, настоящему комсомольцу нельзя. Нужно было вместо этого прийти ко мне и все рассказать, тогда бы эта история так долго не продолжалась. Вот фамилии и имена тех, кто оказался в этом замешан.

Жанна зачитала список из двенадцати имен. Как интересно — оказалось, что Светы Костенко в нем нет! Ну и чудеса...

— В соответствии со статьей седьмой Устава ВЛКСМ предлагаю объявить им комсомольское порицание. И предлагаю им как следует подумать на будущее о своем поведении. Голосуем. Кто против?

В этот раз тоже против не было никого, но воздержавшихся было заметно больше. Но все же и это решение прошло.

Все. Собрание окончено!

Фух! Неужели я это пережил?

Довольные друзья меня хлопали по плечу. Подошли и Маша, и Мартин с Аишей. Все меня поздравляли. Можно подумать, мы только что выиграли в суде очень сложное дело и отмазали меня от заключения под стражу.

— Справедливость восторжествовала! — воскликнул непонятно откуда взявшийся Альфредо и бросился меня обнимать.

Ещё один. Меня рассмешила эта реакция друзей, не удержался и рассмеялся в голос.

Глава 14

После университета поехал в ЗАГС оформлять свидетельства о рождении детей. Мне предложили на выбор или подождать часа полтора, или приехать завтра. Решил время не терять и приехать ещё раз. Доставать корочки, чтобы пройти без очереди, посчитал неудобным. Мимо кого без очереди проходить, таких же свежееиспеченных родителей, как и сам, или пуще того, мимо бедолаг, что за свидетельствами о смерти пришли? Некультурно...

Приехал домой, а у нас коляска чужая посреди прихожей. Оказалось, это Жариковы в гости приехали всем семейством. Пётр выпросил у командования три дня за семьёй съездить, а сам их в выходные привёз, и теперь до четверга совершенно свободен. Сашка у них такой круглый стал.

— Ну ты брат и раздобрел, — взял я в руки племянника. — На кабачок стал похож.

Инна сразу забрала у меня ребёнка, что-то фыркнув. А Ирина Леонидовна принялась объяснять, что в четыре месяца дети ещё двигаются мало. Вот начнёт сидеть, ползать и сразу похудеет. Как будто я сам не знаю. Но пришлось кивать, словно только что постиг эту сложную истину.

Аришке пошёл третий год, егоза ещё, конечно, но по сравнению с братьями уже смысленный человек. Всё разглядывала моих мелких и показывала два пальчика, тыкая то в себя, то в парней: ей два годика и рядом два мальчика. Соображает.

Сообщил Жариковым, что выкупил эту квартиру у хозяев. Про однушку, даже, не стал пока ничего говорить. Инна и так таким взглядом Петра смерила, услышав, что тот аж вздрогнул, но, правда, вслух ничего не сказала. И что она от него ждет, чтобы он, едва в Москву попав, тут же и квартиру получил? Ну так он не генеральский сын, чтобы так произошло. Потерпеть придется, постоять в очереди. Главное, что офицера все равно не обидят, дадут жилье. Пусть в тридцать пять или тридцать семь, но дадут же. И сейчас же не на улице живут... Общежитие, да, но офицерское, не обычное. Там такая взаимовыручка, такие интересные люди попадают... С теплотой вспомнил командира и его зама военной части, которым Славку подкинул в шоферы. Глушь какая, но умные,

интеллигентные, в шахматы играют вовсю, и на очень приличном уровне, никакие тебе не солдафоны.

В последнюю категорию, разве что, мой Тимур сможет попасть. Вот уж кто ни одной книги не прочитал, и при виде на шахматную доску первым делом прикинет, как ей, не сломав, нокаутировать противника, а вовсе не шахматные комбинации начнет просчитывать...

Петр и Инна привезли ещё детских вещей, что Саньке уже малы, и подарили две пары одинаковых крохотных ботиночек на шнурках.

Галия, в свою очередь, порылась в наших запасах дефицита и собрала им полную коробку всякой всячины.

Сестра рассказывала, что видела в Святославле Тимура Полянского в форме курсанта. Вот же — только что о нем вспомнил, и тут же и новости о нем узнаю!

— Такой дядя взрослый стал, — рассказывала Инна. — Я его не сразу узнала. С девчонкой из вашего класса шёл. Славка твой мимо проезжал несколько раз. Один раз он с командиром был, не стал останавливаться, только побибикал. А второй раз мы с ним поболтали. Он с Эммой Либкинд дружит, ну, ты знаешь. Она с нашей мамой в соседнем отделе работает и на заочное поступила. Славка смеётся, что она, теперь, раньше него институт закончит.

— Как он, вообще, выглядит? — почувствовал я, что скучаю по друзьям.

— Тоже, такой взрослый стал, важный, — рассмеялась сестра и надула щёки, изображая Славку.

— Водитель командира части, — объяснил я, улыбаясь. — Это тебе не хухры-мухры.

— Даже не верится, — вдруг сказала Инна. — Я же помню, как вы все ещё в первый класс ходили.

А я не помню... Если бы не мои детские фотографии в бабушкином сундучке, то и не знал бы, как мы все выглядели тогда.

— А как там Иван Николаев? Не видела его случайно? — вспомнил я наши с ним приключения.

— Это же мой одноклассник, а не твой, — с подозрением посмотрела на меня сестра.

— Ну и что? — рассмеялся я. — Дружить нам, что ли, теперь нельзя?

— Можно, можно. Видела как-то... Что-то он не очень в настроении был разговаривать. Так, особо не делился ничем. Жену вот только, сказал, что с базы уволили...

— Да ладно! — удивился и расстроился я. — Веронику уволили? Где же она теперь?

— Вроде, в магазине работает продавцом.

— Ну да, ну да, она же торговый техникум окончила.

— Ты-то откуда знаешь? — удивилась сестра.

— Деда её, Аристарха, хорошо знаю. Мы с Галией Юльку мою Вабищевич за его племянника замуж выдали. Галия у них на свадьбе свидетельницей была.

— Удивляешь ты меня, — ошарашенно сказала сестра.

— Да, ты много пропустила, уехав из нашего городка — улыбнулся я.

Инна вспомнила, что забыла маме отзвониться, как доехали. Тут же заказали разговор, пока у неё рабочий день не закончился, и проболтали с мамой десять минут все по очереди, и Инна, и я, и Галия, и Аришка.

Короче, на волейбол я сегодня не попадаю. Пойду в пятницу.

Позвонил Эль Хажжам, трубку взял Фирдаус, сообщил ему, что в воскресенье привёз жену с детьми и пригласил навестить нас, как будет время. Фирдаус позвал Диану, она решила ехать прямо сейчас. Ну, кто бы сомневался.

— Что вам подарить? — прямо и по-деловому спросил зять.

— Памперсы, брат, — печально сказал я.

— Я понял, — рассмеялся он.

Ирина Леонидовна с Галией по очереди искупали малышей. Потом наша няня попрощалась, закончив на сегодня, и ушла. Галия и Инна остались вдвоём с четырьмя маленькими детьми, но чувствовали себя вполне уверенно. Сказал им, что б звали на помощь, если что.

* * *

Москва. Дом Ивлевых.

Альфредо ещё в метро заметил красивую соседку, с которой уже несколько раз пытался познакомиться. Шёл за ней до самого дома на небольшом расстоянии. Уже представлял себе, что скажет ей в этот раз, чтобы расположить к себе. К его удивлению, она пошла не во второй подъезд, где жили

Альфредо и Мартин, а в третий. Альфредо моментально решил, что ему срочно нужно навестить своего друга, который, какая удача, тоже живёт в третьем подъезде.

— Добрый вечер, — улыбнулся своей самой обворожительной улыбкой Альфредо соседке, ожидавшей лифт на первом этаже. Но она лишь молча кивнула и ринулась на лестницу, испугавшись чего-то. Но чего?

— Куда вы? — удивленно воскликнул ей вслед Альфредо, но открылся лифт и ему не оставалось ничего другого, как поехать на третий этаж не солоно хлебавши.

Да что ж это такое? — думал Альфредо. — Я что, настолько ужасен для русских женщин? Такая красotka... как жаль, что никак не получается с ней познакомиться. Он уже все советы от Ивлева использовал — руками перестал размахивать, улыбаться начал гораздо спокойнее, не показывая все зубы — и ничего не помогает!

* * *

Москва. Дом Ивлевых.

Тяжело дыша, Лина остановилась на втором этаже, когда поняла, что незнакомый цыган сел в лифт и проехал уже выше. Она очень испугалась, когда он зашёл за ней в подъезд, он же рядом живёт, во втором подъезде, что ему в третьем делать? Лина решила, что он преследует её, и, если бы он сделал хотя бы один шаг вслед за ней, она подняла бы крик.

Но он вышел на третьем этаже. Лина тихонько поднялась на несколько ступеней и попыталась посмотреть, что он там делает. Он позвонил в одну из дверей и вскоре она услышала радостное приветствие соседа Ивана Пашки:

— Альфредо! Дружище! Заходи!

Ничего себе, — думала ошарашенная Лина, ожидая лифт на втором этаже. — Так он не за мной, что ли, в подъезд ворвался? И что это за имя такое Альфредо? Цыгане, конечно, люди необычные, но такое имя у них она все же не слышала, пока жила в колхозе... И почему Пашка, который недавно дрался с цыганами, так радостно приветствует одного из них?

* * *

Познакомил зашедшего в гости итальянца с Жариковыми. Представил ему Галию, он, оказывается, не видел её ещё. И правда — это мне кажется, что он черти сколько уже в СССР живет, а ведь все это время Галия в Паланге и Клайпеде провела.

Эль Хажжи приехали, как раз, к началу очередного хоккейного матча суперсерии. Привезли четыре упаковки памперсов, прямо, низкий поклон им отвесил. Наскоро представил Фирдаусу и Диане Альфредо. Женщины с детьми ушли от нас в спальню, не желая слышать наши вопли отчаяния, Эспозито на первых же минутах забил нам первую шайбу.

Во время первого перерыва Альфредо на полном серьёзе заявил, что хочет жениться на русской.

— У вас у всех такие жёны красивые! — объяснил он.

— Не спеши, парень, — ответил ему Пётр. — Хорошо подумай. Русская женщина с характером.

— Это точно! — рассмеялся Фирдаус.

— Ну а у меня жена не совсем русская, — добавил я. — У меня тесть татарин, а тёща с Украины.

— Всё равно, — настаивал Альфредо. — Хочу жену отсюда.

— Так какие проблемы? — удивлённо взглянул на него Фирдаус. — Бери и женись.

— Да что-то я правильного подхода к вашим женщинам никак не найду. Сегодня опять, вот, хотел познакомиться, так она от меня убежала.

— В смысле, убежала? — не поверил я.

— Бегом! — изобразил Альфредо такой ужас на лице, что мы с мужиками расхохотались в голос.

— Не там ты знакомишься, — уверенно ответил ему Фирдаус. — Надо в университете, со студентками.

— Пытался, тоже не получилось, — грустно ответил итальянец.

— Это с Региной, что ли? — догадался я. — Ты даже не знаешь, как тебе повезло, что не получилось! Других нормальных девчонок вокруг полно, глаза, только, разуй.

— И как я могу разуть глаза? — печально спросил итальянец, — я же не ношу очки...

Пришлось объяснять ему эту идиому...

Северная Италия. Город Больцано.

Рикардо не смог дозвониться Тареку в гостиничный номер и оставил ему через портье просьбу связаться с ним.

Рикардо расстроился из-за отсрочки разговора с ливанцем. Ему не терпелось получить свои деньги. Он провёл успешную работу с владельцами разорившейся фабрики «Роза Росса», напугал их зверствами, что творят красные бригады и убедил срочно продать весь комплекс зданий вместе с землёй и, собственно, бренд «Роза Росса» залётному иностранцу, пока тот не разобрался в местной специфике.

— Он может заплатить вам целый миллион долларов! — с придыханием говорил депутат, как будто это невероятная сумма. — Главное, не тяните! Совсем скоро вы, вообще, не сможете никому продать свою старую, никому не нужную фабрику, даже и за пятьсот тысяч. Совершат красные бригады еще несколько успешных терактов, и вообще никто ничего не захочет покупать в Италии. И что вы тогда будете делать у закрытой, никому не нужной фабрики?

Владельцы фабрики дрогнули под убедительным напором депутата и согласились на миллион долларов. И это хорошо, что сработал этот вариант, иначе ему пришлось бы натравить на них своих сицилийских друзей, уже второй год обживающихся в Больцано. Но тогда пришлось бы делиться с ними частью гонорара от Тарека, а зачем? Это сто пятьдесят тысяч долларов посреднических! Ничего, они свое возьмут, когда он отстроит свой бизнес и завод начнет снова работать.

Ну и где ливанца носит!? — сгорал от нетерпения Рикардо, желая поскорее получить свои деньги.

Но тут Тарек позвонил, и они договорились о немедленной встрече в том же уличном кафе в исторической части города, в котором завязалось их сотрудничество. Гостиница, к счастью, была буквально в двух минутах от кафе, как и офис депутата.

— Вижу, у вас хорошие новости, — сразу заметил нетерпение Рикардо Тарек, едва сев за стол.

— Да. Мне удалось сбить цену! В результате очень сложных и долгих переговоров я добился снижения цены вдвое!

— Поздравляю, — удивился Тарек. — Прекрасный результат.

— Я хотел бы получить свою часть, — сразу потребовал депутат.

— После сделки, — твёрдо ответил Тарек. — Если она состоится по объявленной вами цене.

— Обязательно состоится, — разочарованно ответил Рикардо. — Как же иначе?

— В ваших интересах организовать мне встречу у нотариуса с владельцами фабрики как можно быстрее, — улыбнулся Тарек и щелкнул пальцами, подзывая официанта.

Депутат поднялся с недовольным видом, отказался от трапезы, пожелав сразу заняться организацией сделки, и они попрощались.

* * *

Инна несколько раз предлагала Петру ехать домой, но он уговаривал её дать ему досмотреть матч, пообещав взять такси.

Надежда на ничью сохранялась почти до самого окончания третьего тайма. Но наши, всё-таки, продули в очень упорной борьбе. Судя по доносившимся извне приглушенным воплям, разочарование накрыло весь наш дом.

Жариковы тут же собрались домой. Альфредо тоже ушёл. Решил проводить Жариковых до такси, и правильно сделал, держал спящего Саньку на руках, пока Пётр с водилой складывали и прятали в багажник коляску.

Думал на ходу, что, теоретически, примерно помня невеселые результаты матчей, мог бы неплохо заработать в подпольном тотализаторе, ставя на канадцев. Вася, наверняка, подсказал бы мне, куда обратиться, стоило бы мне только заикнуться. Как бы ни хотело ОБХСС прикрыть все подобные конторы, но те, которыми пользовались большие люди из московской элиты, закрыть было невозможно. Но оно мне надо? Все равно это околोकриминальные круги, и светиться мне в них с моими доходами совсем не с руки. Выиграл бы пару раз подряд, унеся оттуда солидные суммы, но мог бы привлечь к себе внимание совсем не тех людей, с которыми стоит тесно общаться...

Вернулся домой, а Галия сказала, что Сатчан ждёт звонка. Сразу ему и набрал. Он попросил о встрече, и я объявил жене и Эль Хажжам, что должен буду отойти на полчаса-час. Фирдаус

сразу же засобирався домою, Діана його підтримала.

— Ну, як тобі хокей? — розчаровано спитав Сатчан, коли я підсів до нього в машину.

— Такий хокей нам не потрібен, — відповів я.

— Ось саме, — буркнув він. — Слухай, розумію, що тобі зараз ні до чого, ні робота є робота. По автобазі. Захаров не хоче чекати дві тижні, він хоче побачити результати раніше. Сделай анализ по второму кварталу, черт с ним с третьим. Я папери завтра тобі привезу.

— Добре, — мислено чертыхнувся я. — Сделаю. А як би дізнатися у Захарова один запит? Він обіцяв нарахунок моєї відвідуваності в університеті домовитися, щоб від мене не вимагали кожну пару сидіти...

— Так уже давно домовився ж, — здивовано подивився він на мене. — Прямою з ректором. Він хоч і входить в дуже високі кола, а без московських властей багато важливих для нього питань по господарській частині ніяк не вирішиться... Що, хто-то що-то на твоєму факультеті не зрозумів?

— Да черт его знает. За фізкультуру боюся, що влітєть за пропуски... Ні вив'ясню завтра.

— За фізкультуру? — з усмішкою подивився на мене Сатчан. — Возьми офіційну справку в секції самбо у Марата, що займаєшся, і учасствуєш в змаганнях. І нехай від тебе відстануть.

— А так можна? — здивувався я.

— Було можна. Якщо, развє що, помінялось щось-нібудь.

— Спасибі за підказку. Марат приїжджав вчора. Жаль, не знав про такий фокус, зараз би у нього справку попросив.

— Ну, я завтра попрошу. Яка різниця? Не про те думаєш.

— А про чим треба думати? — напружився я, подумав, що наша групування від мене ще яких-то подвигів чекає.

— Про агітбригаду забули всі? Вересень майже закінчився. На картошку ж в цьому році не їздили. А де виступлення?

— Зрозумів, — озадачено відповів я. — Склад меняти доведеться, багато народу отсеялось по різних причинах. Коли потрібно виступити першим раз?

— Ну, хоча б одне виступлення в вересні встигнеш організувати? — з мольбою в очах подивився на мене Сатчан. — Для звіту треба.

— Постараюсь. Завтра ж займусь, — пообіцяв я, а сам

лихорадочно пытался вспомнить, где у меня оба сценария?

— Да, и ещё. Нужны предложения по музейному комплексу.

— Какие ещё предложения? — недоумённо посмотрел на него я. — Я ж, и так, уже столько всего предлагал!

— Место. Идея очень понравилась, но где именно ее реализовать? Нужно конкретное место. Чем ближе к столице, тем лучше, но без фанатизма. Хотя не совсем удачно выразился. Чтобы не совсем вот уже близко. Хоть километров тридцать от нее было минимум. Но и не три сотни нужно было пилить, чтобы добраться...

— А почему я? — удивлённо посмотрел на друга.

Он многозначительно поднял брови, недвусмысленно намекая.

— Ясно. Инициатива наказуема, — понял я.

Хотя, — думал я, попрощавшись с Сатчаном, — если учесть, что я сам попросил себе большую долю в этом будущем комплексе, то мне и сунули все карты в руки, трудись, не надорвись.

Придя домой, удивился тишине и пустоте в квартире. Заглянул в спальню, Галия и дети спали. Три верёвочных системы, что я соорудил на скорую руку, использовались только на треть. Только на одной из верёвок сушились пелёнки. Всё-таки памперсы — великое изобретение.

Порылся в своих бумагах, нашёл оба сценария выступлений для агитбригады и положил в портфель, чтоб не забыть.

По сложившейся уже привычке, посмотрел ежедневник на завтра. Дописал себе туда «агитбр.», «замок». Перечитал старые записи и, среди прочего, наткнулся на тему лекции и пометка «согласование». Точно, у меня же в четверг лекция на Лубянке. Завтра надо отвезти текст на согласование. Прощай отдых.

Сел писать, а что делать? Легализовывать доходы тоже как-то надо. А так, чуть-чуть капает от Института стекла по линии КГБ, что-то от ЗИЛа, что-то от Верховного Совета, от общества «Знание» нехилые такие выплаты случаются, стипендия опять же и гонорары за статьи. Пусть кто-нибудь докажет, что я не по средствам живу.

Тема для КГБ «Использование технических средств в управлении отраслями народного хозяйства СССР». Хорошая тема, по моему профилю. Можно до бесконечности говорить. Но надо расставить приоритеты. Уже несколько дней

вынашивал методику оптимизации грузоперевозок для нашей автобазы. Вот и про это в лекцию, среди прочего, вставил. Автоматизация этого процесса позволит сэкономить и уменьшить сроки доставки. Плюс оптимизация грузопотоков, в целом, для народного хозяйства имеет решающее значение. Не возить через всю страну грузы, а искать нужные материалы поблизости от получателя. Наличие специализированных баз данных позволит решить эту задачу.

Ну, и в целом, автоматизация любого учёта позволит выйти на качественно новый уровень анализа всех данных, возможность быстрого поиска нужных данных и так далее, и тому подобное. Написал много. Пусть изучают. Спать пошёл в четвёртом часу утра.

В среду на первой же паре Лёха обратился ко мне с просьбой заняться организацией работы по вечерам и выходным для нашей команды.

— Я позвонил Воздвиженскому, — говорил друг. — Он готов дать нам объём, но я не хотел бы без тебя к нему ехать. Только ты из него способен шикарную цену вытряхнуть.

— Лёх, ни сегодня, ни завтра не могу, — сонно ответил я, недосып, несмотря на молодой возраст, все равно не шел на пользу, — только в пятницу. А тут ещё выступление агитбригады надо успеть до конца сентября, хотя бы одно, организовать на ЗИЛе. Забыли все, что картошки в этом году нет. Не выступим до конца сентября ни разу, комитет комсомола заводской подведём и райком. Можешь помочь? Костенко не приглашаем в этом году. Ну её нафиг. Ираклия надо попросить, Витю, Машу Шадрину. Блин, если завтра выступать, то я не могу, у меня лекция. Блин! У меня завтра две лекции! Короче, справитесь без меня?

— А кто вместо Костенко будет? — озадачился Лёха.

— Аишу попросим.

— А вместо тебя?

— Мартина Нойлера. Они не откажут.

— Хорошо, давай, я нашим скажу и попрошу Витю до Маши дойти в перерыве. А на обеде Мартина с Аишей познакомим со сценарием. И останемся на репетицию сегодня. Всё нормально будет. Выкрутимся, — уверенно заявил Лёха. — В конце концов, сами все сценки отыграем. Мартину и Аише по одной сценке дадим для проформы. Пусть в русском

совершенствуются. Если так сказать, то тут же побегут участвовать.

— Спасибо, дружище. А то я в полной запаре.

В перерыве Лёха, в присущей ему суетливой манере, с преувеличенной важностью забегал по друзьям, ставя им новую задачу, к моему полному удовольствию и благодарности, а я помчался к Эмме Эдуардовне узнать про моё свободное посещение.

Её в кабинете не оказалось и мне пришлось ждать. Чуть не весь перерыв её прождал, вышагивая вдоль по коридору туда-сюда. Ну, тоже полезно, разминаюсь...

* * *

Москва. МГУ. Кабинет Самедова.

Вспоминая вчерашнее комсомольское собрание экономического факультета, Рашид Фархадович подумал, что Луппиан вчера слишком разошлась. Взять, вот так, на весь факультет и указать ему, секретарю комсомольской организации МГУ, что ему нужно делать. Это нельзя так оставлять ни в коем случае.

Если она хотела мне сказать, — думал Самедов, — что Быстровой в «Комсомольском прожекторе» не место, то надо было делать это, во-первых, наедине, а во-вторых, преподнести это, даже, не как совет, а как... Самедов задумался, какая форма высказывания его не оскорбила бы? Вот! Луппиан должна была прийти ко мне и доложить, что среди комсомольцев распространено мнение, что Быстровой в «Комсомольском прожекторе» не место. Да, это было бы уместно! Тогда бы я, может быть, и прислушался бы. Но Луппиан же так не умеет! А, может, не хочет? Ничего, не может — научим, не хочет — заставим, — пододвинул к себе телефонный аппарат Самедов. Да, нельзя такое беспардонное поведение поощрять, сейчас позвоню и устрою ей!

* * *

Глава 15

Москва. МГУ.

Наконец, увидел Эмму Эдуардовну, идущую по коридору в сторону своего кабинета. Издалека увидела меня и улыбнулась. Очень даже благожелательно. Неплохое начало.

— Добрый день, Эмма Эдуардовна, — сделал я ей шаг навстречу, — мне бы один вопрос уточнить. Меня к ещё одной работе привлекли, уже по линии горкома, и обещали послабление с режимом посещений пар организовать...

— Да-да, есть такое распоряжение деканата, — открыла она свой кабинет и пригласила меня жестом войти. — Не беспокойся, главное — присутствуй на лабораторных, семинарах. Ну, и все курсовые, зачёты и экзамены должны быть сданы, но с этим тоже поможем.

— А это всё официально? — решил уточнить я.

— А тебе надо официально? — озадаченно взглянула на меня она.

— Для меня-то непринципиально, — поспешил объяснить я. — Я пытаюсь понять, как мне с преподавателями себя вести?

— Как? Все предупреждены. Никто не будет тебя искать, если на лекциях отсутствуешь...

— Этого достаточно?

— Почему ты спрашиваешь?

— Да с физкультурой вышли какие-то непонятки... Но мне подсказали, что можно принести справку о том, что я занимаюсь в секции самбо для решения этого вопроса. На ЗИЛе.

— Конечно, приноси, — кивнула она. — А на кафедру физвоспитания я обязательно загляну. Ты прав — туда я еще не добралась.

— Спасибо, Эмма Эдуардовна, — приложил я руку к груди в знак благодарности и поспешил раскланяться, так как на пару уже надо было бежать.

Ну вот, словно камень с плеч. Свободное посещение! И с физкультурой теперь все разрулим. Понятно, почему Король не в курсе, что мне можно тренировки прогуливать. На ещё одну тренировку схожу, чтобы убедиться, что она до него добралась и политику партии прояснила, и буду ходить раз в месяц, чисто размяться. Надеюсь, развод тренер переживет, вернется в

нормальное настроение, и мы снова будем играть в волейбол, а не тренировать отдельные элементы. Ну и когда справку Марат сделает, то зачёт по физкультуре, как я понимаю, у меня будет автоматом.

* * *

Москва. МГУ. Комитет комсомола экономфака.

Жанна Луппиан, пока слушала возмущенные крики Самедова, карандаш одной рукой сломала, так его слова её обидели. Конечно, она погорячилась, когда высказалась на собрании, что Регине Быстровой не место в «Комсомольском прожекторе», но она тут же исправилась! Сразу же сказала, что последнее слово, конечно, будет за товарищем Самедовым. Зачем же он с ней так?!

— Ты поняла, Луппиан? Я тебя на это место поставил, я тебя и сниму, если не понимаешь, что уместно, а что нет, — продолжал унижать её Самедов. — Ты в следующий раз, говори, да не заговаривайся.

— Я поняла, Рашид Фархадович. Прошу меня извинить на первый раз, — с трудом заставила себя сказать Жанна.

Пока не закончу аспирантуру, — с досадой подумала она, положив трубку, — придётся терпеть эту жирную крысу.

* * *

Прибежал на занятия, думал, опоздал, а у нас в группе девчонки переругались. Я ещё на собрании обратил внимание, что в список причастных к распространению сплетен про меня, получивших порицание, вошло и несколько наших девчонок. Галя Романович, Катя Слонова, Мила Челнинцева, Оля Паршина и Алина Величко. Все пять девчонок стояли теперь над Костенко и предъявляли ей вполне конкретно, что она всё слышала, охала-ахала вместе со всеми и за голову хваталась, переживая за Регину, а на собрании это, вдруг, с ее слов, превратилось в нелепые сплетни. И почему она в список виноватых не попала, хотя не меньше остальных хихикала и масла в огонь подливала?

Костенко сидела с невозмутимым видом, только немного раздосадованная. А когда я вошёл и всё это увидел, она встала

и повернувшись к девчонкам, раздражённо сказала:

— Потому и не попала, что, прежде, чем что-то сказать, головой думаю!

— А мы, хочешь сказать, головой не думаем? — потрясённо уставилась на неё Романович. — Ну, спасибо тебе Светочка, за подсказку. Буду иметь в виду.

— Я тоже, — фыркнула Слонова.

И все наши девчонки отошли от Костенко, как от змеи ядовитой. Ну, что же... Всё потихоньку становится на свои места.

Только, что это на Светку нашло? Нормальная же девчонка была. Никогда же раньше не позволяла себе так небрежно об окружающих отзываться. Ну да, вначале у нас конфликт был, когда она старостой подумывала стать, но моими усилиями пролетела, но я думал, что она уже о нем забыла. Неужто тот проигрыш ее так раздосадовал, что она все это время, затаив злость, ждала повода отомстить?

* * *

Регина никак не ожидала, что все окажется так серьезно. Ну ладно, строгий выговор... Досадно было лишь, что она как-то оказалась не готова противостоять Жанне и всем остальным на комсомольском собрании. Когда шла туда, планировала, что будет держаться своей выдумки о приставаниях Ивлева до конца. Но когда все на нее навалилось, пришлось признаться, что врала о домогательствах. Это было очень неприятно...

Дома она вела себя тихо, как мышка, родители и не поняли, что у нее что-то случилось. Но поутру оказалось, что строгий выговор — это еще далеко не все неприятности. Девчонки с ее курса, как оказалось, очень нервно отреагировали на то, что им вчера вынесли из-за нее порицание на комсомольском собрании. Они столпились около нее в аудитории, и начали ругаться. Она не реагировала, но они так завели друг друга, что одна из девчонок, в пылу эмоций, залепила Регине пощёчину. Донельзя удивлённая и возмущенная Регина, в ответ, попыталась ответить тем же, но промазала и попала ей по носу. У одноклассницы пошла носом кровь, все сразу от Регины отстали и стали оказывать помощь пострадавшей.

* * *

Москва. МГУ. Кабинет Самедова.

Сделав выволочку Луппиан, Самедов отвлекся на дела, но, закончив с ними, задумался-таки о Регине. Так-то, если посмотреть правде в глаза, к ней, действительно, есть серьезные вопросы. Как со строгим выговором можно работать в такой серьезной комсомольской организации? Комсомольский прожектор — для лучших из лучших! Но за глаза такой вопрос решать нельзя. К тому же его очень заинтересовал один момент... А именно, слова одного из мальчишек, что девчонка искала в Ивлеве покровителя. Самедов опять позвонил Луппиан.

— Быстрову ко мне, — распорядился он.

* * *

МГУ.

Регина уже думала, что всё обойдётся, как, вдруг, её вызвали к Самедову.

Сердце ее буквально провалилось куда-то внутрь. Она решила, что после утренней стычки кто-то из одnogруппниц, которые вместе с ней попали вчера на собрании под раздачу, пожаловался на рукоприкладство. Она шла и придумывала, как будет оправдываться. Всё-таки то, что произошло утром, было очень похоже на драку. А ведь у нее уже есть строгий выговор! Всего лишь за слова... Что же с ней сделают за разбитый нос однокурсницы?

Какой ужас будет, если её отчислят... Родители так гордятся, что она поступила в главный университет страны, пусть, и со второго раза. Она и сама гордится этим. Да весь её жизненный план строится вокруг МГУ. Вылететь сейчас — это конец всему, это позор, это невозможно!

Она робко постучала в дверь кабинета Самедова.

— Рашид Фархадович, можно? — приоткрыла она дверь и заглянула внутрь.

— Заходи, Быстрова, — ответил Самедов. Он был серьёзен и строг. — Садись, — показал он на ближайший к себе стул за большим столом, за которым они проводили собрания «Комсомольского прожектора». — Ну, рассказывай, что ты нам

тут устроила?

— Я не хотела, — ответила Регина, чувствуя, что земля уходит из-под ног. Все-таки настучали девки за разбитый нос... Вот сучки!

— А что ты хотела?

— Ничего...

— Ты понимаешь, что сейчас речь идёт о твоём отстранении от работы в «Комсомольском прожекторе»?

— Ну, ладно, — обречённо пожала плечами Регина, даже с некоторым облегчением — главное, что не исключают из университета.

— Что значит, ладно? — поднялся со своего места возмущённый Самедов и упёрся обеими руками в стол, недоумённо уставившись на неё. — Быстрова! Это что, вообще, такое? А завтра ты нам опять что-нибудь устроишь?

— Нет, — мельком взглянула она на него.

— Объясни, чего ты, вообще, полезла ко второму курсу? Тебе что, своих парней мало?

— Свои младше меня, — объяснила Регина, начиная понимать с огромным облегчением, что Самедов, похоже, о драке не в курсе. И ей так полегчало, что внезапно пробило на откровенность. — Я ещё в прошлом году поступала и не поступила. Я с нынешним вторым курсом все вступительные экзамены в прошлом году сдавала.

— Понятно. И решила, что вы, теперь, друзья... Но сплетни зачем надо было распускать?

— Ивлев послал меня! Грубо! А Света Костенко посоветовала отомстить ему.

— Ну, про Костенко это отдельная тема... Хотя интересно, да... А зачем ты, вообще, к Ивлеву полезла? Тебе же наверняка сразу сказали, что он женат. И жена в положении!

— Ну, и что? — взглянула Регина на него, уже немного осмелев. — Все говорят, что он очень далеко пойдёт, он бы и мне во всём помогал... Ну и... Он симпатичный.

— Ну так если ты себе покровителя ищешь, то зачем вообще полезла к такому мальцу, пусть и женатому? — улыбнулся ей Самедов и медленно, обстоятельно, прошёлся по ее фигуре сальным взглядом. — Ко мне бы подошла, познакомилась. Намекнула, что ищешь мужчину, что будет о тебе заботиться. Настоящего мужчину, а не пацана. Вот что может тот же Ивлев

по сравнению со мной? Ты мою должность на табличке двери видела, а? Да он никто по сравнению со мной, и вряд ли когда-то сможет добиться такой высокой позиции. А то ли еще будет в будущем! Передо мной все дороги открыты! Ну и я, разве, не симпатичный?

Регина судорожно сглотнула, окинув его взглядом, но, представив себе последствия своего отказа, постаралась мило улыбнуться.

Обрадованно улыбнувшись, Самедов прошагал мимо нее к двери, вставил в замок ключ и повернул.

* * *

В столовой при всех торжественно вручил Маше Шадриной оба сценария для выступлений агитбригады и объявил её художественным руководителем нового состава. Мартин с Аишей напряжённо вслушивались в каждое моё слово, участвовать в самодеятельности, до сих пор, им ещё не приходилось.

— Последний раз выступите, пожалуйста, старым составом, — напутствовал я друзей. — Выручите и меня, и ещё кучу народу. Заодно новичкам покажете, как это должно быть.

— А к кому мне там обращаться завтра на ЗИЛе, — уточнила Маша, — чтобы нас пропустили?

Продиктовал ей телефон помощника секретаря комсомольской организации ЗИЛа и сразу же побежал ему звонить, пока помню.

Предупредил Варданяна, что агитбригада завтра будет, во-первых, без меня, а во-вторых, двумя составами: старым и новым. Чтоб он не пугался, что народу так много.

Вернулся в столовую, наши уже отсели в сторонку и репетировали. Сел рядом, Маша тут же пересела ближе ко мне.

— С Мартином тяжело будет, — зашептала она мне. — Он не понимает, что такое «своими словами». Считает, что если в сценарии написано так, то обязательно так и надо говорить. И волнуется, что словарного запаса не хватит для импровизации... Хотя он очень неплохо по-русски говорит для иностранца... Только по акценту и понятно иногда, что не наш.

— Ничего, оботрётся, — заступился я за него. — Ты ему напомни правило, что от перестановки мест слагаемых сумма

не меняется.

— Хорошо, — улыбнулась Маша. — А как думаешь, когда можно будет вас навестить? Я уже так по Галие соскучилась. Мы по телефону поговорили, но это не то. И малышей хочется посмотреть.

— Даже не знаю, когда, — растерялся я. Галия лучшую подругу пригласила бы сразу, если бы посчитала это возможным. — Ты, лучше, ей сама позвони и договорись. У нее же там расписание кормлений...

— Конечно, я понимаю, — благодарно посмотрела она на меня и вернулась к своей, теперь уже, агитбригаде.

* * *

Москва. Сквер перед ГЗ МГУ.

Марата задели слова Паши, что он Аише не ровня. Ещё отец, что-то заметив, вытянул его на разговор и услышав, что девушка сыну очень нравится, сказал:

— Нравится, добивайся, в конце концов, далеко не всё решают деньги. Но Паша прав — будь готов к тому, что она не сможет пойти против своей семьи и, если они ей скажут за кого-то своего выходить, она может и послушаться родителей. Там капитализм, сынок, они слишком много внимания деньгам уделяют, нам это трудно понять. Восток дело тонкое, к тому же. Это тебе не наши женщины, которым всё нипочём, лишь бы милый рядом... А как с этой будет — большой вопрос, сын.

Но Марат решил рискнуть, он чувствовал в Аише родную душу... Выбрав время между занятиями у себя в училище и тренировкой по самбо, прикатил к МГУ на своём Вартбурге и ждал Аишу, заранее узнав у Мартина время окончания занятий.

Девушка не ожидала его увидеть, растерялась и обрадовалась. Его более чем удовлетворило всё, что он увидел на её лице и осмелев, он галантно предложил подбросить её до дома.

По дороге они болтали обо всём подряд, он рассказывал ей, как разрывается в училище между своими занятиями и преподавательской деятельностью. Хорошо, что ему идут навстречу и разрешают посещать занятия вечерников, когда он что-то не успевает со своей дневной группой.

— Они уже сами мне говорят, главное, лабораторные не

пропускай, — весело рассказывал Аише Марат, — и сдавай контрольные с курсовыми. Ну и зачёты с экзаменами, разумеется.

— Вот бы мне так учиться, — смеялась Аиша.

Она рассказала ему, что дядя Фирдаус обещал купить ей машину, если водить научится.

— Где у вас учатся на водительские права? — спросила его девушка.

— Научить-то я тебя сам научу, — задумался Марат. — Но ты же гражданка Ливана. Может, тебе проще у вас сдать?

— Я не подумала об этом. Я спрошу у дяди.

— Да, разузнай. У нас, просто, это история на целых полгода. Тебе тяжело будет и в университете, и в автошколе учиться. Я, конечно, спрошу у сестры, в какой автошколе они с мужем учились. Может, летом, на каникулах, и позанимаешься, чтобы знать наши правила.

Пока они доехали, успели и посмеяться, и на серьёзные темы поговорить, и прощались они уже как давние хорошие знакомые. Марат поразился этому ощущению и подумал, что он всё правильно делает. И у него теперь был её номер телефона!

* * *

После пар поехал на Лубянку. Надо сдать лекцию на согласование и узнать время ее проведения, чтобы не совпало с выступлением на Асфальтобетонном заводе. С облечением узнал, что лекцию в КГБ запланировали на 10 – 00 утра. Удачно вышло! Теперь ИONOва не придется тревожить с переносом.

После Лубянки заехал в ЗАГС, получил свидетельства. Ну, наконец-то, наши дети с документами. Сразу поехал в поликлинику и прикрепил их к Кремлёвке. Выяснил, кто нас будет вести и пошёл договариваться об осмотрах на дому хотя бы первые полгода, а лучше и до года.

Доктор Алимов оказался немолодым мужчиной, невысоким, худым, напомнил мне своей лохматой седой шевелюрой доктора Айболита из мультика. Он удивился, что я без ребёнка на приём пришёл. Пришлось объяснять, что у нас двойня, а коляска в лифт не входит.

— Я вам буду очень благодарен за всю необходимую помощь на дому, — сказал я ему. — Жене не справиться одной с двумя

детьми, а я вечно занят работой по самые гланды.

Он взял у меня выписки из Клайпеды.

— Не в Москве рожали? — удивлённо взглянул он на меня.

— Так здесь дышать же нечем было, — пожал я плечами, — какой у меня был выбор?

— Надо договориться, чтобы им выдали весы домой и ростомер, — взглянул доктор на медсестру, сидевшую с ним на приёме, и я понял, что он согласен. Слава богу. А то если ещё на полдня отпрашиваться в поликлинику, это будет совсем нехорошо.

Медсестра вышла из кабинета, а доктор начал делать записи в картах, которые тут же и завёл. Закончив переписывать в карты данные со свидетельств о рождении, он спросил у меня номер телефона и сказал, что приедет сразу, как дадут машину.

Попросил его, на всякий случай, позвонить и предупредить о своём приезде.

— Чтобы жена дома была, — объяснил я. — А то уйдёт куда-нибудь в аптеку. Ей помогает с детьми соседская бабушка, отпускает её по надобностям. Но лучше уж жене самой присутствовать при вашем визите.

— Конечно, конечно, — кивнул доктор.

Так легко согласился. Возьмёт он, интересно, деньги? Или побоится связываться с кремлёвским работником? Или я не один тут такой умный и у них практикуется такая форма обслуживания?

— Я целыми днями на работе, могу не оказаться дома в момент вашего приезда, — подбирал я слова, чтобы не обидеть и не напугать доктора. — Чем я могу вас отблагодарить за такие дополнительные хлопоты, я же понимаю, вы не обязаны к пациентам на дом ездить с профосмотрами...

— Да вы что! Это моя работа! — всё-таки испугался он.

Хорошо, что в кабинет вошли две медсестры, а то я, прямо, не знал, что дальше говорить. Они принесли детские весы и ростомер с инвентарными номерами, которые доктор переписал в одну из карт. У меня создалось такое впечатление, что они это не первый раз делают. Но не важно, главное — результат. Поблагодарил от всей души.

Весы оказались довольно тяжёлыми, а ростомер громоздким. Пришлось взять такси.

Кое-как притащил это всё домой, а у нас гости. Загит

приехал. Как и обещал, в отпуск. Отпустили его на целых полтора месяца. Так что, он с нами до конца ноябрьских праздников.

Обрадовался ему, мне сразу спокойней стало, что ещё и он с Галией побудет полтора месяца. Ирина Леонидовна, конечно, очень ей помогает, но их двое, и детей двое. Как в магазин или аптеку надо уйти, кто-то один должен с двумя детьми остаться. А так у них ещё и Загит на подхвате будет. Он хороший дед, только с внуками повозиться ему не выдалось.

Когда я пришел домой, одного накормленного малого он добросовестно носил на руках в вертикальном положении, дожидаясь благородной отрыжки.

— Как я вам рад! — сказал ему искренне.

— Это что ты принёс? — с любопытством рассматривал он весы и ростомер.

— В поликлинике выдали. Попросил доктора на дом к нам приезжать, чтобы нам с детьми в поликлинику не мотаться.

— А разве так можно? — удивился Загит.

— Почему нет, — пожал я плечами и заглянул в спальню. Жена кормила второго. — Дорогая, свидетельства получил и прикрепил сегодня пацанов в Кремлёвку. Будет звонить доктор Алимов Виктор Львович, предупредит, когда приедет.

— Зачем? — спросила жена.

— Познакомиться хочет, он же вас ещё не видел.

— А почему вы сами детей в поликлинику не повезли? — удивилась Ирина Леонидовна.

— Двойняшек они на дому осматривают, — соврал я.

— Это же Кремлёвка, — как о само собой разумеющемся ответила ей жена.

— Тут ещё знаете, что? Мне на работе надарили талонов в «Детский мир», но они все сентябрьские, надо срочно ехать отоваривать. Ирина Леонидовна, может, отпустите завтра Галию? А то я же понятия не имею, что нам надо по детской части.

— Конечно, Паш, езжайте.

— И папа поможет, — подсказала Галия.

Ну всё, отлично. Со всеми, вроде, договорился. Всё разрулил.

Пришёл на кухню к Загиту, который так и держал малыша вертикально на руках.

— Ну, и кто ты у нас, — подошёл я к ним, — Руслан или Андрюха?

— Русланюха, — рассмеялся счастливый дед. — Возьми ребёнка.

Взял у него сына, мне показалось, он сфокусировался на мне. Специально несколько раз отводил руки с ребёнком подальше от своего лица. Он определённо следил за мной. Такой смышлёный взгляд...

— Глянь, как смотрит задумчиво, весь в тебя! — сказал мне Загит.

Затем, что-то вспомнив, Загит ненадолго исчез, а потом появился с конвертом и открыл его.

— Вот, две восемьсот за машину Марата, — положил он на стол стопку купюр. — И надо вам уже стенку покупать.

— Надеюсь, не все семейные запасы выгребли? — сочувственно посмотрел я на него.

— А для чего их копить? Ты ещё молодой, тебе не понять. А чем старше становишься, тем меньше хочется. Деньги молодым нужнее.

Тут раздался звонок в дверь. Резко и противно. Загит забрал у меня тут же расплакавшегося малого.

Пошёл открывать. На пороге стоял Мартин и смущённо переминался с ноги на ногу.

Глава 16

Москва. Дом Ивлевых.

— Привет, — несколько удивленно поздоровался я, увидев Мартина на пороге с большой коробкой в руках. Не ждал его в гости, ни так, ни с коробкой.

— Это тебе твой друг передал, — тут же пояснил немец, — у него там ещё много коробок в машине...

— А, Сатчан приехал? Помочь надо? Я сейчас.

Быстро переобулся, мы вышли вместе во двор и быстро перенесли вместе с Мартином и Сатчаном ещё три коробки ко мне в квартиру.

— Смотри, что у меня есть! — показал мне довольный Сатчан готовую справку о том, что я занимаюсь в спортивной секции ЗИЛа. — У них там бланки уже с печатями, только заполняй и выдавай. Знали бы, что у тебя проблемы в университете, давно бы уже сделали. Ты не молчи в следующий раз, чем можем, тем поможем!

Тут к нам вышла Галия с малышом на руках.

— Это кто у нас тут такой? — неожиданно засюсюкал Сатчан. — Как вы их называли-то?

— Привет! Руслан и Андрей, — ответила, улыбаясь, Галия.

— А это у нас кто?

— Это Русик, — уверенно ответила жена.

— Значит у вас, — обратился я к Загиту, сидевшему со вторым малышом на кухне, — Андрей. Надо их как-то пометить, — добавил я и мы с друзьями рассмеялись.

— Ну, ладно, не буду мешать, — спохватился Сатчан и начал прощаться.

Мартин собрался, вроде бы, уйти за ним, но неожиданно показал мне на выход едва заметным движением.

— Провожу парней, — сказал я своим, и мы все вместе вышли на площадку.

— Маякни мне, как посмотришь документы, сколько тебе времени надо, — попросил Сатчан, попрощался с нами и побежал бодро вниз по лестнице.

— Слушай, — тихо заговорил Мартин, — я, может, не в своё дело лезу. Но я помню, как вы с Маратом спорили насчёт Аиши... В общем, он её сегодня из университета встретил и увёз куда-то на своей машине.

— Елки-палки, лес густой, — вырвалось у меня. — Не отступился, значит... Ну, а что я могу сделать? Что думал, я ему уже сказал. А так — они взрослые люди, пускай сами разбираются. Спасибо, Мартин.

Он кивнул, заметно расслабившись, попрощался и ушёл. Надо же, какой бдительный немец попался... Не был бы таким простодушным, подумал бы, что он из немецкой разведки. Но это вряд ли... Да и даже если так, Штази — дружественная СССР разведка. Пусть в Берлине узнают про влюбленность Марата в Аишу и тут же и забудут, всем до голубой звезды, кроме родственников, что между ними происходит.

Ничего предпринимать я не собирался, но мысли не отпускали. Есть в этом и моя ответственность, Марат мой шурин, и именно я их с Аишей, получается, познакомил. И хотелось бы отмахнуться от этой ситуации, но беспокойство не отпускает. Если случится с Аишей что-нибудь вроде неожиданной беременности, мне будет очень неудобно перед Фирдаусом и Тареком.

Ну а так — и Аиша уже не ребёнок, и Марат, тем более. И у Фирдауса с Дианой глаза и уши есть, должны заметить, если что-то происходит у них под носом начнёт не то. А мне и самому есть о ком беспокоиться.

* * *

Москва. Квартира Быстровых.

Регина пораньше легла спать, сказавшись уставшей, но никак не могла уснуть. Её било мелкой дрожью. Она не раз представляла себе, как это случится, но не ожидала, что будет именно так: буднично, между делом...

Однако, Рашид резко изменился после того, как обнаружил, что она девственница, стал добрым и обходительным. Называл её «девочка моя» и «глупышка». И обещал в порошок растереть любого, кто только посмотрит на неё косо. Вот это понравилась Регине больше всего!

Вообще, не такой уж он и страшный оказался, особенно, когда улыбается. Жаль, конечно, что он старый. Ему, небось, уже под тридцать. Был бы он помоложе, вообще, здорово было бы. А так-то он солидный мужчина, всё при нём.

Ну и пусть старый, — подумала Регина, немного

успокоившись. — Зато вон он как на меня смотрит! Да я при его помощи теперь со всеми своими обидчиками счёты сведу. И никто меня теперь не отчислит, даже если узнают, что нос разбила этой дуре Любке.

С кого же начать? — злорадствовала она. — Или, всё же, сначала, привязать к себе посильнее Рашида?

* * *

Вернулся в квартиру и принялся перетаскивать коробки с документами на кухню.

— Всё нормально? — спросил Загит, озабоченно глядя на меня.

— Да, все хорошо. Просто работу на дом привезли, — поспешил ответить я. — Кстати, по поводу визита врача. Не знаю, когда врач к детям придет, но, скорее всего, без меня. Попробуйте дать ему с собой презент, — попросил я и начал копаться в наших запасах.

Нашёл бумажный пакет, в котором мне как-то вручили подарки на одном из предприятий, сложил туда всего понемногу и показал Загиту, где он будет лежать. Он кивнул головой. Надеюсь, у Загита взять благодарность доктор не побоится. На кремлевского работника он точно не похож.

— Как в Святославле дела? — решил я прощупать почву после странного разговора с тещей. — Что нового?

— Нормально всё. На меня в часть благодарность из Орехово-Зуева пришла, представляешь? Встретили нас с Сахаровым, как героев. Премию обещали. В отпуск без разговоров отпустили.

— Звание очередное лучше пусть дают раньше срока, — улыбнулся я. — А дома как?

— Тоже всё по-старому.

— А Оксана Евгеньевна как себя чувствует? — уже прямо спросил я. — Что-то она когда последний раз звонила, совсем мне не понравилась.

— А что такое? — напрягся Загит.

— Смирная какая-то, подозрительно со всем согласная, не спорит, не скандалит... Подумал, давайте уж откровенно, что то ли сильно заболела, то ли что-то замышляет.

Загит расслабился и тихо сам себе под нос рассмеялся.

— Хорошо сказал: то ли заболела, то ли что-то замышляет, — улыбнулся он, взглянув на меня. А в глазах такая тоска! — Нет, здорова она. Просто поговорил с ней очень серьёзно перед отъездом к вам. Сказал, что если не помирится со всеми детьми, пока я в отпуске, то всё... Была любовь и прошла...

— Ничего себе, — растерянно проговорил я. Вот это неожиданный поворот. Хотя я давно удивлялся, как Загит, настоящий мужик, все эти выкрутасы своей жены терпит. Видать, закончились и у него запасы терпения... — А я-то думаю, чего это она со всем соглашается, что ни скажу, даже если откровенную чушь несу?

— Паш, ей это тоже не просто, поверь. Привыкла у себя в саду командовать... Похоже, считает, что ее собственные дети тоже должны строем ходить, как детсадовцы, пусть и выросли давно.

Помолчали. Мне было неловко что-то говорить в такой ситуации. Он сам заговорил через минуту.

— Если она будет стараться, дай ей шанс. Ради меня, — сложил он обе руки на груди и с мольбой уставился на меня.

И что я мог ответить? Конечно, согласился. Но с условием.

— Только, Загит Джиганович, если она опять выкинет какой-нибудь фортель, как с помадой на моей рубашке, то вы уже сами будете всё Галие объяснять и спасать нашу семью.

— Очень надеюсь, что это не понадобится. Но если, всё же, случится, то в последний раз. Обещаю. И Галие всё сам объясню. Не беспокойся, твоей семье ущерба не будет...

— Договорились, — кивнул я. — Оксана Евгеньевна хочет на ноябрьские приехать. Пусть приезжает. Для начала посмотрим, как этот визит пройдёт.

Ну, раз такое дело, то я теще шанс дам. Но без всякой наивности, не верю я, что такие люди, как она, на старости лет меняются к лучшему. Как только приедет, поговорю с ней обстоятельно один на один. Есть у меня дополнительный козырь, помимо угроз Загита, который должен сделать ее шелковой в нынешней ситуации. По моей задумке, с его помощью получится пронять ее как следует. Предъявлю его ей, и посмотрю на ее реакцию. Должно сработать.

Я начал разбирать привезенные бумаги. Они были сгруппированы по месяцам, а внутри месяца никак не сортировались, ни по датам, ни по автомобилям, ни по

водителям. Видимо, существуют ведомости, куда с путёвок разносятся данные для расчёта зарплаты, так же как ведомости учёта топлива. Надо будет, кстати, узнать, на окладах у них водилы или на сделке. Сейчас уже поздно Ганину звонить, а завтра надо этот вопрос выяснить.

Загит тихонечко сидел на противоположном конце стола и с интересом наблюдал за мной. Когда я потянулся за стопкой четвертинок тетрадных листов, которые использовал для заметок, то обратил внимание, каким взглядом он смотрит на кучу документов передо мной и улыбнулся.

— Неужели ты что-то понимаешь во всех этих бумагах? — заметив мою улыбку, потрясённо спросил он.

— Это моя работа, — рассмеялся я.

Тут в кухню пришла Галия, налила себе чаю с молоком и села рядом с отцом, потому что я занял почти весь стол.

— Спят орлы? — спросил я.

— Спят, спят, — улыбнулась жена. — Забыла сказать, Маша Шадрина хочет с бабушкой приехать. Я их на пятницу пригласила.

— Хорошо, — кивнул я. — Это гости, которым тут всегда рады, — пояснил я для Загита, — они и вам понравятся, вот увидите.

Она ушла к детям и Загит засобиравшись на боковую.

— Я так понял, ты мне диван уступил? — спросил он. — Если хочешь, давай, я буду спать на раскладушке?

— Не надо, спасибо. Мне всё равно, где спать, — улыбнулся я. — Лишь бы голову до подушки донести.

— Ты во сколько вчера спать-то лёг?

— Сегодня лёг, а не вчера, — ответил я.

— И часто так?

— Ну, бывает.

— М-да... Ну, спокойной ночи. Не работай слишком много, а то тебя так надолго не хватит.

— Угу, — кивнул я, а сам подумал, что кто бы говорил. Два месяца сутками мужик в его-то возрасте по пожарам бегал, непонятно чем дышал, жизнью рисковал...

Но долго я, и правда, сидеть не стал. В час уже пошёл спать. Успел на каждую путёвку сделать записку с датой поездки, характеристиками машины, маршрутом, объёмом и весом груза.

Решил сильно не мудрствовать и не изобретать велосипед. Для начала куплю карту автодорог, разобью её на сектора и зоны вдоль основных магистралей, сгруппирую свои записки по этим направлениям и посмотрю, насколько эффективно используется транспорт.

* * *

Москва. МГУ.

Утром в четверг девочки в группе Быстровой удивлялись перемене, которая произошла с ней. Ещё вчера она глядела на всех исподлобья, как дикий зверёк, готовый покусать любого, кто подойдёт слишком близко, а сегодня она смотрит на всех со снисходительной улыбкой небожительницы.

— Вот же, стерва, — сказала одна из них. — Уже и на собрании пропесочили, а ей всё нипочём!

Девчонок это так заело, что они решили пойти к комсоргу факультета и пожаловаться на Быстрову за вчерашнюю потасовку.

Луппиан, услышав про драку, в которой Регина разбила нос Любочке Шершневой, пришла в ярость.

— Ну, это уже переходит все границы! Для чего мы ей строгий выговор объявляли? Где работа над ошибками? Где стремление исправиться? Я пойду к Самедову, и он ей задаст!

Однокурсницы уходили от комсорга в полном восторге. Сразу, как вышли, поздравили друг друга с тем, что уж теперь-то этой задаваке влетит по полной программе.

— Авось и отчислят эту стерву! — мстительно сказала Любочка.

Проводив комсомольцев, Луппиан набрала Самедова, но у него было занято. Главное, что на месте, обрадовалась она, а то комсорг МГУ очень уж часто и вовсе отсутствовал на работе по непонятным для Жанны основаниям. Жаль, не ее дело выяснять, где он шляется в рабочее время...

Луппиан пошла к Самедову. Постучав, обнаружила, что он уже договорил. Комсорг МГУ был в прекрасном настроении, тут же поманил ее к себе пальцем.

— Ну, с чем сегодня пришла, Луппиан? — спросил ее бодро, и как ни в чем не бывало, словно и не орал на нее вчера по телефону.

Жанна возмущенно сообщила о новом происшествии с Быстровой.

— Считаю, что надо ее выгонять из Комсомола. Выводов эта девушка не делает. Начала с вранья, а теперь носы подругам разбивает. Что дальше? Нож принесет и по горлу кого-то им чиркнет?

— Ну, бывает, — вдруг снисходительно улыбнулся Самедов, как будто она рассказала, что Быстрова слишком много сахара в чай кладет, а это вредно для здоровья, а не про драку сразу после строгого выговора, — что, ты не знаешь, как это у вас, у девчонок, случается? Сама же говоришь, что они её первые ударили по щеке. Что ей было делать? Думаю, надо спустить эту историю на тормозах. А то, если сейчас начнём разбираться, ещё непонятно, кто будет виноват.

Растерявшейся от такого неожиданного поворота Луппиан не оставалось ничего другого, как только кивнуть и уйти не солоно хлебавши.

А зашедшим на следующей перемене узнать, как будет реагировать комсомол девочкам из группы Быстровой она так и ответила, что вы же первые начали, так что, лучше, молчите, а то ещё и виноваты окажетесь.

Отпустив их, ушедших в полном изумлении, Жанна почувствовала себя так, словно ее оплевали. Почему Самедов спустил комсомолке со строгим выговором подобное поведение? Что, вообще, творится?

* * *

В четверг к десяти утра поехал на Лубянку. Капитан Румянцев встретил меня, как всегда, на входе и проводил к себе знакомиться с согласованным текстом. Лекция проходила в том же формате, слушатели сидели с масками на лицах. Прочёл всё и начались вопросы. Позабавил меня самый первый из них: как вы себе представляете на практике оптимизацию грузопотоков по стране?

— Ну, как? Есть такая замечательная организация «Госплан». Это же они планируют, что кирпичи из Калининграда едут на стройку во Владивосток, а из Благовещенска в Брест. А если бы у них была база данных со всеми производителями и заявками от потребителей, неужели

они быстро не проанализировали бы каждый регион на соответствие производственных мощностей и потребности на их продукцию? Там же в автоматическом режиме и планы для предприятий будут формироваться, достаточно только ввести в ЭВМ все заявки от потребителей и ограничить расстояние до производства. Мы сразу увидим, где у нас не хватает каких производств, а какие надо перепрофилировать, потому что на их продукцию заявок нет.

И когда всё это формируется в автоматическом режиме, план можно будет не на год принимать, а, допустим, кварталю. Тогда и непредвиденные потребности будут быстрее закрываться.

А пока что у нас двадцать процентов автомобилей на автобазах ремонта месяцами ждут, стоят и гниют под открытым небом. Прямо, хоть, бери, списывай технику, и распускай её на запчасти. Да и бензина тратим с соляжкой немерено, жалко...

— Но у нас же богатейшая на природные ресурсы страна! К чему нам экономить бензин и солярку для автомашин?

— С точки зрения выгоды для советской экономики нам лучше экономно расходовать даже то, чего у нас много. Излишне произведенная и растроченная продукция нефтехимии — это же и колоссальный вред для экологии. К чему дышать грязным воздухом из-за бесхозяйственности? К чему опустошать недра, которые понадобятся еще внукам и правнукам?

Тема лекции была настолько замороченной и не по той специфике, по которой обычно работает КГБ, что вопросов было рекордно мало, и меня отпустили неожиданно быстро. Ну, не я выбирал такую тему, а их собственное руководство...

— Ну, ты разошёлся сегодня, — заметил Румянцев, провожая меня на выход. — Госплану ставить задачи — это смело.

— Надеюсь, вам и нужна была правда, а не розовые сопли? — внимательно взглянул я на него. — Если что не так, вы, пожалуйста, предупреждайте.

— Не сомневайся, если что — предупредим, — рассмеялся Румянцев и мы распрощались.

В университет попал только к обеду. Наши репетировали в столовой. Брагин ни в новый, ни в старый состав агитбригады не входил и подсел ко мне.

— Ну, как дела, молодой папаша? — спросил он. — Втянулись уже?

— Ну, так, более-менее, — ответил я.

— А как насчёт моей просьбы?

— Какой? — испугался я, что забыл о чём-то серьёзном.

— Женя моя хочет у твоей жены готовить поучиться, — напомнил Костян.

— А-аа, ёлки палки, забыл совсем. Слушай, да, я не думаю, что жена против будет... Но надо уточнить, когда она сможет начать. Я прямо сейчас позвоню домой. Мне, всё равно, к автоматам идти.

Сперва набрал Ганина по работе, выяснил, что у них водили на окладно-премиальной системе. Сразу спросил, от чего премия зависит? Естественно, от плана.

— А план выполняется? — спросил я.

— С трудом, — ответил Ганин с сарказмом.

Приписками занимаются, что ли? Надо соответствие километража прикинуть по путёвкам.

Потом позвонил домой. Телефонный аппарат поставил на минимальный звук, он, теперь, просто трещит едва слышно. Ещё бы звонок дверной отрегулировать как-то. А то Загит с Володей установили его от нечего делать, пока нас из Клайпеды ждали. Никак не привыкну к нему, такой звон громкий и резкий.

Галия удивилась моей просьбе, а потом сказала:

— Да пусть приходит, мне не жалко. Покажу, что умею. Кстати, завтра Ирина Леонидовна обещала показать, как узбеки плов готовят. Пусть приходит.

— Это во сколько Женьке прийти? — оживился я. Правильно приготовленный узбекский плов — это нечто. Уж я-то знаю из будущего, из опыта посещения московских ресторанов. Если блюда русской кухни в ресторане не очень вкусно готовят, а партнеры настаивают именно на нем, то надо заказывать что-то из меню, что относится именно к узбекской кухне. Как правило, это повар как раз из тех краев и приготовит изумительно, просто пальчики оближешь... А наша кухня для него не родная, вот он в ней и плавает.

— Ну, она же учится? Пусть часам к четырём подходит, — предложила Галия.

— Спасибо, дорогая. Ты помнишь, что сегодня в «Детский

мир» нужно идти?

— Конечно, помню, — удивилась жена такому вопросу.

Пока я болтал по телефону, уже и на пару пришло время идти. Увидел возле аудитории Брагина и пошёл сразу к нему.

— Ну, всё нормально, договорился, — доложил я. — Пусть Женя завтра к четырём к нам подходит. Если усвоит как правильно готовить узбекский плов, то ты будешь счастливым человеком, и я к тебе в гости буду напрашиваться в те дни, когда у вас это блюдо в меню будет.

— О, спасибо, друг! — обрадовался Костян. — Поверь, если научится, я тебя каждый раз сам звать буду. Пока что мы на бутербродах живем по утрам и вечерам, а это не фонтан... Только столовка и спасает во время обеда...

Про справку из секции самбо вспомнил только в конце последней пары и пулей понёсся к Эмме Эдуардовне, пока та домой не ушла. Застал, слава богу. Можно было, конечно, и самому на кафедру физвоспитания её отнести, но, мало ли, она так и не дошла до них насчёт моего свободного посещения. А теперь справка перед носом будет лежать, уже хочешь-не хочешь, а надо идти.

* * *

Северная Италия. Город Больцано.

— Ну, вот, дорогой Тарек, сегодня вы подпишете договор, и я могу спокойно возвращаться в Милан, — объявил Марио. — Я сделал всё, что мог. Надеюсь, вы не забудете старика Марио, когда станете богатым и знаменитым.

— Мне было приятно с вами познакомиться и работать, — улыбнулся Тарек. — оставьте мне свой адрес в Милане. Вдруг, буду проездом, обязательно вас навещу.

Марио с готовностью протянул ему визитку. Они допили кофе, дождались юриста Эль Хажжей, который специально прилетел из Франции на сделку, и все вместе направились к нотариусу. Марио собирался до последнего оставаться рядом с новыми знакомыми, хотел убедиться, что всё прошло, как надо.

— Мне будет очень неловко перед своими ливанскими друзьями, если я вас оставлю, а в последний момент что-нибудь сорвётся, — объяснял он.

Непосредственно в сделке он не собирался участвовать,

сказал, что будет ждать в «нашем» кафе.

Но в этом же кафе Тарек договорился сегодня встретиться и с депутатом Пирасом. Рикардо не хотел ждать ни дня и потребовал рассчитаться с ним в день сделки.

Марио, небось, тоже рассчитывает на вознаграждение, — подумал Тарек. — Понятно, что он потратил какое-то время на меня... Интересно, сколько он запросит?

Договор был согласован заранее, юристу надо было только убедиться, что в тексте нет ничего лишнего. Спустя четверть часа он поднял голову от документов, посмотрел на Тарека и, поймав его взгляд, одобрительно кивнул.

Ну, вот, и всё, — подумал Тарек и подписал все экземпляры договора. Собственников было несколько, все по очереди, так же, подписали под присмотром нотариуса и юриста Эль Хажжей все экземпляры, нотариус заверил каждый экземпляр, вручил их все одному из владельцев и Тарек с ним отправился в банк.

* * *

После пар поехал на Асфальтобетонный завод. Тема лекция «Влияние здорового образа жизни трудящихся на производительность труда». Как я понял по лицам слушателей и красным носам каждого второго, на этом заводе алкоголизм явно преобладал над здоровым образом жизни. Но я же не нарколог, не психиатр, и, даже, не психолог. Чем я могу тут помочь? Тут надо за будущие поколения бороться, их детям и внукам лекции читать.

Начал про здоровье вообще, что здоровый человек, бесспорно, работает лучше, чем больной. Это одна из причин, почему наше советское государство столько внимания уделяет пропаганде спорта и здорового образа жизни в целом. Сделал акцент на бесплатной и доступной медицине. Потом плавно перешёл к алкоголизму через рассказ о целой сети специализированных диспансеров. Рассказал им про четыре стадии алкоголизма, провели быстренько с ними самодиагностику. Признать проблему — это уже половина успеха, может, кто-то из них и задумается, кто только в начале этого пагубного пути. Потом рассказал им про пьяное зачатие и его пагубные последствия. Короче, рассказал всё, что вспомнил.

Со мной пытались спорить, доказывая, что алкоголь в малых дозах полезен. Старался объяснить, что потенциальная польза алкоголя ничто по сравнению с потенциальным вредом от него для здоровья и жизни.

— Это как головную боль лечить отсечением головы, — отвечал я. — А что? То же самое. И прежде, чем вы решите выпить «для пользы», подумайте, а как ещё можно достичь того же эффекта? Почему я не использую альтернативный вариант? Может, потому что мне просто выпить хочется? Может, всё-таки, не в «пользе» дело, а у меня алкоголизм начинается?

Некоторые смеялись в этот момент. А мне было совсем не смешно. Сколько хороших людей поспивалось прямо на глазах, особенно, в девяностых. Да и сейчас пьют очень жестко...

Глава 17

* * *

Северная Италия. Город Больцано.

Выйдя из банка, теперь уже бывшие, владельцы фабрики «Роза Росса», поспешили раскланяться с Тареком и его юристом.

— Сделка прошла довольно быстро, — сказал Тарек своему юристу, когда они ушли. — Что значит, хорошая подготовка. Молодец.

Они направились в кафе, где ждал Марио. В руках Тарек нёс дипломат с деньгами для депутата. Всё было рядом, и Тарек решил прогуляться пешком, привести мысли в порядок. Сколько попросит Марио? — думал он. — Тысяч десять? Всё-таки, две недели тут со мной просидел.

Заметив ливанцев ещё издали, Марио поднялся, внимательно вглядываясь в их лица и пытаясь определить, с чем они идут, с радостью или сделка сорвалась по какой-то причине. Но лица иностранцев были непроницаемыми и Марио растерянно наблюдал за их приближением, не понимая, чего ждать.

Для Тарека же лицо итальянца было открытой книгой. Прекрасно понимая, с какими трудностями тот столкнулся в данный момент, Тарек сжалился над ним и победно улыбнулся. Марио, увидев, что всё хорошо, расслабился. Облегчение, которое он испытал, Тарек считал не только с лица, но и с движений всего тела Марио.

— Поздравляю! — восторженно воскликнул Марио, не успел Тарек сесть за столик.

Юрист взял у босса дипломат и предусмотрительно сел за отдельный столик, чтобы не мешать их встрече.

— Я очень благодарен за вашу помощь, — проговорил Тарек. — Что я вам должен?

— Мне много не надо! — воскликнул Марио. — Только за гостиницу, перелёт туда-обратно и тысячи три с половиной сверху.

— Сколько всего?

— Можно округлить до пяти тысяч долларов?

— Хорошо, — выписал ему чек Тарек. — Благодарю вас ещё раз. Очень приятно было с вами иметь дело.

Марио раскланялся и удалился, высказав надежду, что они ещё увидятся когда-нибудь.

Ливанцы заказали чай и остались ждать депутата. Вскоре он пришёл с немым вопросом в глазах.

— Всё хорошо, — сказал ему, улыбнувшись, Тарек и жестом попросил у юриста дипломат. — Здесь, как договаривались, — придвинул он его Рикардо.

У того глаза сразу загорелись хищным огнём. Он приоткрыл дипломат и тут же закрыл, окинув содержимое намётанным взглядом.

— Вы убедились, что со мной можно вести дела? — спросил довольный Рикардо.

— Да, спасибо за помощь, — кивнул Тарек.

— И с вами приятно работать. Готов продолжить наше сотрудничество в любой форме, — прямолинейно заверил его депутат.

* * *

Добравшись до метро после лекции на асфальтобетонном заводе, позвонил домой из автомата и договорился, что буду ждать жену на станции метро Дзержинская в центре зала.

Ждать пришлось недолго, Галия прибежала очень быстро. Только все время озиралась вокруг, а потом сказал мне:

— Очень необычно себя чувствую! В животе деток нет, рядом нет, так себя странно ощущаю без них!

— Привыкай, надо же снова жить и обычной жизнью. Перестанешь кормить, и в рестораны начнем ходить вдвоем, пока они будут с Ириной Леонидовной сидеть.

— А до этого не будем?

— А ты усидишь там несколько часов? — усмехнулся я.

Галия, подумав, улыбнулась в ответ:

— Ты прав, не усiju. Уже сейчас приступ паники и хочется обратно к детям бежать. Какое тут удовольствие от ресторана...

Минут через пятнадцать мы уже были в магазине и поднимались на самый верх в специальную секцию.

Там я полностью отдал все бразды правления жене, она сама решала, что брать. Набрала постельного белья и детского, и

взрослого, детских вещей набрала на вырост лет до десяти. Одних коробок с детской обувью двенадцать штук получилось. Хорошо, Загит стенку обещал. А по-хорошему, тут очень пригодятся шкафы, которые после ремонта в коридоре будут стоять.

По уму надо также попытаться сделать встроенный шкаф. Но придется оценить весь фронт работ для этого, фурнитуры-то сейчас для этого нет. Если двери будут на неприспособленных для этого роликах заедать в пазах через раз, такой встроенный шкаф нам не нужен...

Пока я составлял и обвязывал шпагатом обувь в блоки по шесть коробок, Галия набирала детские трусы, майки, футболки, носки, колготки во всех размерах, что были. Стоило это всё копейки, пусть, набирает, если ей так спокойней будет. Белые и цветные рубахи от двух лет, свитера, водолазки.

Подносил это всё к продавцам, а они считали. Галия им уже объяснила, что у нас двойня и они не смотрели больше круглыми глазами на её азарт.

— Товарищи, — обратился я к продавщицам, — у нас три талона по двадцать пять рублей. Вы скажите, пожалуйста, когда на семьдесят пять рублей уже товаров наберётся.

— Носите, носите, ещё можно, — усмехнулась одна из них.

В итоге они не стали заворачивать в бумагу наши покупки, а выдали мне коробку из-под товара, уложили в неё всё и хорошо перевязали.

Галия была на седьмом небе от счастья. Взял в одну руку коробку с вещами, во вторую связку с шестью коробками детской обуви и потащил это всё к лифту. Галия несла вторую связку с обувью и свою сумочку.

Поймал такси. Кое-как распихали с таксистом коробки. Большая в салон пошла, а обувь в багажник. Минут двадцать голосовал, пока машину остановил, если бы сразу на метро пошли, к своей станции подъезжали бы уже.

Но зато улучшил момент и поговорил с женой о просьбе Загита.

— Дорогая, отец твой вчера поделился, что у них с твоей матерью трудный этап сейчас в семейных отношениях, — начал я издалека.

— Да? — удивилась Галия. — А что такое?

— Понимаешь, она обманом убедила его, что мы с тобой с

ней помирились и ты ждёшь её в Паланге. Она тайком от всех приехала, только отец твой знал, ходила по городу и искала тебя. И никто не знал, чего от неё ждать. Загит Джиганович был вынужден вызвать тётю Дилю на подмогу потому, что сам не мог ни на день с работы вырваться. Он очень оскорблён поведением твоей матери и поставил ей условие, что пока он в отпуске с нами, она должна помириться со всеми детьми и познакомиться с семьёй старшего сына. Иначе всё...

— Что всё? — испугано смотрела на меня жена.

— Чаша его терпения переполнилась.

— Бедный папа... ой... и бедная мама!

— Но он очень надеется, что Оксана Евгеньевна одумается и просит дать ей ещё один, последний, шанс. Я, конечно, согласился. Она приедет к нам на ноябрьские.

— Ура, — обрадовалась жена. — Я поговорю с ней. Она исправится. Должна исправиться... Она же не глупая.

— Я тоже на это очень надеюсь, — искренне ответил я. — Но призываю тебя к бдительности. Будь готова к тому, что она опять что-нибудь учудит, вроде помады на моей рубашке. Обещаешь не поддаваться на её провокации? — серьёзно посмотрел я на неё.

— Обещаю, — легкомысленно ответила Галия.

* * *

Москва. Квартира Алдоновых.

Ксюша перепробовала все способы убедить Ивана отказаться от командировки в Болгарию. Но он был непреклонен. Напряжение между ними нарастало. Ивана обижало отношение Ксюши к его карьере и любимому делу. А Ксюшу задевало, что для Ивана семья не на первом месте.

— Тебе уже тридцать шесть лет! — на повышенных тонах высказывала она Ивану, воспользовавшись тем, что Ирина Леонидовна у соседей. — Когда ты собираешься жениться? Когда я буду рожать? Время же идёт!

— Ксюш, ну, какая разница, когда жениться? — оправдывался Иван. — Месяцем раньше, месяцем позже...

— Тут не месяцем раньше! Тут уже на полгода всё сдвигается! Пока ты вернёшься, минимум три месяца пройдёт. В ЗАГСе тоже сразу не распишут, ещё три месяца ждать

придётся.

— Ну и подождём. Куда торопиться? У нас вся жизнь впереди, — недоумевал Иван.

— Знаешь, у тебя, может, и вся жизнь впереди, а мне уже двадцать восемь. Мне давно пора рожать, скоро уже и поздно будет. Я не могу ждать, пока ты дозреешь для семьи.

Ксюша решила для себя, что если Иван всю жизнь будет выбирать между семьёй и работой, то это будет не жизнь. Но последняя надежда ещё теплилась в ней, и она решилась расставить все точки над «и».

— Я возвращаюсь к себе, — заявила она и начала собираться. Вещей у неё было уже здесь много, но все летние уместились в четыре сумки, а тёплое пальто и сапожки она наденет на себя.

Иван отрешённо наблюдал за этими сборами. Если сейчас отказаться от командировки, — думал он. — Второго такого предложения уже не будет. А Ксюша пообижается, пообижается и простит, когда он вернётся из Болгарии.

Он предпринял вялую попытку её остановить, но, видя её решительный настрой, отступил.

Она ушла, даже не попрощавшись, громко хлопнув дверью.

* * *

Москва. Квартира Ивлевых.

Малыши спали. И вдруг, в тишине, Ирина Леонидовна чётко услышала звук громко хлопнувшей двери на лестничной площадке. Сразу заподозрив неладное, она поспешила домой.

— Загит, я отойду домой на секунду, — предупредила она, — узнаю, что там стряслось.

— Конечно, — озабоченно взглянул он на неё.

Увидев сына, она без слов всё поняла. Иван сидел на кухне, уставившись куда-то в пол в одну точку.

— Она ушла, — с отсутствующим видом проговорил он.

Мать села рядом. Сердце кровью обливалось, глядя на него. Было очень его жаль. Было очень жаль Ксюшу, она хорошая девушка, только не хочет принять во внимание особенности работы Ивана. Заладила: свадьба, свадьба... А они в мае только познакомились.

— Сынок, что ни делается, всё к лучшему. Пусть она сейчас

тебя бросит, чем когда вы уже женаты будете и дети появятся. Ты же всё время будешь в разъездах, в командировках, в экспедициях. У тебя работа такая. Если не принимает этого сейчас, то и потом не примет. А куда ты из археологии уйдёшь? — она потрепала его по голове. — Считай это испытанием, чтобы не наделать ошибок.

— То есть, мама, ты думаешь, что она не вернется? — испугался Иван.

Мать сразу же себя иначе повела.

— Ну, кто его знает, сынок, может и вернется! — сказала она, сообразив, что сын полагает, что их отношения с Ксюшей еще не закончились...

Иван благодарно взглянул на мать и покивал головой, мол, спасибо, что веришь!

— Я пойду, а то, вдруг, малыши проснутся, — засобиралась Ирина Леонидовна. — Если что, приходи, ты же знаешь, что я рядом, — показала она рукой на стену, за которой была квартира Ивлевых.

* * *

Приехали с женой домой, она сразу к детям поспешила. А я смотрю, звонок кто-то тёплым шарфом замотал. Не одному мне его звон не нравится. Занёс покупки прямо в коробках в большую комнату, чтоб не мешались, всё равно, раскладывать их ещё некуда.

— После ремонта надо будет шкафы дополнительные покупать, — произнёс я мысли вслух.

— А я с соседкой с шестого этажа договорился, — вдруг заявил Загит, — Галия завтра с утра к ней на работу подъедет, стенку выбирать.

— Спасибо, а как вы договорились? Она же на работе целыми днями.

— Так у меня её телефон рабочий остался с прошлого раза, когда кровать покупали.

Ну Загит даёт! — подумал я, улыбаясь.

Тут на кухню зашла жена с озабоченным видом и плюхнулась на табуретку прямо передо мной.

— Ксюша от Ивана ушла, — проговорила она очень расстроено.

— Вот те раз, — огорчился я. — Не захотела ждать, значит, из командировки...

— Что теперь будет? — с беспокойством спросила Галия.

— Ты, главное, не расстраивайся сильно, — взял я её за руку. — Надеюсь, милые бранятся, только тешатся и мы ещё погуляем на их свадьбе.

— Правда? — с надеждой спросила жена.

— Ну а почему нет? Сколько их видел вместе, они друг другу очень подходили. И близко такого ощущения не было, когда Иван с Линой ходил.

— Мне так Ксюшу жалко, — призналась Галия. — Она так надеялась на семью, детишек...

— Будем надеяться, всё у неё ещё будет.

Тут по дому разнёсся крик ликования.

— О! Сегодня же последняя игра, — спохватился Загит. — Пошли хоккей смотреть, — позвал он меня.

— Да что там смотреть? Серию и так, и так уже продули.

— Где твой азарт? — расстроился тесть. — До последнего надо верить в победу!

И мы с ним сели смотреть хоккей. Хотя, душа была не на месте из-за расставания Ивана с Ксюшей. А у меня к тому же задача от Захарова: найти место под будущий музейный комплекс под Москвой. А к кому, как не к соседу-археологу с этим вопросом идти? Не спешил к нему за консультацией обращаться, других дел полно было, но уверен был, что в любой момент приду и всю нужную мне информацию получу, успеется до его отъезда в Болгарию. А тут на тебе, получи, фашист, гранату! Сейчас Ваня как уйдёт в депрессию или запой, и свои все планы насчёт загранкомандировки пустит коту под хвост, и мои...

С другой стороны, с учетом того, что его девушка бросила, бессердечно как-то к нему за советом идти... Он же весь на нервах.

Но все же решился — есть же совет, при подобного рода проблемах загружать мозг другими вещами, тогда легче их переживать. Пойду, загружу его мозг своими проблемами, отвлеку от сердечных переживаний...

Как оказалось, пошёл к соседу вовремя: судя по уровню водки в бутылке, стоящей на столе, пару стопок он уже успел махнуть. Задержался бы еще минут на двадцать, и обсуждать

важный вопрос уже было бы не с кем. С профессиональной точки зрения, потому как закуски на столе я не увидел.

— Давай, дружище, — поднял я предложенный им стопарик, — чтобы вы с Ксюшей как можно легче перенесли свой первый семейный кризис.

Он, бедный, аж подавился и закашлялся.

— Она ушла! — выдал он расстроенно.

— Ну и что? — возразил я. — Так бывает. Все ссорятся. Потом мирятся. Мне все же кажется, что у вас есть к друг другу чувства, вам ещё рано расходиться.

— И что я должен делать? От командировки отказаться? — с горечью спросил он.

— Нет, конечно. Это твоя работа, карьера. Это то, что обеспечит будущее благосостояние твоей семьи. Как ты от этого откажешься?

— А она почему этого не понимает? — внимательно посмотрел он на меня.

— Есть женщины, которым надо всё контролировать, что можно и что нельзя. У меня тёща такая. Ей надо, чтобы муж и дети были рядом, на виду. Чтобы никто, не посоветовавшись с ней, самостоятельные решения не принимал. С такими людьми окружающим очень тяжело. И если муж с характером ещё может противостоять такой жене, то дети абсолютно беззащитны и, став взрослыми, предпочитают бежать из отчего дома, лишь бы вырваться из-под диктата матери.

— И что ты хочешь сказать? Что Ксюша такая?

— Откуда я знаю? — удивился я. — Кто с ней жил, я или ты?

— Я не замечал ничего такого до того, как появился этот вопрос с командировкой...

— Ну, значит, ещё не всё потеряно. Нужно мягко показать ей, что это решение ты не изменишь потому, что оно на пользу вашей семье. Но при этом она не должна чувствовать себя ненужной и брошенной.

— Она же сама ушла, — возразил мне Иван.

— Ну и что? Ты же мог и не дать ей уйти.

— Это как?

— Так. Встал в дверях. Не пущу и всё. Ты мне нужна. Я тебя люблю. Она бы может злилась, что не пускаешь, но одновременно, раз ты уверен, что она тебя любит, видела, что

ты ее тоже любишь и настроен решительно, не хочешь ее терять. Любой нормальной женщине такое приятно, не понравится только, если чувств настоящих к мужчине нет. Ты же мужик, и должен демонстрировать мужское поведение. Высоки шансы, что и помирились бы тут же. Ну а если совсем не готова мириться, и рвется из квартиры, то тогда уже и пропускать придется, конечно. Но это тоже важный знак, что ты, возможно, переоценил ее чувства к тебе. Хотя... на вашей ранней стадии отношений, учитывая, как вы душа в душу жили, и то, что это первая серьезная ссора, сработало бы, думаю.

— Блин... Ну, уже поздно.

— Ничего не поздно. Можно по-другому показать, что она тебе нужна. Ты знаешь, где она живёт?

— Конечно.

— Вот пиши ей письма. Вот сразу, как приедешь, письмо просто в почтовый ящик брось и из командировки пиши всё время.

— Что писать?

— Да всё равно что. Главное — внимание. Искренние чувства. Чтобы видела, что тебе плохо без нее, в разлуке. И из командировки ей пиши, фотки присылай, как ты там в поте лица копаешься во славу науки... Только не улыбайся. И никаких девушек рядом на фото. Она должна видеть, как ты без неё страдаешь.

Иван впервые за весь наш разговор улыбнулся.

— Авось, это все сработает, и она к тебе вернется, а потом и приспособится к твоим регулярным командировкам, — поспешил закрепить успех я. — Выйдет замуж, родит, переключит внимание с тебя на малыша и всё у вас будет нормально. Сама тебе чемодан ещё будет собирать в очередную поездку.

Тут послышался вой ликования отовсюду.

— Наши же играют, — спохватился Иван и поспешил включить телевизор.

Вскоре вернулась домой Ирина Леонидовна.

— Паша, мы детей искупали, — доложила она, внимательно приглядываясь к Ивану.

— Спасибо! — поблагодарил я и улыбнулся ей ободряюще. Она кивнула и скрылась на кухне.

Досмотрели второй тайм. В перерыве заметил, что Иван уже

чувствует себя получше, и решил перейти к интересующему меня вопросу.

— Слушай, совет нужен от тебя, как специалиста. Тут предприятие, где я подрабатываю в комитете комсомола, решило культурно-досуговый комплекс организовать. Не спортивно-развлекательный, а именно культурно-образовательный с историческим уклоном. Короче, цель — продвигать культуру в массы и воспитывать патриотизм. Нужен какой-то бесхозный замок или кремль, который можно было бы восстановить, сделать музей и вокруг организовать разные общества любителей старины. Есть задумка, в частности, восстановить технологию производства средневековых доспехов, устраивать праздники с турнирами.

— Ничего себе, у вас планы грандиозные! — с любопытством посмотрел на меня Иван. — А потяните?

— Ну, не всё сразу, конечно. Есть мысль объединить усилия нескольких министерств, и культуры, и образования. Это, пока, только проект. Мне поручено найти заброшенный замок или кремль не ближе тридцати километров от Москвы.

— Ну, что я тебе могу сказать, — задумался сосед, — если брать реально существующий объект, вы замучаетесь проходить согласования с Минкультом. И там, кроме того, при эксплуатации, будет море ограничений. А вот если подобрать уже исчезнувший объект, достаточно одной археологической экспедиции на этом месте, перед началом строительства, и вперёд. Стройте, что хотите, как хотите, согласования будут, как на обычный объект.

— О как. Ещё и раскопки надо проводить?

— А как ты хотел? Без этого тебя и на существующий объект не пустят. Только там всё будет дольше, глубже и серьёзней.

— Ну, понял, понял, — озадаченно тёр я подбородок. — Это куда надо обращаться?

— Давай, лучше, я дам тебе телефон замдиректора моего института. Я все же лучше разбираюсь в заграничных командировках. В СССР копал только на вторых ролях, в организации экспедиции, как, что и когда делается, особо не разбираюсь. Скажешь, что от меня. Он тебе всё расскажет и покажет. Человек очень толковый и увлеченный... Где только не копал по СССР.

— Ну, ты человечисе! Спасибо! — обрадовался я и

поднялся, чтобы сходить домой за записной книжкой.

Иван, тем временем, взял свою и, когда я вернулся, дал списать мне с неё оба номера замдиректора, и рабочий, и домашний. Ещё раз поблагодарил его и стал прощаться с Ириной Леонидовной.

— Не будешь третий тайм смотреть? — вопросительно посмотрел на меня Иван, протягивая мне руку на прощанье.

— Да я бы с удовольствием, но работать надо идти, — объяснил я и пошёл к себе.

Сесть работать сразу не получилось. Нам с Загитом Галия выдала по ребёнку. Они уже были накормлены, надо было поддержать их «столбиком».

Пытались с дедом найти между ними отличия. По цвету глаз, форме носа и ушей их было не различить.

— Дорогая, у меня кто? — подошёл я к жене, перестилающей детские кровати.

— Андрюшка, — почти не глядя, ответила она.

— Откуда знаешь? — удивился я.

— Вон, точка зелёная под затылком.

— Тьфу! Я уж думал, ты их и правда на глаз различаешь, а я дурачок какой, что не способен это сделать. Расстраиваюсь какой день, голову ломаю, — рассмеялся я.

— А кто из них первый родился? — спросил Загит с любопытством.

— Андрюшка и родился, мне его ещё в роддоме поместили. Я так и обновляю метку, — улыбнулась Галия.

— Ну, понятно. А ларчик просто открывался...

Друзья, объявление: победители, угадавшие имена близнецов: Andrei, Алек Зубр, Брайя и Zipper. Промо-коды на следующую книгу Ревизора данным товарищам будут выданы управдомом по первому запросу после поступления книги в продажу!

Глава 18

* * *

Москва. Квартира Самедовых.

Рашид зашёл в квартиру и зажмурился. Детский крик стоял такой, как будто у него не трое детей, а десяток, как минимум.

— Лола! — позвал Рашид жену. — Успокой детей.

Но дети сами уже притихли и разбежались, кто куда.

— Здравствуй, дорогой, — тут же вышла жена, приветливо улыбаясь. — Ужин подавать?

— Конечно, — ответил он, и жена, покорно кивнув, тут же убежала на кухню.

Рашид подошёл к матери, поприветствовал её и потрепал по голове свою младшенькую Одину, которая забралась к бабушке на ручки, как только он пришёл.

Парни шести и четырёх лет принялись опять играть, но ограничивались детской.

— Ни секунды спокойно посидеть не могут, — раздражённо проговорил Рашид.

— В секцию их надо, — ответила ему мать. — Рустама, может, и не возьмут ещё, а Алишер вполне уже может тренироваться где-то. Мне соседки во дворе рассказывали, куда только их внуки не ходят! И планеры собирают, и радио делать учатся, и рисовать их обучают! Правда, Алишер бойкий паренек, его в спортивную секцию надо. Только лучше без мордобоя, не на хоккей. А то видела я как с канадцами наши играли...

— Хорошо, скажу Лоле, пусть займётся, — кивнул Рашид и направился ужинать.

Чуть позже, спрятавшись ото всех у себя в кабинете, он всё пытался понять, чем же его зацепила Быстрова? У него же крепкая семья, как говорится, надёжный тыл. Жена красавица, покорная, ласковая... Вот только Лолу ему выбрали мать с отцом, сам Рашид ее не любил. Как собачонка, куда скажешь, туда и пойдет, виляя хвостиком.

А Регина совсем другая. Молодая ещё совсем, неопытная, во всех смыслах, но характер! Есть в этой девчонке и сила духа, и целеустремлённость, и решительность. А как она на собрании

себя вела, ни слезинки! Он же специально за ней наблюдал. В какой-то момент ему показалось, что она прекрасно собой владеет. Не окажись она девственницей, подумал бы, что она прошла уже и огонь, и воду, и медные трубы.

Стоит серьезно подумать над тем, чтобы сделать из нее постоянную любовницу. Шляться по баням, где товарищи каждый раз предлагают новых девочек, — в конце концов нарвешься на проблемы. Либо заразят чем-нибудь позорным, либо шантажировать начнут.

Работа в университете, собственно, одним из своих плюсов имела возможность завести себе постоянную любовницу из студенток. Многие его знакомые, работающие в университетах на разных позициях, уже так и сделали. А почему нет, если денег полно, и красавицы по коридорам табунами ходят? Да и грудь не отвисшая после трех родов и кормления, как у Лолы, а крепенькая, аж одежду приподнимает собой...

Рашид предпринимал уже две попытки, но как-то не сложилось. Одна оказалась истеричкой, еле удалось вовремя от нее избавиться, а вторая — один в один его Лола, такая же покорная и своего мнения не имела ни в чем. Он ее выгнал как раз после того, как Лолой случайно назвал... Лола у него уже есть, второй ему не надо...

* * *

Уложили детей, и я перебрался на кухню. У кого как, а у меня ночная смена. Нашёл в книжном, специально для работы по автобазе, небольшую карту страны формата А1 и классный справочник автодорог с таблицей расстояний между городами. Для начала решил прикинуть соответствие пробега по спидометру, по указанным в путёвках маршрутам. Анализом логистики займусь позднее.

До часу ночи успел просчитать только один месяц и пошёл спать. Понятно, что хочется побыстрее какой-то результат получить, но себя беречь тоже надо, слишком многое от меня теперь зависит и я не могу себе позволить рисковать благополучием семьи.

В пятницу с утра, едва пришла Ирина Леонидовна, Галия созвонилась с Анной Аркадьевной и уехала выбирать стенку.

— Ну, как Иван? — спросил я соседку.

— Собирается заехать к Ксюше сегодня вечером, после работы. Но, чувствую, бесполезно всё это... Тут же не только то, что она подождать три месяца не готова, мы с ней ни в чем согласия найти не смогли... Я предлагала ей тихо расписаться без свадьбы, с друзьями бы посидели дома... Но ей пышную свадьбу подавай, с кучей гостей, понимаешь?

— Ну а почему нет? — удивился я. — Чем плоха пышная свадьба?

Ирина Леонидовна укоряюще посмотрела на меня:

— Так они же оба уже не первый раз женятся. К чему устраивать пир на весь мир?

На этом обсуждать Ксюшу с ней я решил прекратить. Не мое это дело, а чувствую, из-за этого мы с ней и поссориться можем случайно. Для меня важнее иметь с ней нормальные отношения, чтобы она хорошо за детьми ухаживала, чем переубеждать ее в отношении Ксюши. Тем более, что по опыту знаю, что женщин в возрасте и с характером крайне сложно в чем-то таком убедить. А я понял, что у проблем Ксюши с Иваном есть еще и фактор его мамы. Ишь как ее задело, что девушка хочет пышную свадьбу... Может быть, вообразила, что она транжира, и поэтому будет рада, если Ксюша исчезнет из поля зрения Ивана?

Ирина Леонидовна занялась детьми. Загит присоединился к ней.

А я задумался над новыми для меня обстоятельствами, собираясь в университет. Получается, мать Ивана больше Ксюше не рада. А Ксюша не рада длительным командировкам, отказаться от которых Иван не может, если хочет наработать авторитет в своей профессии и делать благополучную карьеру... Что-то слишком много «но». Учитывая огромное влияние матери на Ивана, которое я уже заметил, ситуация складывается безрадостная. Похоже, что это конец... Жаль Ивана. И Галию надо как-то подготовить... Хотя, работать с Ксюшей они уже вместе не будут, возможно, и не увидятся больше. Трудовая у Галии в Горном лежит из-за гаража, вот пусть и дальше там лежит. Реально работать с двумя детьми она ещё не скоро начнёт, тут учёбу вытянуть бы.

Да... Жаль, что всё так вышло у этой парочки.

В университете, первым делом, поинтересовался у Лёхи, как у них прошло выступление вчера?

— Да нормально всё, — спокойно ответил друг. — Даже Аиша с Мартином по одной сценке отыграли.

— О, с почином, значит, их сегодня надо поздравить, — улыбнулся я. — Как они?

— Волновались страшно, а так — молодцы. Тебе, кстати, привет передавали ребята из местной агитбригады, забыл... Ираклий, как парни вчера представились, что Паше привет передавали?

— Щас... — напрягся Ираклий. — Серёга Белый и Малина, если тебе это о чём-то говорит.

— Говорит, говорит, — рассмеялся я, вспомнив, как они оба сидели на лавочке у соседнего подъезда. — Они сами-то выступали?

— Выступали, — кивнул Лёха. — У них этот Малина частушки спел классно, а в остальном им до нас далёко, — уверенно заявил он.

— Ну, отлично, — обрадовался я. — Значит, все при деле, все работают и даже, оказывается, частушки поют.

А сам удивленно подумал, что очень давно не видел Малину около дома. Неужто куда-то переехал? Общежитие, что ли, дали? Но зачем оно ему?

* * *

Москва. МГУ. Кабинет Самедова.

— Я очень рад тебя видеть, — обнял Рашид Регину и притянул к себе. — Но не надо тебе бегать ко мне каждый перерыв. Завистников вокруг столько... Болтать начнут.

— Ну и пусть болтают, — равнодушно ответила она.

— Глупенькая. Зачем давать пищу для сплетен? У меня жена, дети. Будут потом в нос тыкать моральным обликом партийца. Ты же не хочешь, чтобы у меня с карьерой проблемы начались?

— Нет, конечно. Но сплетни и так, и так появятся, — грустно взглянула на него Регина, решив, что пора брать быка за рога. — Я вот про Ивлева одно сказала, а разошлось совсем другое. И, главное, Светка Костенко всё это придумала, а сама в стороне осталась. Даже порицания не получила. Вот как так? Где справедливость?

— Детка, у неё родители серьезные, ну, что ты хочешь?

— Что, прямо такие важные родители? — с сомнением спросила она. — Отец в министерстве автодорог работает. Тоже мне шишка. Мой отец тоже там работает и его знает. И чего его испугались? Ты что, тоже его боишься?

— Ещё чего! — усмехнулся Самедов.

— Правда? — доверчиво обняла она его за шею. — Значит, ты можешь Светку из «Комсомольского прожектора» турнуть? Я не представляю, как мы с ней после ее предательства вместе сможем в Прожекторе работать... Меня стошнит при виде ее рядом...

— Да запросто! — улыбнулся он.

* * *

В столовой обсуждали с нашими парнями подработки на стройке. Мартин в этот раз пришёл с Илмой. Они оба слушали с нескрываемым интересом наши разговоры.

— Мы сегодня поедem договариваться насчёт объёмов работы и оплаты, — взял я слово. — Наверняка, сразу встанет вопрос о сроках. Давайте определимся сейчас, кто будет работать и в каком режиме?

— Я буду работать по будням, когда свободен от «Комитета по защите мира», — сразу поднял руку Лёха Сандалов. — Это будет два-три раза в неделю.

— Я тоже, — поднял руку Ираклий. За ним подняли руки Булатов, Брагин и Витя Макаров.

— Я бы тоже пошёл, можно? — спросил Семён Давыдов.

— Конечно, — кивнул Лёха. — Мы же по очереди с парнями будем ходить, это, считай, нас не шесть, а только трое в смене будет. О! Паш, а Миша будет с нами работать-то?

— Кузнецов? Наверное, — пожал я плечами. — Что вы сами-то у него не спросили? Я его сейчас редко вижу.

— Я спрошу у него сегодня, — пообещал Брагин. — Сегодня, как раз, наш день в Комитете.

— Только не забудь, — строго посмотрел на него Лёха.

— Мужики. Тут ещё мои просятся на работу. Кукояка, Желтов и Доненко. Возьмём? — посмотрел на меня Булатов.

— А что ты на меня смотришь? — улыбнулся я. — Это ваша бригада. Вам и решать.

— Да пусть тогда идут, — решил Булатов. — Кукояка,

конечно, тогда повел себя неправильно, но потом же взялся за ум, верно? А по остальным вообще никогда вопросов не было. Главное, следить за учебой. Пригрозить надо, что, если начнутся проблемы с учёбой в погоне за длинным рублем, выгоним из стройотряда к едрене фене.

— А я? — скромно спросил Мартин.

— Ну, тебе-то зачем? — удивился я.

— Мне тоже работа нужна, — убеждённо заявил он.

— У тебя тренировки три раза в неделю и ещё работа? А учёба?

— Что за тренировки? — тут же влез Ираклий.

— Боевое самбо, — важно ответил Мартин не без гордости.

— Меня Паша устроил.

Мои парни выдохнули с уважением и завистью в глазах.

— Нет, нет, нет! Даже не просите! — воскликнул я, сообразив, что сейчас начнется. — Это ЗИЛ! Пропускная система! Лучше напишите коллективное обращение на кафедру физвоспитания, чтобы в университете секцию открыли. Это же МГУ, тут для студентов на многое готовы!

— Точно! И Марата сюда тренером! — радостно воскликнул Мартин. — И я тогда тоже сюда буду вместо ЗИЛа ходить.

— Он, кроме тренировок на ЗИЛе, учится на учителя физкультуры и в своём же училище физкультуру ведёт. Ты совсем его загнать хочешь? — возразил ему я.

— Но, кстати, попросить деканат о такой секции — идея хорошая, — переглянулся с парнями Булатов и те одобрительно закивали.

— А кто спорит? — вздохнул я. — Никто и не спорит. Пишите, а тренера найдут обязательно. Я сам бы с большим удовольствием на самбо ходил бы, чем на волейбол. Блин! У меня же ещё сегодня волейбол! — взглянул я на Лёху. — Сразу после пар стартуем.

— Угу, — кивнул он.

Мартин взглядом попросил меня отсесть за свободный стол рядом. Какие-то проблемы? Вид у него больно озабоченный. Помогать надо, конечно, и друзья мы уже, и Эмма его мне под надзор передала, но, блин, и беспокойный же у меня подопечный! Я, если честно, от Альфредо гораздо больше проблем ожидал. Тот яркий и энергичный южанин по темпераменту, да еще и из капстраны с ее вольницей приехал.

Мартин на его фоне тихий и бесцветный. А вон оно как...

Мы пересели и сразу к нам присоединилась Илма.

— Паш, посоветоваться, вот, хотим, — начал он, переглянувшись с Илмой.

— У нас в землячестве, — пригнулась ко мне через стол Илма, — есть такой Хуберт Майер. Он у нас глава Союза свободной немецкой молодёжи ГДР студентов экономфака. Так вот, он хочет провести собрание и осудить поведение Мартина.

— Да помню, мне про него Мартин уже рассказывал... А за что осудить? — удивился я. — Уж к кому-кому, а к Мартину никаких претензий, по-моему, ни у кого быть не должно.

— В том-то и дело, — смущённо ответил Мартин. — Помнишь, когда мы с ним сцепились в самом начале, я тебе тогда на него жаловался... Потом там продолжение было. Короче, я его послал.

— Ты? — не поверил я.

Вот тебе и тихий бесцветный немец!

— Он мне приказывать начал, что я должен, что не должен. Ну, я и вспылil, — виновато посмотрел на меня Мартин.

— Так. Понятно. И что он хочет тебе вменить?

— Вменить? — не понял иностранец.

— В чем обвинить хочет? Что ты якобы плохого сделал?

— Что Мартин игнорирует ячейку Союза молодёжи и всех её членов, пренебрегает указаниями главы ячейки и ведёт мелкобуржуазный образ жизни, — вмешалась Илма.

— Ничего себе, — поразился я. — Здорово ты ему на хвост наступил, брат.

— Что делать-то теперь? — озадаченно спросил меня Мартин.

— Ну, попробуем что-нибудь сделать, — задумчиво ответил я. — Не бойсь. Наше дело правое, мы победим. Подойду к Эмме Эдуардовне, переговорю по твоему вопросу.

— Спасибо, — посмотрел он на меня с надеждой, и мы вернулись за стол к остальным.

Ну да, надо идти к Эмме. Это же с её подачи Мартин превратился в моего подопечного. Да и в целом — как-то она очень уж положительно ко мне относиться начала. Надо этим пользоваться.

Гаврилину поймал уже на следующем перерыве.

— Эмма Эдуардовна, а могу я узнать, как Мартин Нойлер с

учёбой справляется? Как у него с посещаемостью?

— А разве ты заметил какие-то проблемы с этим? — настороженно спросила она.

— Я — нет. Но есть такой Хуберт Майер, хочет собрание своего Союза молодёжи гэдээровского собрать. Собирается обвинить Мартина в мелкобуржуазном образе жизни и игнорирование своих указаний. И я понять хочу, с чего вдруг? — с деланно наивным видом спросил я. — Так-то он не пьёт, не курит и спортом занимается. Может, с учёбой проблемы или с прогулами?

— Да нет у него прогулов, — ответила Эмма Эдуардовна. — А насчёт проблем с учёбой, это только ближе к сессии ясно будет. Ну, хорошо. Спрошу у Майра, какие у него претензии к Нойлеру, — пообещала она и хмыкнула. — Самой интересно. Так-то Мартин выглядит отличным студентом.

— Спасибо, — кивнул я и покинул её кабинет.

Отлично, вроде бы получилось развернуть Эмму в нужном направлении. Пусть Хуберт напряжется... Эмма, когда захочет, умеет произвести впечатление...

После пар поехали с Лёхой на Язу. Воздвиженский ждал нас, приветствовал дружелюбно. По его настрою понял, что работать с нашим отрядом летом ему понравилось и он жаждет продолжения. Перекинулись с ним, сначала, парой слов по текущей обстановке в целом.

— По оборудованию, — докладывал он с нескрываемым удовольствием, — всё заказано, всё новенькое, всё импортное. Ждём поступления ещё до Нового года. Признаться, до сих пор не верится...

— А по очистным что?

— Всё смонтировано и работает, — с гордостью доложил он.

— А помещения подготовили уже под новую линию?

— Вот, хотел молодёжь к этому, как раз, и привлечь.

— Много там работы?

Он пригласил нас пройти на место. Обсудили с ним объём работ, оплату и сроки. Я сразу понял, что для семерых по будням по несколько часов после занятий нереальные сроки.

— Лёх, а если ещё и по субботам работать? Потяните учёбу? — спросил я.

— Сомневаюсь, но куда деваться? Оборудование уже придёт в декабре.

— В том-то и дело. Там уже монтаж нужно будет начинать, — поддакнул Воздвиженский. — И потом, вы полы сделаете, а мне же ещё стены штукатурить и красить надо будет. Новые светильники пришли, всю проводку менять будем. Оборудование требует большой мощности.

— Кстати, а вам выделили дополнительные мощности?

— С этим всё в порядке, — махнул рукой главный инженер. — У нового директора отличные связи. Что ни прошу, всё быстро достаёт.

— Ну, видите, как здорово, — улыбнулся я. — Короче, мы берём список работ и оплат и идём думать. То ли ребята будут выходить по субботам, то ли пригласят в бригаду ещё людей, — многозначительно посмотрел я на Лёху.

— А ничего другого и не остаётся, — понятиливо кивнул он.

— Ну, давайте, только не затягивайте, — попросил Воздвиженский.

— Бригада в понедельник уже выйдет на работу, — пообещал я и мы распрощались.

— Ну что, Лёха! Завалить такое дело нельзя, давай сразу в ДАС к парням, решай вопрос с дополнительными работниками, — сказал я другу.

Тот энергично кивнул:

— Ни в коем разе не завалим! Я себе тоже квартиру хочу кооперативную, как у тебя.

Освободились мы довольно быстро. Решил пойти на пятичасовую тренировку. Что семи часов ждать, если раньше успеваю?

Всю тренировку по очереди отрабатывали блоки, отбивая и направляя мяч в поле противника. Тренер опять был не в духе, то мы траекторию мяча неправильно просчитываем, то не успеваем вовремя подпрыгнуть.

Ага, снова никакой нормальной игры. Ну что же тогда делать, это не тот волейбол, на который я бы с удовольствием ходил... Поэтому после тренировки подошёл к тренеру и сообщил, что пришёл сегодня на тренировку последний раз. Хотел попрощаться по-человечески, поблагодарить за всё...

— Да идите вы все, куда хотите, — махнул он на меня рукой раздражённо. Это было совсем на него непохоже и, честно сказать, обидно. Совсем его развод с женой не отпускает... не может эти проблемы на работу не приносить... Надеюсь,

переживёт он этот трудный этап своей жизни, и начнутся в секции опять интересные, азартные занятия.

Приехал домой, а у нас гостей полная кухня. Шадрины приехали и Женя Брагина.

В доме пахло так, что мой голодный желудок взбунтовался. Аромат особых специй смешался с запахом обжаренного мяса и овощей... Ирина Леонидовна давала мастер-класс по приготовлению узбекского плова. Девчонки и Виктория Францевна собрались вокруг неё, мальчишек держали на руках Женя и Маша.

— Паша, ещё минут пятнадцать и ужин будет готов, — поспешила доложить мне Ирина Леонидовна, не успел я порог переступить.

— Здравствуйте, здравствуйте, — пошёл я приветствовать гостей. Первой, конечно, подлетела Галия и чмокнула быстренько. Женя и Маша поулыбались мне на расстоянии, мол, мы заняты, у нас дети на руках. А Виктория Францевна принялась меня обнимать и поздравлять.

— Привет, — появился откуда-то Костян Брагин. А за ним и Загит показался.

— Здорово, зять, — протянул он мне руку. — Стенка дома, вся комната коробками заставлена, — сделал он широкий жест, приглашая меня пройти в гостиную.

— Спасибо за подарок! А собирать кто будет? — оглядел я этот бардак.

— Сами, — развёл Загит руками. — На фабрике план шпарят, дело к концу года движется. Работают без выходных, в две смены.

— Ничего себе, — расстроился я.

— Давайте я собирать помогу, — предложил Костян.

— Во! Что мы, не соберём втроём? — показал на Костяна Загит как ни в чём не бывало.

Блин. А я хотел в деревню в выходные метнуться. Узнать, как там мой пёс и вообще, как там дела у бабушек. Замуж ещё не вышли? А то с них станется. По рецепту Ирины Леонидовны — тихо и без гостей, не первый же брак.

Пошёл переодеваться в спальню, а там коробка здоровенная с детским манежем. Кто это уже притаранил? Шадрины, что ли?

Вынес манеж в большую комнату, там коробкой больше,

коробкой меньше, незаметно в общей массе, а в спальне она мешать будет.

— Ну, что, Костян? Начинаете вы с понедельника на камволке работать, — заявил я. — Сроки поджимают. Надо или людей ещё приглашать в бригаду или по субботам выходить. Лёха поехал к нашим в общагу. Будут сейчас решать. Если решат по субботам работать, ты как?

— Как, как? Как все, — развёл он руками. — От денег отказываться не буду.

— Ну, это правильно, — вздохнул я.

Тут нас позвали кушать, и мы с удовольствием побросали все дела и разговоры и поспешили на кухню.

— Ну, показывайте, — хитро улыбаясь, первым сел за стол Загит, — что у вас получилось.

Мы с Костяном примостились вокруг одного угла, чтобы ещё кто-то мог сесть за стол, народу у нас сегодня собралось много.

Нам троим поставили по полной тарелке и в утятнице половину плова как корова языком слизала.

— Умм... — с наслаждением понюхал я стряпню Ирины Леонидовны. Всё как надо. С чесночком. — Сами пробуйте скорее, — подсказал я женщинам, — а то за добавкой сейчас придём, вам ничего не останется.

Nota bene

Книга предоставлена [Цокольным этажом](#), где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться [Censor](#) [Tracker](#) или [Антизапретом](#).

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в [Ответах](#).

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

[Ревизор: возвращение в СССР 19](#)